ВЕСТНИК
НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация

2018. Том 16, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

Прагматика и прикладная лингвистика

Тимофеева М. К. О границах и содержании прагматики 5

Лаврентьев А. М., *Соловьев Ф. Н.*, *Суворова* (*Ананьева*) *М. И.*, *Фокина А. И.*, *Чеповский А. М.* Новый комплекс инструментов автоматической обработки текста для платформы ТХМ и его апробация на корпусе для анализа экстремистских текстов 19

Гриф М. Г., *Королькова О. О.*, *Мануева Ю. С.* Разработка алгоритмического и программного обеспечения выбора значения многозначного слова и омонима в системе компьютерного сурдоперевода русского языка на основе семантической модели 32

Психолингвистика

Яковлев А. А. Лингвистическая основа общей теории языкового сознания 45

Цыбенова Ч. С. Языковое сознание в контексте исследования языковой ситуации 56

Лингвистика и когнитивные исследования

Боднарук Е. В. Семантика и прагматика императива (на материале немецкого языка) 67

Голованивская М. К. Абсолюты в национальных картинах мира: представление французов и русских о добре и зле 77

Курилова С. Н. Аугментативность как аффиксально маркированная категория частей речи в юкагирском языке (на материале языка тундровых юкагиров) 88

Репнина Т. В. Монопредикативные вопросительные условные конструкции в каталанском языке (в сопоставлении с испанским и французским) 102

Перевод и переводоведение

Бобылева Т. В. Анализ переводов названия романа Дж. Остин «Sense and Sensibility» на русский язык 116

Ли Сан Юн. Реалии корейской традиционной культуры и художественный перевод (на примере романа Пак Гённи «Дочери аптекаря Кима») 127

Рецензии

Панин Л. Г. Право и язык (рецензия на книгу: Акишин М. О. Правовая культура и юридический язык России: Учебное пособие. Новосибирск: ЧОУ ВО Центросоюза РФ «СибУПК», 2018. 180 с.) 138

Сведения об авторах 141

Информация для авторов 143

VESTNIK
NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: Linguistics and Intercultural Communication

2018. Volume 16, № 3

CONTENTS

Pragmatics and Applied Linguistics

Timofeeva Mariya K. On the Borderlines and the Scope of Pragmatics 5

Lavrentiev Alexei M., *Solovyev Fedor N*., *Suvorova* (*Ananyeva*) *Margarita I*., *Fokina Alina I*., *Chepovskiy Andrey M*. A New Toolkit for Natural Text Processing with the TXM Platform and its Application to a Corpus for Analysis of Texts Propagating Extremist Views 19

Grif Mikhail, *Korolkova Olga*, *Manueva Yuliya*. A New Algorithm and Other Software for Disambiguation of Polysemy and Homonymy for Computer Translation into Russian Sign Language Based on a Semantic Principle 32

Psycholinguistics

Yakovlev Andrey A. Linguistic Basis for the General Theory of the Linguistic Consciousness 45

Tsybenova Chechek S. Linguistic Consciousness in the Study of a Language Situation 55

Linguistic and Cognitive Studies

Bodnaruk Elena V. Semantics and Pragmatics of the Imperative in the Modern German Language 67

Golovanivskaya Maria K. Absolutes in National Views of the World: Representations of French People and Russians about Good and Evil / Right and Wrong 77

Kurilova Samona N. Augmentativity as a Marked Affixal Speech Parts Category in Tundra Yukaghir 88

Repnina Tatiana V. One-Predicate Interrogative Conditional Constructions in Catalan (In Comparison with Spanish and French) 102

Translation Studies

Bobyleva Tatiana V. Analysis of Russian Translations of Jane Austen Novel's Title «Sense and Sensibility» 116

Li San Yun. The Realities of Korean Culture and Literary Translation (Using Park Kyongni's Novel «Daughters of Pharmacist Kim» as an Example) 127

Our Contributors 141

Instructions to Contributors 143

Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics) Maria K. Timofeeva
Deputy Editor-in-Chief Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Michèle Debrenne
Executive Secretary Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Anatoli F. Fefelov
Secretary Alevtina N. Leonova

Foreign Text Editor
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina

Members of the Editorial Board
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Natalia V. Kozlova
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Anna L. Solomonovskaya
Cand. Sc. (Philology), Assoc. Prof. Ivan A. Remorov
Cand. Sc. (Linguistics), Assoc. Prof. Olga A. Ryzhkina

Editorial Board of the Series

Academician of the Russian Academy of Sciences, Prof. A. E. Anikin (Novosibirsk) Dr. Sc. (Philology),
Prof. V. E. Gorshkova (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Senior researcher L. L. Iomdin (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. B. Koshkareva (Novosibirsk), Cand. Sc. (Linguistics),
Doctorat National en sciences du language A. M. Lavrentev (Lyon, France),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. O. N. Aleshina (Taipei, The Republic of China, Taiwan), Dr. Sc. (Linguistics),
Prof. D. B. Nikulicheva (Moscow), Dr. Sc. (Philology), Prof. L. G. Panin (Novosibirsk), Dr. Sc. (Linguistics),
Prof. Z. G. Proshina (Moscow), Dr. Sc. (Philosophy, Neuroscience), Assoc. Prof. A. N. Savostyanov (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. I. Ya. Selyutina (Novosibirsk), Dr. Sc. (Philology), Prof. I. V. Silantyev (Novosibirsk),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. V. A. Stepanenko (Irkutsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Ye. F. Tarasov (Moscow),
Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. V. Ufimtseva (Moscow), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. Claude Fray (Paris, France),
PhD (Philology), Assoc. Prof. Iliana Chekhova (Sofia, Bulgaria), Dr. Sc. (Linguistics),
Prof. I. V. Shaposhnikova (Novosibirsk), Dr. Sc. (Linguistics), Prof. N. N. Shirobokova (Novosibirsk)

Editorial Board of the Journal

M. P. Fedoruk (Chairperson), S. G. Sablina (Vice-Chairperson), D. V. Churkin (Vice-Chairperson),
M. M. Lavrentyev (Vice-Chairperson), A. V. Arzhannikov, S. S. Goncharov, V. S. Diev, V. S. Kurcheev, V. I. Molodin,
G. M. Mkrtchyan, O. N. Pervushina, M. K. Timofeeva

The journal is published quarterly in Russian since 1999
by Novosibirsk State University Press

The address for correspondence
Institute of Humanities, Novosibirsk State University
1 Pirogov Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Tel. +7 (383) 363 42 23
E-mail address: lingua@vestnik.nsu.ru
On-line version: http://elibrary.ru

УДК 81-119
DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-5-18

М. К. Тимофеева

Институт математики им. С. Л. Соболева СО РАН
пр. Академика Коптюга, 4, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

timof@msth.nsc.ru

О ГРАНИЦАХ И СОДЕРЖАНИИ ПРАГМАТИКИ

Современная прагматика очень разобщена, она объединяет под одним названием разные, зачастую конфликтующие, направления; такая ситуация затрудняет ее развитие в целом как единого раздела лингвистики. Причина этого видится в том, что данная исследовательская область была охарактеризована основателями семиотики (прежде всего Ч. Пирсом и Ч. Моррисом) слишком абстрактно, ее реальное использование для анализа языкового материала невозможно без конкретизации. Предлагается рассматривать современную прагматику как единую область, разные направления которой возникли как результат выстраивания разных стратегий конкретизации изначально недоопределенной сферы. Каждый шаг на этом пути равносилен осознанию определенной неясности, формулированию соответствующего вопроса и нахождению варианта решения этого вопроса. Поскольку прагматические явления сложны, процесс конкретизации видится ступенчатым: первоочередными представляются вопросы о границах, далее следует конкретизация специфических понятий и теорий. В статье формулируются ключевые вопросы, нацеленные на уточнение границ прагматики. Обсуждение границ неотделимо от обсуждения содержания, так как границы неизбежно проводятся по тем или иным содержательным признакам. Поэтому вопрос о содержании прагматики также затрагивается, но лишь настолько, насколько это существенно для обсуждения ее границ. Более детализированное рассмотрение содержания прагматики и связей между разными ее направлениями, безусловно, также необходимо, но по своему объему превышает допустимые рамки одной публикации.

Ключевые слова: прагматика, границы прагматики, направления прагматики, школы прагматики, обучение прагматике.

Успешность коммуникации зависит от того, насколько собеседники понимают друг друга. Но что такое понимание, и как нужно выстраивать свою речь, чтобы его достичь? В распоряжении человека нет канала передачи информации, способного довести до адресата в точности то содержание, которое связывает с сообщаемым текстом его автор. Вместе с тем автор имеет возможность влиять на качество понимания, выбирая (осознанно или нет) компоненты содержания и языковые средства их выражения с учетом целей и обстоятельств коммуникации, в частности с учетом представления о своих собеседниках и о том, что им необходимо сообщить явным образом, а о чём они смогут догадаться сами. Спектр возможностей и стратегий выбора языковых средств, в той или иной степени, можно изучать во всех разделах лингвистики, но для прагматики это составляет основной предмет исследования.

Тимофеева М. К. О границах и содержании прагматики // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 5–18.

ISSN 1818-7935
Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 3
© М. К. Тимофеева, 2018

Термин «прагматика», происходящий от греческого pragma (πράγμα) – «дело», «действие», был введен Чарльзом Моррисом в первой половине XX в. [Morris, 1953]. Выбор этого термина связывал прагматику с прагматизмом – доминирующим направлением американской философии того времени, ассоциируемым с практическим, утилитарным, подходом к делу.

Цель данной статьи также, по сути, утилитарна: построить своего рода «карту» прагматики, отметив ключевые пункты, на которых принимаются решения о границах исследования и его содержании.

Появление таких решений в процессе развития прагматики было неизбежно, поскольку определение, данное Ч. Моррисом, является слишком общим и при практическом применении нуждается в конкретизации. Прежде всего необходимо рассмотреть, как конкретизировали границы исследований. Это позволит в дальнейшем перейти к анализу путей уточнения понятий и теорий прагматики. Систематизация прагматики представляется полезной для ее конструктивного развития, которое затруднено разнообразием сосуществующих подходов, дискуссиями и разногласиями.

Фокус внимания в статье сосредоточен на логическом анализе исследовательской ситуации, а не на соположении цитируемых формулировок. Оценка Дж. Вершуерена обсуждений в стиле «кто-что-когда-сказал» («who-said-what-when») как малопродуктивных и отвлекающих от основной цели [Verschueren, 1998. P. 254] представляется справедливой.

Анализ ситуации базируется прежде всего на обобщающих монографиях по прагматике, подытоживающих ее современное состояние. Количество англоязычных изданий такого рода довольно велико, среди них наиболее известны книги С. Левинсона, Дж. Лича, Л. Хорна и ряда других авторов (см., например: [Levinson, 1983; Leech, 1983; Yule, 1996; Verschueren, 1998; Lycan, 2000; Mey, 2001; Horn, 2006; Huang, 2007; Chapman, 2011; Birner, 2012]). Аналогичных обобщающих изданий (представляющих прагматику в целом, а не какие-либо отдельные ее разделы или методы) на русском языке немного, это прежде всего сборник «Новое в зарубежной лингвистике» [1985], монография Е. В. Падучевой [2014], учебные издания И. П. Сусова [2009] и Б. Ю. Нормана [2009]. Большинство публикаций отечественных лингвистов посвящено различным отдельным вопросам прагматики или сферам применения прагматических знаний.

Активный интерес лингвистов к области прагматики проявился в начале 1970-х гг., за последующие почти пять десятков лет прагматика превратилась в один из доминирующих разделов лингвистики, приближающийся, по мнению некоторых исследователей, к статусу самостоятельной дисциплины [Jucker, 2012]. Однако единое (или хотя бы близкое к таковому) мнение по поводу границ и задач прагматики отсутствует. Причины такого положения дел можно усмотреть как в истории формирования, так и в предмете прагматики.

История и предыстория прагматики развивались параллельно сразу в нескольких дисциплинах (философии, логике, риторике, психологии, лингвистике, теории информации), различающихся по целям, методам, ценностным установкам. В рамках лингвистики прагматика тесно связана с рядом других направлений (прежде всего с семантикой, когнитивной лингвистикой, социолингвистикой, антропологической лингвистикой), также различающихся по целям и методам исследований. Возникновение прагматики как области конвергенции такого многообразия подходов неизбежно вело к неопределенности границ, наличию автономно развивающихся и зачастую конфликтующих друг с другом теорий; всё это было присуще прагматике изначально [Булыгина, 1981]. Общеизвестное сравнение данной области с «мусорной корзиной» (wastebasket, И. Бар-Хиллел [Bar-Hillel, 1971]), а также менее известные сравнения с «мешком для обрезков» (rag-bag, Дж. Лич [Leech, 1983. P. 1]) и «всякой всячиной» (hodge podge, С. Левинсон [Levinson, 1983. P. 9]), акцентировали внимание на том, что прагматика остро нуждается в наведении порядка, поскольку она образовалась из разнотипных явлений, не вписавшихся в традиции исследования других языковых уровней. За наведение порядка в этой «переполнившейся корзине» [Yule, 1996. P. 6] взялись многие, в частности Дж. Юл, отметивший, что прагматические явления не относятся к одной категории, так как их отбирали по «негативному» принципу из материала, оказавшегося сложным для существовавших систем формального анализа.

Предмет прагматики тем самым изначально был лишен единства. Помимо этого, содержательная сторона языка вообще сложна для изучения, поскольку обладает большей субъективностью по сравнению, например, с грамматикой. Многие языковеды начала XX в. задумывались над теоретико-методологическими проблемами, обусловленными этим обстоятельством. Столкновения позиций при решении антиномий семантики [Мауро, 2000] привели, в частности, к идее об отказе от изучения сферы языковых значений из-за недостоверности и, следовательно, ненаучности доступных человеку знаний. Представителем крайней позиции был американский лингвист З. Харрис. Антисемантические доводы в еще большей степени применимы к прагматике.

Конечно, такая позиция не могла воспрепятствовать изучению сферы языковых значений, по сути являющейся ведущей стороной языка, ради которой совершается коммуникация. Однако предостережения уместны: прагматические дефиниции и теории – красиво и логично сформулированные – при попытке их использования для решения конкретных прикладных задач сталкиваются с большим количеством нюансов, сложностей и вариативных трактовок. Разрыв между теориями прагматики (метаязыками) и конкретными языковыми данными затрудняет формулировку ясных в своем применении правил.

Ситуация усугубляется тем, что среднее образование не предполагает изучения прагматики как составляющей языкознания, в типовых учебниках по родному и иностранному языкам раздел прагматики отсутствует. Поэтому опыт осознанного выявления и анализа прагматических средств не накапливается с детства, – в отличие, например, от опыта грамматического анализа, – а впервые приобретается во взрослом состоянии, если эта область становится предметом профессионального интереса.

Разрыв между теорией и практикой начинается уже с определения прагматики, данного Чарльзом Моррисом: «прагматика – дисциплина, изучающая отношения знаков к их интерпретаторам» [2001. С. 71]. Для реального практического развития названной дисциплины нужно уметь выявлять конкретные признаки отношений указанного типа. Такие признаки можно найти в очень разных сферах: в составе реплики говорящего или в его (явных или неявных) намерениях, в предшествующей речи, в подразумеваемой информации, в общеизвестной информации, в социокультурном контексте и т. д. Многое из этого не входило в традиционные границы языкознания того времени и оказалось ближе к интересам других дисциплин. Каждая дисциплина конкретизировала или трансформировала определение Ч. Морриса в соответствии со своими традициями.

Иной взгляд на тенденцию переосмысления термина «прагматика» в логике, философии, лингвистике представлен в статье А. А. Худякова [2001], который также полагает, что данный термин в изначальной трактовке Ч. Морриса «принципиально неприложим к явлениям языка». Однако причины этого автор усматривает в том, что языковая система не отчуждаема от человека, внутренне присуща ему и не создается искусственно в результате конвенций. Логическая связь этого утверждения с переосмыслением терминов непрозрачна. Кроме того, оно вызывает ряд возражений. Во-первых, любая теория языка (синтаксическая, семантическая, прагматическая) – это теоретический конструкт, гипотеза, не тождественная внутренне присущей человеку языковой способности. Во-вторых, любая знаковая система (в том числе и искусственная, например язык математики) в отрыве от человека превращается в бессмысленные комбинации точек. В-третьих, тезис о конвенциональности знака трактуется как отсутствие между сторонами знака объективно существующей причинно-следственной зависимости; эта связь не предполагает процедуры заключения договоренностей между носителями языка, однако учить значения незнакомых слов и грамматические правила необходимо (особенно при изучении иностранного языка), что и является, по сути, запоминанием конвенций.

Логически более последовательным видится предложенное выше объяснение необходимости конкретизации прагматических понятий, обусловленное непригодностью первоначальных формулировок для практического применения.

Становление прагматики совпало по времени с расширением границ лингвистики. Допустимые векторы этого движения обозначил А. Е. Кибрик: «Всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [2012.

С. 20]. Прагматика создала одно из оснований и один из инструментов для расширения лингвистики.

Участники этого процесса по-разному видели границы и содержание прагматики. Стремясь приблизить теорию к практике, они неизбежно принимали конкретные решения. Такие решения удобно рассматривать как ответы на определенные, закономерно возникавшие, базовые вопросы. Альтернативные ответы соответствуют разным путям развития прагматики. Сформулируем эти вопросы.

(1) *Входит ли прагматика в состав лингвистики или находится вне лингвистики?*

По мнению С. Чапмана [Chapman, 2011. P. 10–13], «ядерными» компонентами лингвистики (core linguistics) являются фонология, морфология, синтаксис, семантика. Эти разделы сосредоточены на анализе языка как изолированной системы. Прагматика же не продолжает указанный ряд, а находится вне этого ряда, поскольку предмет ее исследований – не язык как таковой, а его использование и интерпретация в контексте употребления. Кроме того, прагматические знания обширнее собственно лингвистических, в частности включают знания о когнитивных процессах. Исходя из таких соображений, С. Чапман охарактеризовал прагматику как «приложение» (adjunct) к лингвистике. Изучение прагматики, как он полагает, – не дело лингвистики, поскольку далеко от ее ключевых интересов (что в свое время и дало основание назвать ее собранием «всякой всячины», выброшенной из лингвистики). Вместе с тем размещение прагматики вне лингвистики не лишает исследователя возможности использовать сведения из области прагматики для расширения чисто лингвистических знаний.

Таким образом, предложены два основания для отделения прагматики от лингвистики: 1) переход от изучения языка как изолированной системы, свойственного ряду «фонология, морфология, синтаксис», к изучению употребления языка в прагматике, 2) распространение исследований на междисциплинарные области. Эти аргументы нельзя назвать бесспорными, что и обусловливает существование альтернативных решений. Различия между остальными языковыми уровнями также можно счесть критическими. Напомним, например, что включение семантики в указанный ряд уровней в свое время вызывало активное противодействие сторонников антисемантического направления, представители которого сочли субъективность семантики тем критическим признаком, который оправдывает ее устранение из указанного ряда. Второй аргумент в пользу отделения прагматики от лингвистики – в условиях растущей тенденции к междисциплинарности, происходящей в науке в целом, – приводит к менее жесткой альтернативе, выраженной в вопросе (2).

Вопрос (1) о возможности выведения прагматики из сферы лингвистики в настоящее время нельзя назвать актуальным, включение хотя бы некоторых разделов прагматики в лингвистику не вызывает категоричных возражений.

(2) *Входит ли прагматика полностью в состав лингвистики или только частично пересекается с ней?*

Прагматика как область лингвистики обсуждается, например, в [Huang, 2007]. Эта точка зрения соответствует максимальному расширению сферы интересов лингвистики по сравнению с ее традиционным вариантом.

Более умеренное расширение лингвистики соответствует разделению прагматики на лингвистическую и нелингвистическую. В таком ключе вопрос о статусе прагматики обсуждается в книге [Булыгина, 1981]. В работе [Булыгина, Шмелев, 1997. С. 253–255] этот вопрос выведен в название раздела: «Граница между прагматикой и лингвистикой». Авторы данных публикаций проводят границу между «лингвистической прагматикой» и «нелингвистической прагматикой». Отличительным признаком лингвистической прагматики в [Булыгина, 1981] названа конвенциональность. Иначе говоря, значения, рассматриваемые в рамках лингвистической прагматики, должны иметь некие регулярные и эксплицитно описываемые средства выражения в языке. Автор, однако, отмечает, что в настоящее время нет теории, которая позволила бы провести четкую грань между конвенциональными и неконвенциональными средствами.

Принципы определения границ и составляющих языковой прагматики сформулировал Ю. Д. Апресян. Он предлагает относить к данной области те способы выражения отношения автора сообщения к действительности, содержанию сообщения, адресату, которые закреплены в языковой единице, т. е. имеют регулярное языковое средство выражения на уровне лексики или грамматики [1995. С. 135–177].

За пределами так определяемой языковой прагматики остаются те средства, которые не связанны регулярным образом с языковыми формами. Например, коммуникативные импликатуры. Одним из базовых свойств такой импликатуры (называемым неконвенциональностью, non-conventionality) является ее связанность с мыслью, а не с языковой формой реализации в речи. Это свойство отличает коммуникативную импликатуру от конвенциональной импликатуры. Коммуникативная импликатура связана с вербальной составляющей только опосредованно, через выражаемую в сообщении мысль (пропозицию). На основе этой пропозиции, а также общих правил языкового поведения (отраженных, в частности, в постулатах Г. П. Грайса [Grice, 1975] [1]) и имеющихся знаний (как общего характера, так и касающихся ситуации коммуникации) адресат может логически «вычислить» коммуникативные импликатуры, связанные с сообщением. Возможность такого вывода составляет еще одно базовое свойство коммуникативных импликатур, называемое «вычислимостью» (calculability) [2].

Еще одно прагматическое средство, не имеющее регулярных показателей в речи, – прагматические пресуппозиции. К ним относят те не высказанные явным образом пропозиции, которые автор сообщения считает истинными и известными адресату [Падучева, 2014].

В целом, использование термина «лингвистическая прагматика» нельзя назвать регулярным. Далеко не все авторы, употребляющие этот термин, придерживаются указанных выше ограничений. Например, в [Норман, 2009; Сусов, 2009; Valeika, Verikaitė, 2010] под общим заглавием «Лингвистическая прагматика» рассматриваются все традиционные разделы прагматики, включая коммуникативные импликатуры и прагматические пресуппозиции, т. е. сфера внимания не ограничивается только лексикализованными и грамматикализованными средствами выражения прагматических значений. В [Huang, 2007] термин «лингвистическая прагматика» не используется, при этом прагматика рассматривается как раздел лингвистики.

Вопрос (2) имеет методологический аспект: некоторые научные методы изучения прагматики могут отвергаться как «нелингвистические», что не способствует развитию данной области в целом.

Переход от «традиционно наследуемых и охраняемых границ» к исследованию проблем, который предвидит в будущем лингвистики Вяч. Вс. Иванов [2004. С. 157], возможно, устранит такие, не обусловленные естественным состоянием вещей, препятствия.

(3) *Является ли прагматика отдельным языковым уровнем, следующим за синтаксисом и семантикой, или она распределена по всем языковым уровням?*

Этот вопрос разделяет два принципиально разных взгляда, которые послужили основой для формирования двух направлений, или школ, прагматики: компонентной (component) и аспектуальной (perspective).

Теоретическое расхождение между данными школами базируется на том же соображении, которым руководствовался С. Чапман при решении вопроса (1). Традиционный ряд языковых уровней – это своего рода разделение труда при изучении языка в изоляции от его употребления, прагматика же состоит в изучении именно употребления языка, задавая тем самым иной взгляд на данный ряд в целом и на каждую из его частей в отдельности. С. Чапман, как и сторонники аспектуальной школы, считает, что это препятствует размещению прагматики в ряду языковых уровней.

Компонентная школа (называемая также англо-американской) трактует прагматику как особый уровень языка, следующий за семантикой. В этом сторонники данной школы видят отличие прагматики от, например, антропологической лингвистики или социолингвистики,

[1] В переводе на русский язык см.: [Грайс, 1985].

[2] О свойствах импликатур см., например, [Huang, 2007. P. 32–35].

не рассматриваемых как отдельные уровни и затрагивающих единицы всех уровней. Такая версия прагматики, впервые в полном виде представленная в [Levinson, 1983] и подробно описанная в [Horn, 2006; Huang, 2007], характеризуется стремлением к точности формулировок, логичности рассуждений и, в целом, более систематизирована по сравнению со второй школой прагматики.

В рамках компонентной школы в состав прагматики включают четыре базовых раздела: импликатуры, пресуппозиции, речевые акты, референция и дейксис. Эти четыре раздела имеются практически во всех учебниках по прагматике, представляющих данное направление (см., например, [Levinson, 1983; Yule, 1996; Horn, 2006; Huang, 2007]), частой темой является обсуждение взаимодействия прагматики с синтаксисом и семантикой. Рассматривается также ряд других областей, в частности коммуникативная и информационная структуры сообщения; структура преференций [Yule, 1996], анализ дискурса, прагматика разговора («конверсационный анализ», conversation analysis) (см., например, [Levinson, 1983]), прагматика межкультурной коммуникации, принципы проявления вежливости; прагматика и когниция.

Аспектуальная школа (называемая также континентальной) рассматривает язык в целом (и каждый его уровень) с точки зрения использования, привлекая сведения из социолингвистики, антропологической лингвистики, нейролингвистики, психолингвистики, исследований дискурса. Примером такой версии прагматики может служить книга Дж. Вершуерена [Verschueren, 1998]. К этой школе относятся также французская прагматика [Рыжова, 2007], исследования прагматических аспектов отдельных языковых уровней (см., например, [Санников, 2008; Зельдович, 2012]), а также прагмалингвистика, рассматривающая прагматические средства (преимущественно речевые акты) прежде всего с позиции их использования как средства языкового воздействия.

Присоединение прагматики к ряду, включающему социолингвистику, антропологическую лингвистику, психолингвистику и т. д., поддерживается не всеми сторонниками аспектуального направления. Так, Дж. Вершуерен отмечает, что каждая из перечисленных междисциплинарных «лингвистик» имеет свой собственный объект изучения, прагматика же занимается полным спектром вопросов о языковом поведении (включая когнитивные и социокультурные аспекты), она представляет собой комплексный взгляд на языковые явления с точки зрения их использования [Verschueren, 1998. P. 7–8].

Представители аспектуального направления прагматики акцентируют внимание на том, что прагматические составляющие могут быть сопряжены с единицами любого языкового уровня. Такая вездесущность прагматики, ее присутствие на всех уровнях языка, может вызывать опасения о размытости и неупорядоченности данной сферы, что и послужило в свое время одним из оснований уже упоминавшегося ранее сравнения прагматики с набором «всякой всячины». Подобно Дж. Юлу, представляющему компонентную школу, Дж. Вершуерен, уже с позиции аспектуальной школы, намеревается окончательно опровергнуть и оставить в прошлом [Ibid. P. 11] данное представление о прагматике.

Основу концепции Дж. Вершуерена составляет убеждение в том, что использование языка – это непрерывный выбор подходящих языковых средств разного уровня, происходящий как при порождении, так и при понимании речи (что, по его мнению, превращает выражение «функциональная прагматика» в тавтологию). Некоторые процессы выбора осознанны и мотивированы, некоторые – нет. Однако в любом случае выбор регулируют гибкие принципы и стратегии, варьирующие соотношение между эксплицитностью и имплицитностью компонентов значения на разных языковых уровнях [Ibid. P. 156].

Вопрос (3) имеет иные формы. Например, в [Mahmood, 2016] автор обозначает похожее решение как выбор между микролингвистикой и макролингвистикой. Первая имеет дело с традиционными языковыми уровнями, помещая в этот же ряд еще один уровень – прагматику. Вторая трактует прагматику как междисциплинарную сферу и размещает ее на одной линии с психолингвистикой, социолингвистикой, анализом дискурса, лингвистикой текста, компьютерной лингвистикой и т. д. (Здесь следует вспомнить об указанном ранее возражении Дж. Вершуерена против уподобления прагматики составляющим данного ряда.)

С. Чапман различает теоретическую прагматику и социальную [Chapman, 2011. P. 5–6], что коррелирует с указанными выше школами прагматики: компонентная является в значи-

тельной степени теоретической, континентальная представляет более социально ориентированное эмпирическое изучение прагматических средств.

Можно также соотнести компонентную и аспектуальную школы с разделением прагматики на универсальную, или общую (universal pragmatics, general pragmatics), и прагматику конкретного языка (language-specific pragmatics). Такое разделение обсуждают С. Левинсон, Дж. Лич и др. Примерами отечественных исследований по прагматике конкретного (русского) языка являются книги Г. М. Зельдовича [2012], З. Д. Санникова [2008], М. А. Шелякина [2010].

Подытожим рассуждения о вопросе (3) следующим предположением. Для того чтобы обсуждать прагматические средства, используемые на разных уровнях языка, представляется необходимым сначала дать четкое представление об этих средствах (что, собственно, и делается в рамках компонентной школы) и лишь после этого анализировать, как на каждом языковом уровне эти средства могут применяться (т. е. выйти на аспектуальную позицию). Например, сначала следует получить общее представление о том, что такое пресуппозиция и какие виды пресуппозиций бывают, и лишь после этого изучать конкретные средства реализации пресуппозиций. Иначе говоря, компонентная и аспектуальная позиции представляются вполне совместимыми. Возможно, неслучайно Дж. Вершуерен, отчетливо позиционирующий себя как приверженца аспектуальной точки зрения, в обобщающей монографии [Verschueren, 1998] сначала описывает обычный набор разделов прагматики (импликатуры, пресуппозиции, речевые акты, дейксис) и лишь затем переходит к рассмотрению собственно аспектуальной позиции.

В рамках компонентного направления прагматики уместен следующий вопрос.

(4) *Есть ли граница между прагматикой и семантикой, и если есть, то где она проходит?*

Отрицательный ответ на первую часть вопроса дают сторонники редукционизма: с их точки зрения семантика и прагматика не разделены границей, а образуют единую область. С. Левинсон назвал такую позицию «прагмантикой» (pragmantics) [Huang, 2007. P. 210]. Редукционизм имеет два варианта. Первый вариант означает полное сведение прагматики к семантике (семантический редукционизм, semantic reductionism), во втором варианте, наоборот, семантика полностью сводится к прагматике (прагматический редукционизм, pragmatic reductionism). Дж. Лич использует для обозначения этих позиций соответственно термины «прагматицизм» (pragmaticism) и «семантицизм» (semanticism) [Leech, 1983. P. 6–7].

Как отмечает Дж. Лич, в чистом виде эти варианты прагматики найти непросто, в качестве примеров он приводит соответственно концепции Дж. Сёрля (рассматривавшего теорию значения как часть теории действий) и представителя генеративной семантики Дж. Росса (полагавшего, что иллокутивная сила высказывания отражена в его глубинной семантической структуре). К прагматическому редукционизму примыкает также позиция Р. Шенка [Шенк и др., 1989], усматривавшего функциональное единство семантики и прагматики, причем в этом единстве прагматике отводилась ведущая роль.

Редукционизму противостоит позиция комплементаризма, которую Я. Хуанг считает наиболее распространенной [Huang, 2007. P. 210]. Согласно комплементаризму семантика и прагматика взаимно дополняют друг друга, но не совпадают, являясь разными разделами лингвистики. Позиции комплементаризма придерживается, например, Дж. Лич.

В случае комплементаризма необходимы критерии разграничения семантики и прагматики. Такие критерии обсуждает, например, Л. Хорн [Horn, 2006. P. 442–450]. В обзоре Я. Хуанга [Huang, 2007. P. 211–216] перечислено 15 возможных критериев, в частности следующие: 1) семантическое значение конвенционально (лексикализовано или грамматикализовано), прагматическое – нет; 2) семантика занимается компонентами значения, инвариантными по отношению к контекстам своего употребления, прагматика изучает значения в контексте употребления; 3) семантика изучает готовые предложения, а прагматика – их реализации в речи; 4) семантика изучает то, что сказано (буквальное значение), прагматика – то, что имплицировано.

Каждый из этих критериев имеет исключения и может рассматриваться лишь как частично применимый. Например, большой объем дискуссий посвящен последнему из названных выше критериев (предложенному Г. П. Грайсом), согласно которому для разделения семантики и прагматики надо отделить сказанное от имплицированного. Понятие «то, что сказано», отнюдь не столь просто, как может показаться первоначально [Bach, 1999; Huang, 2007; Вострикова, 2011]. В [Huang, 2007. P. 241] приведена наглядная схема соотношения понятий «сказанное» и «имплицированное» (и соответственно возможных разграничений семантики и прагматики) в теориях разных авторов.

Ю. Д. Апресян [1996] предложил следующие критерии отделения прагматической информации от семантической в составе значения языковой единицы: 1) периферийность прагматических средств, 2) их распределенность между разными языковыми уровнями, 3) их сплетенность с семантической информацией. Рассматривая разграничение семантики и прагматики на уровне интегрального описания лексики, Ю. Д. Апресян определяет специальные формальные операции (тесты), предназначенные для отделения семантической части лексического значения от признаков-коннотаций, относящихся к прагматике. Тесты состоят в осуществлении определенных преобразований и имеют ограниченную применимость.

Многие исследователи (см., например, [Horn, 2007; Goddard, 2011]), отмечают, что убедительные на первый взгляд критерии при попытке их практического применения не позволяют провести четкую границу между семантикой и прагматикой.

Все приведенные выше признаки, предлагаемые в качестве критериев разделения семантики и прагматики, имеют градуальный характер, т. е. представляют собой шкалы. Такие критерии хорошо работают в типовых ситуациях, но сталкиваются с большим количеством спорных случаев. Однако это не является особенностью именно прагматики. Между традиционными языковыми уровнями также нет четких границ. Поскольку разделение языковых уровней – не метафизическая реальность, а лишь удобный, проверенный веками способ структурирования языковых данных, а границы, в принципе, можно проводить по-разному. Однако в каждом конкретном исследовании, для которого существенно разделение семантики и прагматики, этот вопрос должен быть решен путем формулировки неких конкретных критериев.

Вместе с тем отнюдь не всегда данное разделение имеет смысл. Например, при компьютерном моделировании языка важно, чтобы определенные аспекты языка были формализованы, но не важно, отнесены ли они при этом к прагматике или к семантике [Шенк и др., 1989].

В отечественных публикациях вопрос о разграничении семантики и прагматики не относится к числу активно обсуждаемых, что, вообще говоря, оправданно: важно скорее не место проведения границы, а включение в сферу исследований всех существенных аспектов коммуникации.

Помимо приведенных выше вопросов (1)–(4), версии прагматики различаются расстановкой акцентов.

(5) *В какой степени прагматика учитывает когнитивные, социокультурные и межъязыковые стороны коммуникации?*

Процесс коммуникации имеет информационную, логическую, когнитивную, социокультурную составляющие. Каждая из них может претендовать на роль доминирующей (по крайней мере, в определенном типе языкового поведения или с определенной точки зрения), что и отражается в выборе исследователей. Логическая составляющая активно изучается логиками, информационная доминирует при моделировании языка в компьютерной лингвистике и информатике.

Вариативность объема когнитивной составляющей в теориях прагматики удобно проиллюстрировать, сравнив используемые модели коммуникации.

Инициированный Г. П. Грайсом переход от информационно-кодовой («кодовой», «кибернетической») модели коммуникации Шеннона – Уивера к инференционной модели вывел область исследований за пределы анализа пропозиционального содержания текста.

В кодовой модели человек рассматривался как точка передачи / получения языкового кода. Наличие у отправителя или адресата знаний, намерений, эмоций, превышающих пропозициональное содержание сообщения, не учитывается. По сути, неважно, являются участники коммуникации людьми или машинами.

В инференционной модели в область внимания вошли определенные когнитивные процессы, прежде всего интенции (намерения) участников коммуникации и умение распознавать интенции собеседника. С позиции Грайса, условием успешности коммуникации является распознавание адресатом интенций отправителя сообщения. Иначе говоря, важен не только передаваемый код как таковой, но и те намерения, которые явились причиной его передачи. Однако Грайс предлагает слишком общее представление о том, как именно (по каким признакам) адресат может распознавать намерения отправителя сообщения. Конкретизация этого процесса находится в фокусе внимания теории релевантности.

Авторы теории релевантности, Д. Спербер (Шпербер) и Д. Уилсон [Sperber, Wilson, 1986] [3], обратили внимание на то, что в ходе коммуникации отправитель сообщения должен позаботиться о возможности распознать его намерения, передав адресату соответствующие сигналы – остенсии (ostension), которые могут быть вербальными (т. е. элементами сообщения) или нет. Причем отправитель должен сначала как-то отобрать те интенции, которые он будет сообщать. Отбор интенций, передаваемых отправителем сообщения (и воспринимаемых его получателем), основывается на оценке сложности формирования остенсий и подчиняется режиму экономии усилий. Этот режим означает, что должно быть равновесие между когнитивными результатами (полезностью понимания сообщения) и усилиями на создание сообщения (или его обработку, если речь идет об адресате). Например, слишком сложное и не очень важное сообщение получатель может слушать «краем уха», оставляя трудно распознаваемые интенции без внимания. В процессе коммуникации каждый из участников действует в определенной, доступной для него, когнитивной среде (cognitive environment), состав и инференциальные возможности которой зависят от особенностей восприятия физического мира, знаний и опыта (в частности, языкового), когнитивных способностей.

Остенсивно-инференционная модель коммуникации, предложенная в теории релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон, базируется на возможности вывода (инференции) передаваемой информации из сообщения и связанных с ним остенсий. Когнитивная составляющая, изучаемая в рамках данной теории прагматики, значительно расширена (по сравнению с теориями Г. П. Грайса и ряда его последователей) за счет введения когнитивной среды, предопределяющей когнитивные возможности и ожидания участников коммуникации, и остенсии, т. е. манифестации (вербальной или нет) интенций доступным для адресата образом [4].

Социокультурные и межъязыковые аспекты коммуникации выходят на первый план в прикладных направлениях прагматики. Среди них следует выделить три – те, которые имеют прямое отношение к исследованию реального владения всем спектром прагматических средств языка: это обучение иностранному языку, освоение родного языка ребенком, исторические изменения языка.

При обучении иностранному языку (см., например, [Kasper, Schmidt, 1996; BouFranch, 1998]) особую важность приобретает сопоставительный анализ условий успешности коммуникации (межъязыковая прагматика, interlanguage pragmatics). Соответственно ставятся вопросы о том, как обучать прагматике неродного языка; каковы модели освоения прагматики и виды влияния (позитивного и негативного) родного языка на изучаемый язык (прагматический трансфер, pragmatic positive and negative transfer); как оценить прагматическую компетентность и прагматическую беглость (pragmatic fluency), каковы прагматические характеристики промежуточного языка – интерлингвы, или интерязыка (interlingua), – образующегося в ходе изучения иностранного языка на разных этапах его формирования.

Социокультурные аспекты имеют также большое значение при изучении процесса освоения ребенком прагматики родного языка (acquisitional pragmatics) [Cekaite, 2013] (см. также

[3] Перевод главы 3 см.: [Шпербер, Уилсон, 1988].

[4] Обширную библиографию по данной теории можно найти, обратившись к библиографическому сервису по теории релевантности: https://personal.ua.es/francisco.yus/rt.html. Широкий спектр когнитивных аспектов прагматики представлен в монографии [Cognition in Pragmatics, 2009].

обзор E. V. Clark в [Horn, 2006. P. 562–577]). В обоих случаях – при изучении процессов освоения родного и иностранного языков – важны все составляющие прагматики, хотя нередко исследования фокусируются преимущественно на речевых актах.

Изучением изменений прагматики языка, происходящих с течением времени, занимается историческая прагматика (см. обзор E. C. Traugott в [Horn, 2006. P. 538–561]). Одно из ее направлений («макропрагматика»), как и обучение иностранному языку, фокусируется на изменениях, обусловленных внешними обстоятельствами (социальными условиями, целями, интересами, моделями поведения, ритуалами и т. д. соответствующего времени). Здесь исследуются тексты (устные или письменные), рассматриваемые с позиции различных норм (юридических, религиозных, педагогических и т. д.) В рамках второго направления («диахроническая прагматика», или «микропрагматика») тексты служат источниками информации об изменениях в употреблении языка, обусловленных внутриязыковыми процессами (изменения дискурсивных маркеров, гонорификов, использования перформативов, переход коммуникативной импликатуры в конвенциональную и т. д.).

В отечественном варианте прагматики преобладают работы прикладного характера, фокусирующиеся на изучении конкретных типов прагматических средств (чаще всего – речевых актов) в определенных видах коммуникации, например в рекламе, политическом или образовательном дискурсах.

Рассмотренные в статье ключевые вопросы не исчерпывают всего множества направлений прагматики. Разнообразие подходов определяется также ракурсом рассмотрения прагматических явлений: можно изучать социологические, психологические, вычислительные и другие аспекты. Такие ракурсы весьма многочисленны, в этом можно убедиться по представленной в [Петрякова, 2014] сети, построенной на основе толкований терминов в англоязычных энциклопедиях и словарях по прагматике. Хотя данная сеть не дает представления о содержательной стороне, так как не включает определений терминов и анализа расхождений между теориями, сама по себе визуализация сети терминов в виде ряда схем убедительно демонстрирует, что прагматика за полвека своего формирования превратилась в разветвленную область знания, имеющую много перспективных направлений развития.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.

Булыгина Т. В. О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 333–342.

Булыгина Т. В., *Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.

Вострикова Е. В. Семантика vs прагматика // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 30, № 4. С. 99–115.

Грайс Г. П. Логика речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике: лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217–237.

Зельдович Г. М. Прагматика грамматики. М.: Языки славянских культур, 2012. 648 с.

Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 с.

Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания: универсальное, типовое и специфическое в языке. М.: КомКнига, 2012. 352 с.

Мауро Т. де. Введение в семантику / Пер. с ит. Б. П. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 240 с.

Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45–97.

Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других языков): Курс лекций. Минск, 2009. 183 с.

Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика / Вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. 504 с.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Изд-во ЛКИ, 2014. 296 с.

Петрякова М. С. Тезаурусно-сетевое моделирование семантического поля термина Pragmatics ‘лингвистическая прагматика’ // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. 2014. № 4 (84). С. 142–151.

Рыжова Л. П. Французская прагматика. М.: КомКнига, 2007. 240 с.

Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.

Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. Винница: Нова Кныга, 2009. 272 с.

Худяков А. А. Прагматика: переосмысление термина в свете новых лингвистических идей // Studia Linguistica. СПб.: Тригон, 2001. Вып. 10: Проблемы теории европейских языков. С. 51–61.

Шелякин М. А. Очерки по прагматике русского языка. М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2010. 285 с.

Шенк Р., *Бирнбаум Л.*, *Мей Дж.* К интеграции семантики и прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Компьютерная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. Вып. 24. С. 32–47.

Шпербер Д., *Уилсон Д.* Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 33: Когнитивные аспекты языка. С. 212–233.

Bach K. The semantics-pragmatics distinction: What it is and why it matters // The Semantics-Pragmatics Interface from Different Points of View / Ed. by Ken Turner. New York: Elsevier, 1999. P. 65–84.

Bar-Hillel I. Out of the pragmatic wastebasket // Linguistic Inquiry. 1971. Vol. 2. No. 3. P. 401–407.

Birner B. J. Introduction to Pragmatics. Wiley-Blackwell, 2012. 340 p.

Bou-Franch P. B. On Pragmatic Transfer // Studies in English Language and Linguistics. Universitat de Valencia, 1998. P. 5–20.

Cekaite A. Child Pragmatic Development // Willey Online Library. The Encyclopedia of Applied Linguistics. Blackwell Publishing Ltd., 2013. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/book/10.1002/9781405198431 (дата обращения 24.07.2018).

Chapman S. Pragmatics. Palgrave-Macmillan, 2011. 304 p. (Modern Linguistics Series)

Cognition in Pragmatics / Eds. Dominiek Sandra, Jan-Ola Őstman, Jef Verschueren. Series: Handbook of Pragmatics highlights. John Benjamins Pub. Company, 2009. xvi, 399 p.

Goddard C. Semantic Analysis: A Practical Introduction. 2nd ed. Oxford University Press, 2011. 448 p. (Oxford Textbooks in Linguistics)

Grice H. P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics / Eds. Peter Cole and Jerry L. Morgan. New York: Academic Press, 1975. Vol. 3: Speech Acts. P. 41–58.

Horn L. R. The Handbook of Pragmatics. Willey-Blackwell, 2006. 864 p.

Huang Y. Pragmatics. Toronto and New York: Oxford University press, 2007. 366 p.

Jucker A. Pragmatics in the history of linguistic thought // The Cambridge Handbook of Pragmatics / Allan, Keith; Jaszczolt Kasia M. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 495–512.

Kasper G., *Schmidt R.* Developmental Issues in Interlanguage Pragmatics // Studies in Second Language Acquisition. 1996. Vol. 18. P. 149–169.

Leech G. N. Principles of Pragmatics. Routledge, 1983. 264 p. (Longman Linguistics Library)

Lycan W. G. Philosophy of Language: A Contemporary Introduction. 1st ed. Routledge, 2000. 260 p. (Routledge Contemporary Introductions to Philosophy)

Levinson S. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 438 p. (Cambridge Textbooks in Linguistics)

Mahmood R. K. Pragmatics between Microlinguistic and Macrolinguistic Levels of Analysis // Global Journal of Foreign Language Teaching. 2016. Vol. 06. No. 3. P. 126–129.

Mey J. L. Pragmatics: An Introduction. Willey-Blackwell, 2001. 418 p.

Morris C. Foundations of the Theory of Signs // International Encyclopedia of Unified Science. The University of Chicago Press, 1953. Vol. 1. No. 2. 59 p.

Sperber D., *Wilson D.* Relevance: Communication and Cognition. Blackwell, Oxford and Harvard University Press, 1986. P. viii + 279.

Valeika L., Verikaitė D. An Introductory Course in Linguistic Pragmatics. Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2010. 164 p.

Verschueren J. Understanding Pragmatics. Routledge, 1998. 312 p.

Yule G. Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 1996. 138 p. (Oxford Introduction to Language Studying Series)

Материал поступил в редколлегию 25.06.2018

Mariya K. Timofeeva

Sobolev Institute of Mathematics SB RAS
4 Academician Koptyug Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

timof@math.nsc.ru

ON THE BORDERLINES AND THE SCOPE OF PRAGMATICS

The paper elicits the questions concerning the borderlines of pragmatics, and analyzes some ways of resolving these questions.

Contemporary pragmatics seems to be a distinct area of investigation, bringing together different, often conflicting theories and putting them under the same name; this makes it difficult to develop pragmatics on the whole, as an integral part of linguistics.

Presumably, the cause of it lies in an unreasonably high degree of abstractness that is characteristic of the investigative area outlined by the founders of semiotics, primarily by Charles Pierce and Charles Morris. The paper suggests that pragmatics is one unified field, and the branches within it – as having stemmed from different strategies applied to specify the under-defined field. Each step of the way was began with conceiving some theoretical opacity, followed by posing the corresponding question, searching for an answer, and reaching the most appropriate solution.

Since pragmatic phenomena are rather complicated, the process of further specification seems to be step-like. It presumably starts with primary questions about the borderlines, and then passes over to more specific notions and theories. This means that considering the borderlines of pragmatics is inseparable from considering its scope; one cannot speak about the former without taking into account the latter because every scientific borderline is inevitably drawn along some conceptual traces of previous research. Therefore, the question about the scope is also important, but only as far as it is substantial for discussing the borderlines. No doubt, the scope of pragmatics needs a more detailed analysis; so, it is necessary to study the links between different research areas in pragmatics.

Keywords: pragmatics, borderlines of pragmatics, pragmatics research areas, schools of pragmatics, teaching pragmatics.

References

Apresyan Yu. D. Izbrannye trudy. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 1996, vol. 2: Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya, 767 p. (in Russ.)

Bach K. The semantics-pragmatics distinction: What it is and why it matters. *The Semantics-Pragmatics Interface from Different Points of View*. Ed. by Ken Turner. New York: Elsevier, 1999, p. 65–84.

Bar-Hillel I. Out of the pragmatic wastebasket. *Linguistic Inquiry*, 1971, vol. 2, no. 3, p. 401–407.

Birner B. J. Introduction to Pragmatics. Wiley-Blackwell, 2012, 340 p.

Bou-Franch P. B. On Pragmatic Transfer. *Studies in English Language and Linguistics*. Universitat de Valencia, 1998, p. 5–20.

Bulygina T. V. O granicakh i soderzhanii pragmatiki. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1981, vol. 40, no. 4, p. 333–342.

Bulygina T. V., Shmelev A. D. Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoj grammatiki). Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 1997, 576 p. (in Russ.)

Cekaite A. Child Pragmatic Development. *Willey Online Library. The Encyclopedia of Applied Linguistics*. Blackwell Publishing Ltd., 2013. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/book/10.1002/9781405198431.

Chapman S. Pragmatics. Palgrave-Macmillan, 2011, 304 p. (Modern Linguistics Series)

Cognition in Pragmatics. Eds. Dominiek Sandra, Jan-Ola Őstman, Jef Verschueren. Series: Handbook of Pragmatics highlights. John Benjamins Pub. Company, 2009, xvi, 399 p.

Goddard C. Semantic Analysis: A Practical Introduction. 2nd ed. Oxford University Press, 2011, 448 p. (Oxford Textbooks in Linguistics)

Grice H. P. Logic and Conversation. *Syntax and Semantics*. Eds. Peter Cole and Jerry L. Morgan. New York, Academic Press, 1975, vol. 3: Speech Acts, p. 41–58.

Horn L. R. The Handbook of Pragmatics. Willey-Blackwell, 2006, 864 p.

Huang Y. Pragmatics. Toronto and New York, Oxford University press, 2007, 366 p.

Ivanov Vyach. Vs. Lingvistika tret'ego tysyacheletiya: voprosy k budushchemu. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004, 208 p. (in Russ.)

Jucker A. Pragmatics in the history of linguistic thought. *The Cambridge Handbook of Pragmatics*. Allan, Keith; Jaszczolt Kasia M. Cambridge: Cambridge University Press, 2012, p. 495–512.

Kasper G., Schmidt R. Developmental Issues in Interlanguage Pragmatics. *Studies in Second Language Acquisition*, 1996, vol. 18, p. 149–169.

Khudyakov A. A. Pragmatika: pereosmyslenie termina v svete novykh lingvisticheskikh idej. *Studia Linguistica*. St. Petersburg, 2001, iss. 10: Problemy teorii evropejskikh yazykov, p. 51–61. (in Russ.)

Kibrik A. E. Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya: universal'noe, tipovoe i spetsificheskoe v yazyke. Moscow, KomKniga, 2012, 352 p. (in Russ.)

Leech G. N. Principles of Pragmatics. Routledge, 1983, 264 p. (Longman Linguistics Library)

Levinson S. Pragmatics. Cambridge, Cambridge University Press, 1983, 438 p. (Cambridge Textbooks in Linguistics)

Lycan W. G. Philosophy of Language: A Contemporary Introduction. 1st ed. Routledge, 2000, 260 p. (Routledge Contemporary Introductions to Philosophy)

Mahmood R. K. Pragmatics between Microlinguistic and Macrolinguistic Levels of Analysis. *Global Journal of Foreign Language Teaching*, 2016, vol. 06, no. 3, p. 126–129.

Mauro T. de. Vvedenie v semantiku / Transl. from Ital. by B. P. Narumov. Moscow, Dom intellektual'noj knigi, 2000, 240 p. (in Russ.)

Mey J. L. Pragmatics: An Introduction. Willey-Blackwell, 2001, 418 p.

Morris C. Foundations of the Theory of Signs. *International Encyclopedia of Unified Science*. The University of Chicago Press, 1953, vol. 1, no. 2, 59 p.

Morris Ch. Osnovaniya teorii znakov. *Semiotika: Antologiya*. Comp. by Yu. S. Stepanov. Moscow, Akademicheskij proekt; Ekaterinburg, Delovaya kniga, 2001, p. 45–97. (in Russ.)

Norman B. Yu. Lingvisticheskaya pragmatika (na materiale russkogo i drugikh yazykov). Minsk, 2009, 183 p. (in Russ.)

Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Lingvisticheskaya pragmatika. Introduction by N. D. Arutyunova, E. V. Paducheva. Moscow, Progress, 1985, iss. 16, 504 p. (Vstupitel'naja stat'ja) (in Russ.)

Paducheva E. V. Vyskazyvanie i ego sootnesyonnost' s dejstvitel'nost'yu. Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenij. Moscow, LKI, 2014, 296 p. (in Russ.)

Petryakova M. S. Tezaurusno-setevoe modelirovanie semanticheskogo polya termina Pragmatics ‘lingvisticheskaja pragmatika’. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*, 2014, no. 4 (84), p. 142–151. (in Russ.)

Ryzhova L. P. Frantsuzskaya pragmatika. Moscow, KomKniga, 2007, 240 p. (in Russ.)

Sannikov V. Z. Russkij sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008, 624 p. (in Russ.)

Schenk R., Birnbaum L., Mey J. K integratsii semantiki i pragmatiki. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Komp'yuternaya lingvistika*. Vyp. XXIV. Moscow, Progress, 1989, iss. 24, p. 32–47. (in Russ.)

Shelyakin M. A. Ocherki po pragmatike russkogo yazyka. Moscow, Rus. yaz. – Media; Drofa, 2010, 285 p. (in Russ.)

Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. Blackwell, Oxford and Harvard University Press, 1986, p. viii + 279.

Susov I. P. Lingvisticheskaya pragmatika. Vinnitsa, Nova Knyga, 2009, 272 p. (in Russ.)

Valeika L., Verikaitė D. An Introductory Course in Linguistic Pragmatics. Vilnius, Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2010, 164 p.

Verschueren J. Understanding Pragmatics. Routledge, 1998, 312 p.

Vostrikova E. V. Semantika vs pragmatika. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2011, vol. 30, no. 4, p. 99–115. (in Russ.)

Yule G. Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 1996, 138 p. (Oxford Introduction to Language Studying Series)

Zel'dovich G. M. Pragmatika grammatiki. Moscow, Yazyki slavYanskikh kul'tur, 2012, 648 p. (in Russ.)

For citation:

Timofeeva Mariya K. On the Borderlines and the Scope of Pragmatics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 5–18. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-5-18

УДК 81’33: 519.76
DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-19-31

А. М. Лаврентьев [1], Ф. Н. Соловьев [2], М. И. Суворова (Ананьева) [3]
А. И. Фокина [4], А. М. Чеповский [4]

[1] *Институт истории представлений и идей нового времени НЦНИ*
и Высшей нормальной школы Лиона
паперть Р. Декарта, 15, Лион, 69007, Франция

[2] *Институт физико-технической информатики*
Заводской проезд, 6, Протвино, Московская обл., 142284, Россия

[3] *Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН*
пр. Академика Вавилова, 44, корп. 2, Москва, 119333, Россия

[4] *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»*
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

ananyeva@isa.ru, alexei.lavrentev@ens-lyon.fr, the0@yandex.ru,
aifokina@edu.hse.ru, achepovskiy@hse.ru

НОВЫЙ КОМПЛЕКС ИНСТРУМЕНТОВ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ТЕКСТА ДЛЯ ПЛАТФОРМЫ TXM И ЕГО АПРОБАЦИЯ НА КОРПУСЕ ДЛЯ АНАЛИЗА ЭКСТРЕМИСТСКИХ ТЕКСТОВ *

Платформа TXM предоставляет широкие возможности корпусного анализа, такие как анализ соответствий, кластеризация, построение лексических таблиц, поиск сложных лексических конструкций, выделение подкорпусов по различным параметрам. По умолчанию платформа работает со словоупотреблениями в качестве структурных единиц анализа. Она интегрирована с единственным расширением TreeTagger, позволяющим проводить лишь морфологический анализ и лемматизацию словоупотреблений. Однако пользователь может сопроводить каждое словоупотребление набором дополнительных характеристик, позволяющих существенно усложнить анализ, сделать его более гибким. В настоящей работе описывается разработанный нами набор утилит, позволяющий, опираясь как на наши собственные программные решения, так и на готовые средства анализа, расширить и усложнить анализ корпусов в платформе TXM. Особого внимания заслуживают выделение псевдоосновы в словах текста с использованием метода структурных схем и выявление именных групп в структуре текста. Эти расширения позволяют повысить эффективность таких используемых TXM методов, как анализ специфичности и анализ соответствий. В порядке апробации излагаются результаты эксперимента по анализу корпуса, содержащего тексты, оцененные экспертами как экстремистские, и «нейтральные» тексты схожей тематики (религия, политика, идеология). Все тесты показывают ярко выраженное противостояние нейтральных и маркированных текстов и позволяют на основе полученных результатов продолжить работу по автоматическому и полуавтоматическому выявлению потенциально противоправных текстов.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, автоматический морфологический анализ, автоматический синтаксический анализ, платформа TXM, анализ соответствий, специфичность, выявление экстремистских текстов.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, гранты № 16-29-09546 и 16-07-00641.

Лаврентьев А. М., *Соловьев Ф. Н.*, *Суворова* (*Ананьева*) *М. И.*, *Фокина А. И.*, *Чеповский А. М.* Новый комплекс инструментов автоматической обработки текста для платформы TXM и его апробация на корпусе для анализа экстремистских текстов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 19–31.

ISSN 1818-7935
Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 3
© А. М. Лаврентьев, Ф. Н. Соловьев, М. И. Суворова (Ананьева),
А. И. Фокина, А. М. Чеповский, 2018

Введение

В настоящее время возрастает востребованность средств автоматизированного анализа текстов, позволяющих упростить работу с текстовой информацией. Такая необходимость становится все более заметной с ростом объемов доступных текстов. Средства автоматизированного анализа текста находят свое применение в широком диапазоне и прикладных, и исследовательских задач, таких как поиск информации, коммуникация, ведение электронного документооборота, анализ потоков данных, классификация текстов, выявление языковых закономерностей, построение и применение моделей структуры языка.

Решение сложных прикладных задач, связанных с языком, подразумевает анализ достаточно больших объемов текста. Потребность в таком анализе привела к формированию самостоятельного раздела прикладной лингвистики – корпусной лингвистики. Корпусами называются наборы текстов, подобранных и обработанных в соответствии с исследовательской задачей, выступающие в качестве базы для анализа того или иного языкового аспекта. Важным отличием корпусов от простых наборов текстов является их аннотация. Слова и предложения снабжаются лингвистической информацией, такой как морфологические характеристики слов, синтаксическая разметка предложений, семантические характеристики слов, предложений и словосочетаний.

Однако задача автоматического аннотирования текстов грамматическими, синтаксическими и прочими характеристиками оказалась отнюдь не тривиальной. Дело в том, что на данный момент автоматические средства аннотации показывают сравнительно хорошее качество в основном при решении относительно простых задач (например, задачи частеречной разметки) и, как правило, для небольшого числа достаточно распространенных языков с нормированной орфографией.

Для облегчения же автоматического поиска в корпусе различных языковых конструкций, сопоставления их друг с другом, вычисления самых разнообразных статистических характеристик таких конструкций, параметрического выделения частей корпуса для анализа и сравнения требуется новое программное обеспечение, позволяющее успешно решать широкий круг этих задач. Начало их решению уже положено, описание широкого ряда методов, применяемых для такого анализа, приведено в [Чеповский, 2015].

В настоящей работе мы опираемся на программный комплекс – платформу TXM [Heiden, 2010], предлагающую широкий набор возможностей для корпусного анализа.

Вместе с тем мы также предлагаем ряд расширений, позволяющих дополнить и усложнить анализ корпусов, включающий: автоматический морфологический анализ словоформ и приведение их к канонической форме, выделение псевдооснов (аналога корня слова), выделение именных групп и комбинирование результатов работы предлагаемых расширений. Отдельного разъяснения заслуживает анализ и выделение псевдоосновы в словах текста с использованием метода структурных схем. Его преимущество в том, что такой подход позволяет не только анализировать текстовые конструкции, опираясь на точные словоформы, что в определенной степени ограничивает полноту и гибкость анализа, но и задавать более сложные запросы к корпусу, включающие различные комбинации псевдооснов и грамматических характеристик слова. Кроме того, метод структурных схем легко масштабируется. Так, в предлагаемом нами расширении уже поддерживается более 60 языков, и это значит, что в будущем поддержка может быть оперативно расширена на другие языки по мере приобретения их дискурсами своего особого места в межкультурной коммуникации.

Морфология словарная

При анализе содержания текста нередко бывает целесообразно и практически удобно рассматривать различные словоформы одной лексемы как разные употребления одного и того же (в лексическом отношении) слова. Один из подходов к решению этой задачи, предложенный в [Чеповский, 2015], состоит в автоматическом морфологическом анализе словоформ с последующим приведением их к канонической форме (т. е. лемме).

Возможность привести словоформу к канонической форме позволяет анализировать различные элементы словоизменительной парадигмы как одну и ту же структурную единицу

текста. Это, в свою очередь, позволяет более корректно проводить содержательный статистический анализ текста, например, путем рассмотрения частот лексем вместо частот отдельных словоформ.

Что касается реализации автоматического анализа словарной морфологии, используемого в настоящей работе, то он основан на словаре А. А. Зализняка [1977]. В словаре содержатся словоформы вместе с их грамматическими пометами, что полностью отвечает задачам нашего исследования. А морфологическая модель, используемая в нем, относит каждое слово к одной из 24 морфологических категорий, близких к части речи в традиционном понимании:

0. Неизменяемое слово
1. Существительное
2. Прилагательное
3. Глагол несовершенного вида
4. Предлог
5. Глагол совершенного вида
6. Количественное числительное
7. Порядковое числительное
8. Местоимение
9. Местоименное прилагательное
10. Собирательное числительное
11. Сокращение
12. Латинское слово
13. Аббревиатура
14. Фамилия
15. Имя
16. Отчество
17. Причастие
18. Союз
19. Наречие
20. Частица
21. Междометие
22. Топоним
23. Субстантивированное прилагательное

Каждая из этих морфологических категорий характеризуется набором грамматических категорий: род, падеж, число, наклонение и др.

Программная реализация словарной морфологии русского языка опирается на представление словаря в специализированной структуре данных «бор», что позволяет осуществлять поиск словоформ за линейное по числу букв словоформы время. Каждая словоформа, хранящаяся таким образом, содержит свои грамматические характеристики, а также информацию о ее канонической (начальной) форме и об основе словоформы.

Псевдоосновы

К сожалению, словарная морфология не позволяет анализировать неологизмы и жаргонизмы. Между тем в ситуации, когда требуется анализировать короткие тексты сети Интернет, принадлежащие к таким жанрам, как комментарии и сообщения, доля таких слов может быть значительной. По этой причине мы, помимо словарной морфологии, использовали и аналитический метод выделения псевдооснов – формального аналога корня слов, что также позволило избежать анализа частот отдельных словоформ.

Данный способ выделения псевдооснов представляет собой метод структурных схем, описанный подробно в [Болховитянов, Чеповский, 2011; Egorova et al., 2016]. Суть метода состоит в получении псевдоосновы словоформы путем рассмотрения и отбрасывания ее словоизменительных аффиксов. Словообразовательные аффиксы считаются элементом корневой части и не отбрасываются. С каждым словом можно сопоставить отвечающую ему последовательность аффиксов. Такие последовательности называются *структурами* некор-

невой части слова. Отсюда происходит название метода. Как и в традиционном морфологическом анализе, аффиксы подразделяются на префиксы и суффиксы в соответствии с их позицией относительно корня слова. Псевдоосновой называется часть слова, не содержащая суффиксов и префиксов. Псевдооснова не всегда совпадает с основой слова в традиционном понимании, поскольку выделяется автоматически, и в ряде случаев реальные аффиксы словоформы не распознаются, либо за аффиксы принимается часть корня слова. Способ автоматического выделения псевдооснов состоит в сопоставлении рассматриваемой словоформы с множеством допустимых в языке структур некорневой части слова. Псевдооснова слова выделяется отбрасыванием всех соответствующих определенной структурной схеме аффиксов (т. е. допустимой в данном языке максимальной комбинации префиксов и суффиксов).

В русском языке префикс редко выполняет словоизменительную функцию, поэтому на практике выделение псевдооснов состоит в отбрасывании суффиксов. Например, в словоформе *находившихся* отбрасываются суффиксы *-и* и *-вш*, флексия *-их* и постфикс *-ся*, в результате чего получается псевдооснова *наход-*. В то же время отбрасывание похожих на аффикс сегментов приводит в ряде случаев к некорректным с точки зрения лингвистического анализа результатам. Например, для словоформы *верность* выделяется псевдооснова *вернос-*. Эти «побочные эффекты» автоматической обработки не влияют, однако, на качество статистического анализа.

Именные группы

Дополнительную информацию о специфическом содержании текста можно получить, анализируя не только словоформы, но и целые именные группы. Именная группа определяется нами как группа слов, у которой главное слово существительное, а другие слова связаны с ним подчинительными синтаксическими связями. Рассмотрение частотных именных групп и их сочетаний в совокупности с анализом отдельных словоупотреблений позволяет получить более полную картину семантических и стилистических характеристик текста, релевантных его содержанию.

Определенную сложность при выделении именных групп представляет множественность морфологических разборов при омонимии. В ходе анализа слов в предложении наш метод предполагает рассмотрение всего множества возможных морфологических разборов каждого слова.

Используемый нами алгоритм основан на [Белоногов, Богатырёв, 1974] и подробно описан в [Чеповский, 2015]. Он работает в три этапа, после того как текст разделен на предложения:

1) установление подчинительных синтаксических связей в предложении;
2) установление синтаксических связей внутри конструкций с однородными членами;
3) выделение именных групп.

Установление подчинительных синтаксических связей

Подчинительные связи устанавливаются между парами слов, где, учитывая порядок слов в предложении, одно – левое, второе – правое. Подчинительные связи устанавливаются в соответствии со следующими тремя правилами.

1. Если в паре слов существует морфологический разбор левого слова, где оно идентифицировано как существительное, и существует морфологический разбор правого слова, где оно – существительное в родительном падеже, то правое слово синтаксически подчинено левому.

2. Если в паре слов существует морфологический разбор левого слова, где оно – прилагательное, и существует морфологический разбор правого слова, где оно – существительное, и у пары слов совпадают падеж, род, и либо совпадает число, либо левое слово стоит в единственном числе, то левое слово подчинено правому.

3. Если в паре слов существует морфологический разбор левого слова, где оно – количественное числительное, и существует морфологический разбор правого слова, где оно – су-

ществительное, и правое слово стоит в родительном падеже, а левое слово стоит либо в именительном, либо в родительном падеже, то правое слово подчинено левому.

Так, в конструкции *оценка состояния и перспектив российской экономики* на первом этапе выделяются следующие связи: *оценка* > *состояние*, *перспектива* > *экономика*, *экономика* > *российская*.

Установление синтаксических связей внутри конструкций с однородными членами

Пусть имеется множество связок однородных членов предложения. Элементы этого множества находятся между однородными членами предложения.

Список существительных, являющихся главными словами в цепочке однородных членов (сокращенно – «однородных существительных»), формируется в соответствии со следующими двумя правилами.

1. Существительные разделены связками из заданного в языке множества связок.
2. Существительные имеют совпадающие или пересекающиеся (по морфологическим разборам) значения падежа.

В каждом списке «однородных существительных» подчинительные связи могут быть изменены в соответствии со следующими двумя правилами.

1. Если последние два существительных списка разделены союзом «и», а у последнего слова существует зависимое существительное *w*, и если у предпоследнего слова нет ни одного зависимого существительного, то *w* считается подчиненным предпоследнему слову (так же, как и последнему). Если же у предпоследнего слова имеется хотя бы одно зависимое существительное, то на этом обработка списка однородных существительных прекращается.
2. Если все слова списка находятся в родительном падеже и в предложении есть слова, стоящие в именительном падеже, которым подчинено первое слово, то все прочие слова списка считаются подчиненными им.

В результате этого этапа в ранее процитированном примере будут выявлены дополнительные связи: *оценка* > *перспектива* и *состояние* > *экономика*.

Выделение именных групп

Все построенные подчинительные связи образуют граф – связанную структуру, узлами которой является множество слов предложения, составляющих каждую именную группу, а связями – множество подчинительных связей, где последнее рассматривается как объединение двух множеств: множества связей между парами существительных, и множество связей, где прилагательное подчинено существительному. Именными группами являются пути цепочки последовательно связанных подчинительными связями слов, частеречная принадлежность которых определяется следующими двумя правилами.

1. Если длина цепочки равна двум, то оба слова – существительные.
2. Если длина цепочки больше двух, то в цепочке есть хотя бы одно прилагательное, подчиненное существительному.

В итоге в приведенном выше примере будут выявлены следующие именные группы:

- *экономика* > *российский*
- *перспектива* > *экономика* > *российский*
- *состояние*> *экономика* > *российский*
- *оценка* > *перспектива*
- *оценка* > *состояние*
- *оценка* > *состояние* > *экономика*
- *оценка* > *перспектива* > *экономика*
- *оценка* > *перспектива* > *экономика* > *российский*
- *оценка* > *состояние* > *экономика* > *российский*

TreeTagger

В настоящей работе мы также использовали программный пакет TreeTagger [Schmid, 1994], предоставляющий возможность совместного морфологического анализа слов предложения на основе статистической модели путем сопоставления словоупотреблений, снабженных специальными метками, кодирующими морфологические характеристики. TreeTagger также предоставляет возможность лемматизации, т. е. определения начальных форм слов предложения. Преимуществом пакета является однозначность морфологического анализа, поскольку при сопоставлении меток словоупотреблений учитываются все слова предложения в совокупности. Однако при таком анализе существует риск ошибок, который возрастает, если текст содержит большое количество неологизмов и нестандартных написаний слов.

Платформа TXM

Платформа TXM, разрабатываемая с 2007 г., представляет собой программное обеспечение с открытым кодом, предназначенное для подготовки, обработки, анализа и публикации корпусов среднего размера (примерно до 10 000 000 словоупотреблений). В настоящее время TXM развивается в лаборатории Institut d'Histoire des Représentations et des Idées dans les Modernités (IHRIM) [1] Высшей нормальной школы Лиона и Национального центра научных исследований Франции и в лаборатории Edition, Littératures, Langages, Informatique, Arts, Didactique, Discours (ELLIAD) [2] университета Франш-Комте (г. Безансон). TXM распространяется свободно на условиях Стандартной общественной лицензии GNU (GPL) версии 2 [3] в виде приложения для операционных систем Linux, Windows и Mac OS, а также в виде приложения для интернет-портала (на основе технологии GWT [4]). Исходный код TXM доступен на портале sourceforge.net. TXM включает в себя поисковую машину CQP, платформу статистического анализа R [5] и ранее упомянутый пакет автоматической морфологической разметки и лемматизации TreeTagger [6]. Платформа поддерживает широкий спектр форматов корпусов на входе (от простого текста до TEI XML [7]). Особенностью TXM является гармоничное сочетание инструментов количественного и качественного анализа. От статистических инструментов (таких, как факторный анализ и специфичность, которые будут представлены ниже) в ней всегда можно перейти к конкордансам значимых для анализа словоупотреблений и к более широкому контексту с возможностью сохранения особенностей оформления текста (шрифты, иллюстрации, расположение на странице) и доступа к факсимильному изображению оригинального документа.

Открытый код и модульная архитектура позволяют также интегрировать в TXM внешние инструменты обработки и анализа текстовых данных.

Интеграция с TXM

Все упомянутые средства были объединены нами в набор утилит, дающий возможность вычислять для текстовых корпусов ряд характеристик достаточно широкого круга языковых единиц, входящих в их состав, например:

1) словоформы, встреченные в исходном корпусе;
2) начальные формы слов по словарной морфологии;
3) морфологические характеристики слов по словарной морфологии;
4) начальные формы слов, полученные с помощью TreeTagger;
5) морфологические характеристики, полученные с помощью TreeTagger;
6) псевдоосновы слов;

---

[1] Институт истории представлений и идей нового времени, http://ihrim.ens-lyon.fr.
[2] Издание, Литература, Языки, Информатика, Искусства, Дидактика и Дискурс, http://elliadd.univ-fcomte.fr.
[3] https://www.gnu.org/licenses/old-licenses/gpl-2.0.html
[4] http://www.gwtproject.org
[5] https://www.r-project.org
[6] Требует отдельной установки.
[7] http://www.tei-c.org

7) именные группы, составленные из словоформ (п. 1), вместо отдельных словоупотреблений;

8) именные группы, составленные из начальных форм (п. 2), вместо отдельных словоупотреблений;

9) именные группы, составленные из морфологических характеристик (п. 3), вместо отдельных словоупотреблений;

10) именные группы, составленные из начальных форм, полученных с помощью TreeTagger (п. 4), вместо отельных словоупотреблений;

11) именные группы, составленные из морфологических характеристик (п. 5), вместо отдельных словоупотреблений;

12) именные группы, составленные из псевдооснов (п. 6), вместо отдельных словоупотреблений.

Корпуса с вычисленными характеристиками преобразуются нами в формат для импорта пакетом ТХМ.

Специфичность подкорпуса в лингвостатистическом аспекте

Удобным инструментом количественной оценки «необычности» специального подкорпуса относительно всего корпуса является показатель *специфичности* [Lafon, 1980].

Лингвостатистическую суть понятия специфичности можно разъяснить следующим образом. Пусть имеется разбиение корпуса T на m подкорпусов. Специфичностью слова w в одном рассматриваемом подкорпусе относительно всего корпуса является вероятность того, что в *случайно* выбранном из корпуса T подкорпусе известного размера слово w встретится ровно столько раз, сколько оно встретилось в рассматриваемом подкорпусе. Иначе говоря, это вероятность случайно выбрать аналогичный рассматриваемому подкорпус из всего корпуса с известным количеством вхождений слова w, равным числу его вхождений в рассматриваемый подкорпус.

Можно показать, что максимума такая вероятность достигает тогда, когда относительная частота слова в рассматриваемом подкорпусе совпадает с относительной частотой этого же слова во всем корпусе. Таким образом, малое значение специфичности слова (или другой единицы анализа) говорит о том, что рассматриваемый подкорпус, с точки зрения распределения в нем слова w относительно распределения этого же слова во всем корпусе, – «необычный», высокое значение вероятности – о том, что подкорпус «обычный». «Индекс специфичности» представляет собой порядковую величину вероятности. Иными словами, индекс специфичности равен 2, если вероятность составляет 1 из 100, а индекс, равный 10, соответствует вероятности $1/10^{10}$. Индекс может быть отрицательным, если искомая единица встречается в подкорпусе реже, чем в среднем по корпусу. Считается, что индекс специфичности в пределах ± 2 является «банальным» и не должен использоваться для характеристики подкорпуса.

Анализ специфичности позволяет составить своего рода «профиль» подкорпуса, выделенного на каких-либо внешних основаниях (например, автор, жанр, тематика или идеологическая направленность текста) путем выявления наиболее характерных или нехарактерных для него словоформ (лексем, псевдооснов, именных групп и т. п.). В дальнейшем этот «профиль» может быть использован для диагностики нового текста, нуждающегося в анализе.

Анализ соответствий

Другим подходом к анализу разделенного на части (подкорпуса) по определенному критерию корпуса является анализ соответствий. Пусть имеются две «категориальные» (т. е. принимающие конечное множество неупорядоченных значений, например: пол, знак зодиака, падеж и т. п.) переменные X и Y и стоит задача определить, являются ли они независимыми. Подход анализа соответствий состоит в анализе частот совместного появления значений этих переменных на предмет равномерного распределения за счет поиска наиболее информативного представления таблицы частот совместного появления переменных X и Y в виде на-

бора точек на плоскости, где точки отвечают либо значениям переменной *X*, либо значениям переменной *Y*.

Методика анализа соответствий, используемая ТХМ, была предложена Ж.-П. Бензекри [Benzecri, 1979] и имплементирована в пакете FactoMineR для платформы R [Lê et al., 2008].

Описание корпуса

Проверка эффективности разработанных утилит была проведена на корпусе из 709 текстов общим объемом 900 000 словоупотреблений. Специфика корпуса состоит в том, что он включает в свой состав тексты противоправной направленности, т. е. оцененные экспертами как «экстремистские», и тексты схожей тематики, не имеющие такой окраски («нейтральные»). «Экстремистские» тексты разделяются на 7 тематических групп, каждая из которых рассматривается как отдельный подкорпус: «агрессия», «идеология», «национализм», «религия», «сепаратизм», «терроризм» и «фашизм». Принципы формирования специального корпуса и прочая релевантная информация подробно изложены в [Ананьева и др., 2016; 2017]. В соответствии с поставленными задачами корпус был проанализирован с использованием двух обозначенных выше функций ТХМ – специфичность и анализ соответствий, результаты их анализа можно представить в графической интерпретации. Детально были рассмотрены следующие лексические объекты: леммы, псевдоосновы и именные группы, по которым первоначально были сделаны предположения о схожести результатов статистического анализа.

Анализ корпуса

Вследствие понижения размерности матрицы, используемой в ходе анализа соответствий, изначально состоящей из 7 столбцов, соответствующих условному делению текстов экстремистской направленности на подкорпуса, есть возможность интерпретировать пространственное расположение подкорпусов относительно друг друга как оценку, т. е. как характеристику, указывающую на сходство или различие маркированных подкорпусов между собой и по отношению к «нейтральному» подкорпусу. Расположение вблизи пересечения осей координат следует интерпретировать как нейтральность по отношению к корпусу в целом, основную массу которого составляют «нейтральные» тексты. Отдаление же от начала координат, напротив, указывает на отклонение от идеологически и политически нейтрального текста (т. е. от его «нормальности») в пользу одной из позиций, отмеченной как противоправная по результатам экспертного анализа соответствующего текста.

Анализ соответствий демонстрирует пространственное расположение подкорпусов на основе анализа частот совместного появления значений переменных. Как можно заметить из рис. 1, точка «нейтрального» подкорпуса находится вблизи точки пересечения осей координат. В то же время «противоправные» подкорпуса в большинстве своем удалены от «нейтрального» и располагаются в непосредственной близости друг от друга, образуя полевой кластер (или «облако») единиц. Это противопоставление наиболее четко проявляется в первом, наиболее важном, измерении (ось 1 на графике), отвечающем за 50 % вариаций в корпусе. При изменении параметров корпуса (увеличение / уменьшение объема нейтрального подкорпуса, исключение пунктуации, повышение минимальной частотности) противопоставление нейтральных и маркированных текстов в этом измерении остается стабильным. Во втором измерении, отвечающем за 13 % вариаций корпуса (ось 2), результаты анализа сильно зависят от конфигурации корпуса и нуждаются в дополнительной интерпретации. На данном графике тексты, отнесенные к категории «фашизм», противостоят всем остальным, образующим компактное «облако» вблизи центральной оси. Это происходит за счет высокой частотности таких лексем, как «раса», «наследственность», «нордический» и «отбор», характерных для фашистского дискурса.

Аналогичную картину можно наблюдать и на рис. 2, где «нейтральный» подкорпус опять же находится в отдалении от каждого из «экстремистских» на первой (горизонтальной) оси. Подкорпуса «идеология», «религия», «терроризм», «национализм», «агрессия» и «сепаратизм», выявленные на основе экспертной оценки, близки по своим показателям. Немалую значимость имеет также близость расположения «религии» и «идеологии» как на рис. 1, так

и на рис. 2. В целом, можно отметить, что «облако» подкорпусов в первой четверти осей координат в анализе по леммам и псевдоосновам дает схожую картину, однако во втором случае наблюдается их чуть большее рассеивание относительно оси ординат. Подкорпус «фашизм», находящийся в четвертой четверти координатной плоскости, близок ко всем потенциально экстремистским по 1-й оси и противостоит им по 2-й оси за счет частотности уже упомянутых лексем фашистского дискурса.

Специфичность (рис. 3), в отличие от анализа соответствий (см. рис. 1, 2), вычисляется для отдельных значений слова и показывает оценку появления того или иного слова (или другой структурной единицы) в избытке либо недостатке в определенном подкорпусе по сравнению с его «родительским» корпусом и иными подкорпусами. Таким образом,

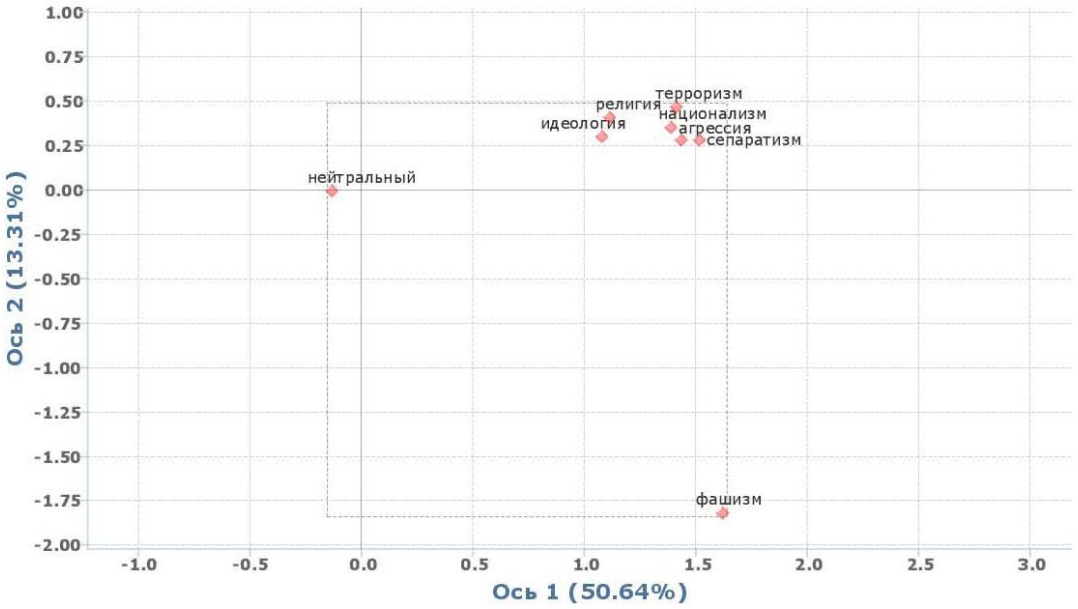


Рис. 1. Анализ соответствий по леммам

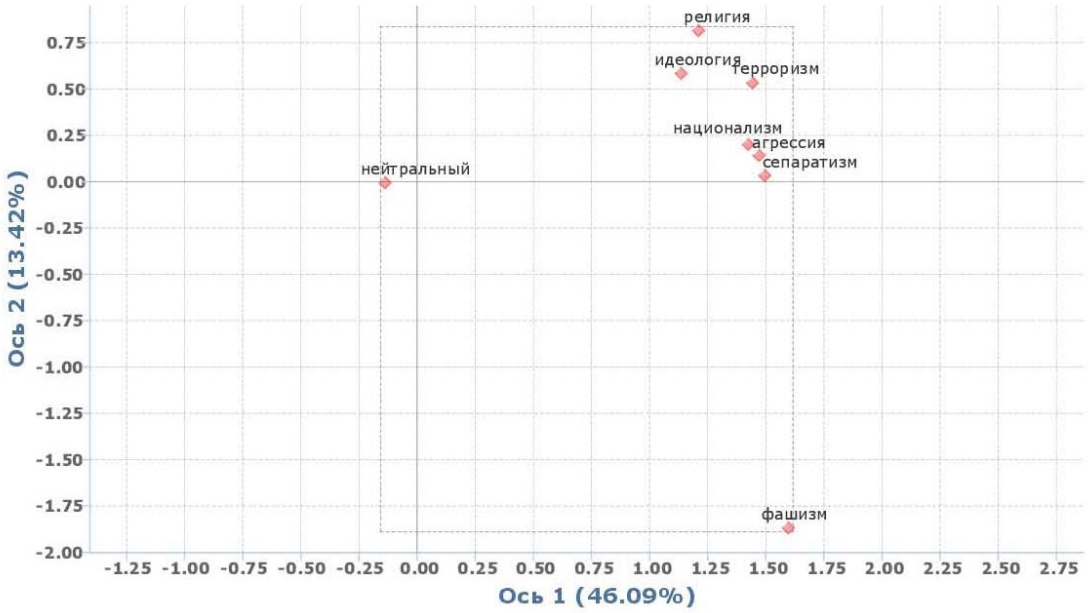


Рис. 2. Анализ соответствий по псевдоосновам

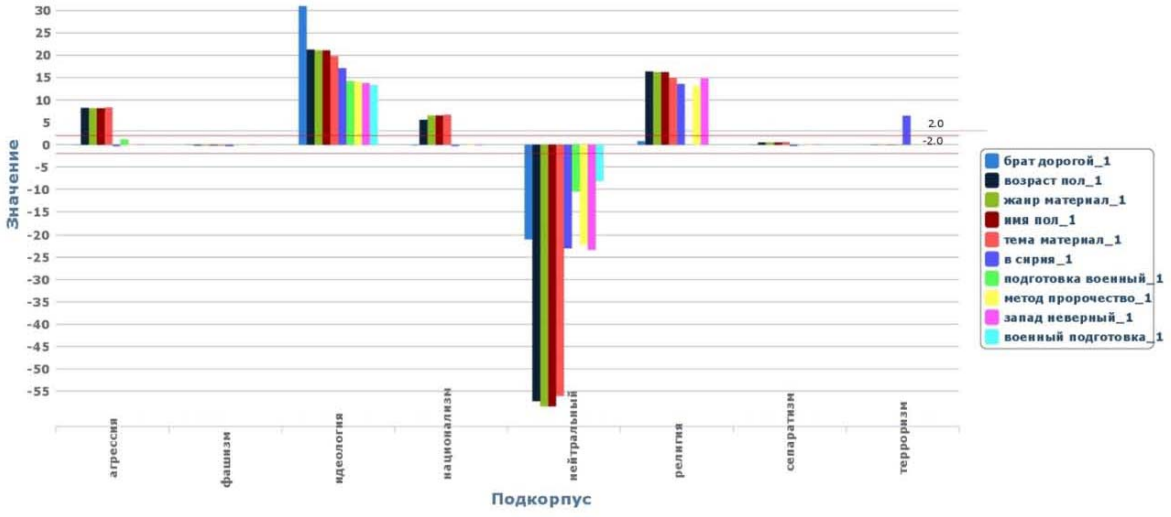


Рис. 3. Специфичность по именным группам

можно отобрать наиболее специфичные лексемы (псевдоосновы, именные группы и т. д.) определенного подкорпуса и сравнить их индексы специфичности в каждом из остальных подкорпусов. На графике каждый подкорпус представлен набором смежных полос (см. рис. 3). Каждое свойство рассматриваемой единицы, в данном случае это именные группы, изображено штрихом одного и того же цвета в различных частях диаграммы, соответствие цветов конкретным именным группам дано справа от диаграммы. Две красные линии со значениями 2.0 и –2.0 ограничивают «область банальности» вблизи оси индекса, равного нулю; бары, которые не выходят за ее пределы, следует считать «банальными», т. е. неспецифичными для данного подкорпуса.

В приведенном нами случае представлены значения специфичности по убыванию для подкорпуса «идеология». Как можно судить из результатов, показанных на рис. 3, индексы специфичности псевдооснов в данной части во многом схожи с аналогичными значениями подкорпуса «религия»: они имеют по несколько близких индексов специфичности для именных групп «агрессия» и «национализм», и один для группы «терроризм». В то же время для «нейтрального» подкорпуса все результаты вычисления индекса специфичности для тех же самых именных групп расположены в области отрицательных значений, что свидетельствует об их низкой специфике, т. е. о статистически значимой редкости появления данных именных групп в нейтральной части корпуса.

Выводы

Проведенный нами эксперимент по интеграции инструментов автоматической обработки текста (ограниченный выделением псевдооснов и именных групп) и платформы корпусного анализа ТХМ показал, что такая интеграция не только технически выполнима, но и позволяет расширить возможности статистического анализа текстов.

Сопоставляя полученные результаты по графическому анализу соответствий по леммам и псевдоосновам и специфичностей по именным группам, можно сделать следующие общие выводы:

- для лемм, псевдооснов и именных групп результаты в целом схожи;
- нейтральный подкорпус противостоит каждому из «экстремистских»;
- высокой схожестью обладают подкорпуса «религия» и «идеология».

В силу выявленных особенностей и противопоставленности нейтрального подкорпуса остальным, сформированный корпус может быть использован для машинного обучения в зада-

чах классификации текстов на предмет выявления потенциально противоправного содержания с целью их углубленного экспертного анализа.

В ходе дальнейших исследований мы планируем расширить набор применяемых методов статистического и качественного анализа корпуса, с тем чтобы создать статистически надежную и лингвистически мотивированную процедуру выявления экстремистской направленности текстов.

Список литературы

Ананьева М. И., *Кобозева М. В.*, *Соловьев Ф. Н.*, *Поляков И. В.*, *Чеповский А. М.* О проблеме выявления экстремистской направленности в текстах // Вестн. НГУ. Серия: Информационные технологии. 2016. Т. 14, № 4. С. 5–13.

Ананьева М. И., *Девяткин Д. А.*, *Кобозева М. В.*, *Смирнов И. В.*, *Соловьев Ф. Н.*, *Чеповский А. М.* Исследование характеристик текстов противоправного содержания // Тр. Ин-та системного анализа РАН. 2017. Т. 67, № 3. С. 86–97.

Белоногов Г. Г., *Богатырёв В. И.* Автоматизированные информационные системы. М.: Сов. радио, 1973.

Болховитянов А. В., *Чеповский А. М.* Методы автоматического анализа словоформ // Информационные технологии. 2011. № 4 (176). С. 24–29.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977.

Чеповский А. М. Информационные модели в задачах обработки текстов на естественных языках. 2-е изд., перераб. М.: Национальный открытый университет «ИНТУИТ», 2015.

Benzécri J.-P. L'analyse des données: l'analyse des correspondances. 2nd ed. Paris: Dunod, 1979. Vol. 2.

Egorova E., *Chepovskiy A.*, *Lavrentiev A.* A structural pattern based method for automated morphological analysis of word forms in a natural language // Journal of Mathematical Sciences. 2016. Vol. 214. No. 6. P. 802–813.

Heiden S. The TXM Platform: Building Open-Source Textual Analysis Software Compatible with the TEI Encoding Scheme // 24th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation – PACLIC24 / Eds. R. Otoguro, K. Ishikawa, H. Umemoto, K. Yoshimoto, Y. Harada. Institute for Digital Enhancement of Cognitive Development. Sendai, Japan: Waseda University, 2010. P. 389–398.

Lafon P. Sur la variabilité de la fréquence des formes dans un corpus // Mots. 1980. № 1. P. 127–165.

Lê S., *Josse J.*, *& Husson F.* FactoMineR: an R package for multivariate analysis // Journal of Statistical Software. 2008. № 25 (1) P. 1–18.

Schmid H. Probabilistic Part-of-Speech Tagging Using Decision Trees // Proceedings of International Conference on New Methods in Language Processing. Manchester, UK. 1994. URL: http://www.cis.uni-muenchen.de/sschmid/tools/TreeTagger/data/tree-tagger1.pdf

Материал поступил в редколлегию 29.05.2018

Alexei M. Lavrentiev [1], Fedor N. Solovyev [2], Margarita I. Suvorova (Ananyeva) [3]
Alina I. Fokina [4], Andrey M. Chepovskiy [4]

[1] *IHRIM Research Lab, CNRS & ENS de Lyon*
15 parvis René-Descartes, Lyon, 69007, France

[2] *Institute of Physical and Technical Informatics*
6 Zavodskoy pass., Protvino, Moscow Region, 142284, Russian Federation

[3] *Federal Research Center – Computer Science and Control, RAS*
44 Academician Vavilov Ave., Moscow, 119333, Russian Federation

[4] *National Research University – Higher School of Economics*
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

alexei.lavrentev@ens-lyon.fr, the0@yandex.ru
ananyeva@isa.ru, aifokina@edu.hse.ru, achepovskiy@hse.ru

A NEW TOOLKIT FOR NATURAL TEXT PROCESSING WITH THE TXM PLATFORM AND ITS APPLICATION TO A CORPUS FOR ANALYSIS OF TEXTS PROPAGATING EXTREMIST VIEWS

TXM platform provides a wide range of corpus analysis tools including correspondence analysis, clustering, lexical table construction, and parametrized subcorpus selection. The default structural unit of analysis for TXM is a token. The only TXM extension available by default is TreeTagger which performs automated morphological analysis and lemmatization during the corpus import process. However, it is possible to supply each token with a number of features enabling a more advanced text analysis. In this work we present a number of tools developed for even a more extensive, complex and flexible corpus analysis with TXM relying both on the tools previously developed by our team and on publicly available software libraries. We focus in particular on a stemming technique that uses a word structural pattern method and on noun phrase recognition that together make it possible to perform more sophisticated and powerful queries and analyses of the corpus not limited to word forms.

The structural pattern stemming method is based on a set of specific language rules that allow separating a word stem from all affixes. The recognition of noun phrases is based on rules allowing the detection of subordination and coordination relations among nouns. These extensions result in the improvement of performance of statistical tools used by TXM, such as specificity scores and correspondence analysis.

The new set of tools has been tested on a corpus including texts marked as «extremist» by experts along with «neutral» texts in similar domains. The corpus of approximately 900,000 words is divided into eight subcorpora: neutral texts oppose seven thematic subcorpora considered as extremist (namely aggressive, fascist, ideological, nationalistic, religious, separatist, and terroristic). The specificity analysis detects the words (or other structural units) that are significantly more or less frequent in a given subcorpus compared to the entire corpus. The specificity score for selected units can be compared across all the subcorpora in order to verify their difference or similarity. The correspondence analysis produces a chart where the subcorpora are represented as points in a two-dimensional space based on their similarity as to the frequency of selected units.

All tests demonstrated a significant difference between neutral texts, on one side, and marked, on the other. Two «extremist» subcorpora, religious and ideological, demonstrated similar results and can probably be merged. These facts encourage further research on fully automatic or computer-aided expert recognition of extremist texts.

Keywords: corpus linguistics, automated morphological analysis, automated syntactic parsing, TXM platform, correspondence analysis, specificity, detecting extremist texts.

References

Anan'eva M. I., Devyatkin D. A., Kobozeva M. V., Smirnov I. V., Solov'ev F. N., Chepovskiy A. M. Issledovanie kharakteristik tekstov protivopravnogo soderzhaniya [Research on peculiarities of text with illicit content]. *Proceedings of the Institute for Systemic Analysis of the Russian Academy of Sciences*. Moscow, Federal'nyy issledovatel'skiy tsentr «Informatika i upravlenie» Rossiyskoy akademii nauk, 2017, vol. 67, no. 3, p. 86–97. (in Russ.)

Anan'eva M. I., Kobozeva M. V., Solov'ev F. N., Polyakov I. V., Chepovskiy A. M. O probleme vyyavleniya ekstremistskoy napravlennosti v tekstakh [The Problem of Detection of Extremist Texts]. *Vestnik NSU. Series: Information Technologies*, 2016, vol. 14, no. 4, p. 5–13. (in Russ.)

Benzécri J.-P. L'analyse des données: l'analyse des Correspondances, 2nd ed. Paris, Dunod, 1979, vol. 2.

Bolkhovityanov A. V., Chepovskiy A. M. Metody avtomaticheskogo analiza slovoform [Methods of automatic word-form analysis]. *Informatsionnye tekhnologii*, 2011, no. 4 (176), p. 24–29. (in Russ.)

Chepovskiy A. M. Informatsionnye modeli v zadachakh obrabotki tekstov na estestvennykh yazykakh [Information models in natural language text processing problems]. 2nd ed. Moscow, Natsional'nyy otkrytyy universitet «INTUIT», 2015. (in Russ.)

Egorova E., Chepovskiy A., Lavrentiev A. A structural pattern based method for automated morphological analysis of word forms in a natural language. *Journal of Mathematical Sciences*, 2016, vol. 214, no. 6, p. 802–813.

Heiden S. The TXM Platform: Building Open-Source Textual Analysis Software Compatible with the TEI Encoding Scheme. *24th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation – PACLIC24.* Eds. R. Otoguro, K. Ishikawa, H. Umemoto, K. Yoshimoto, Y. Harada. Institute for Digital Enhancement of Cognitive Development. Sendai. Japan, Waseda University, 2010, p. 389–398.

Lafon P. Sur la variabilité de la fréquence des formes dans un corpus. *Mots*, 1980, no. 1, p. 127–165.

Lê S., Josse J., & Husson F. FactoMineR: an R package for multivariate analysis. *Journal of Statistical Software*, 2008, no. 25 (1), p. 1–18.

Schmid H. Probabilistic Part-of-Speech Tagging Using Decision Trees. *Proceedings of International Conference on New Methods in Language Processing*. Manchester, UK. 1994. URL: http://www.cis.uni-muenchen.de/sschmid/tools/TreeTagger/data/tree-tagger1.pdf

Zaliznyak A. A. Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka [Grammatical dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkiy yazyk, 1977. (in Russ.)

For citation:

Lavrentiev Alexei M., Solovyev Fedor N., Suvorova (Ananyeva) Margarita I., Fokina Alina I., Chepovskiy Andrey M. A New Toolkit for Natural Text Processing with the TXM Platform and its Application to a Corpus for Analysis of Texts Propagating Extremist Views. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 19–31. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-19-31

УДК 004.82
DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-32-44

М. Г. Гриф [1], О. О. Королькова [2], Ю. С. Мануева [1]

[1] *Новосибирский государственный технический университет*
пр. Карла Маркса, 20, Новосибирск, 630073, Россия

[2] *Новосибирский государственный педагогический университет*
ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия

grifmg@mail.ru, ookorol@mail.ru, manueva.js@gmail.com

РАЗРАБОТКА АЛГОРИТМИЧЕСКОГО И ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫБОРА ЗНАЧЕНИЯ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА И ОМОНИМА В СИСТЕМЕ КОМПЬЮТЕРНОГО СУРДОПЕРЕВОДА РУССКОГО ЯЗЫКА НА ОСНОВЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Проведен сравнительный анализ существующих систем компьютерного перевода со звучащего на жестовый язык. Выявлены преимущества и недостатки рассмотренных систем, на этом основании сделан вывод о необходимости учета семантической информации в процессе перевода. Рассмотрена технология семантического анализа. Описана разработанная модель выбора значения многозначного слова и омонима на основе семантического словаря В. А. Тузова и системы автоматической обработки текста «Диалинг». Приводится описание программного обеспечения и алгоритмическая часть программного обеспечения, направленного на выполнение семантического анализа и перевода. Приведены примеры использования программного обеспечения. Рассмотрены вопросы тестирования работоспособности модуля семантического анализа. Для решения этой задачи система семантического анализа была внедрена в систему компьютерного сурдоперевода «Сурдофон». Для анализа корректности работы семантического модуля проведено сравнение с определением семантических значений системами «Яндекс Переводчик» и «Google Переводчик». Разработанная система показала свое преимущество в ряде сложных случаев. База жестов РЖЯ была дополнена знаками, названиями которых являются омонимы и многозначные слова русского языка; выявлены особенности исполнения таких знаков.

Ключевые слова: русский жестовый язык, компьютерный сурдоперевод, семантический анализ, морфологический анализ, синтаксический анализ, омонимы, многозначные слова, синтаксические конструкции, альтернативы.

Введение

Лица с ограниченными возможностями здоровья по-прежнему остаются одной из наиболее социально уязвимых групп населения. По данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, количество людей с ограниченными возможностями здоровья по слуху в России составляет около 13 млн человек. В качестве помощи данной категории граждан государством предусмотрено предоставление услуг сурдопереводчика в размере 40 часов в год. Эти меры не решают проблему коммуникации людей с дефектами слуха с обществом и государственной властью в силу недостаточности предоставляемого объема услуг сурдопереводчика. В связи с этим возникает необходимость использования мультимедийных компьютерных систем, которые будут переводить звучащую на русском языке речь на русский жестовый язык (РЖЯ) и с русского жестового языка на звучащую речь на русском языке.

Гриф М. Г., Королькова О. О., Мануева Ю. С. Разработка алгоритмического и программного обеспечения выбора значения многозначного слова и омонима в системе компьютерного сурдоперевода русского языка на основе семантической модели // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 32–44.

© М. Г. Гриф, О. О. Королькова, Ю. С. Мануева, 2018

Большинство реализованных компьютерных сурдопереводчиков предназначено для перевода с английского языка на английский жестовый язык. Примерами таких систем являются: система перевода Zardoz, система машинного перевода TEAM, проект ViSiCAST [Гриф и др., 2014; Wakefield, 2002; Zhao et al., 2000; Veale, Conway, 1994]. Стратегия перевода в данных системах основана на морфологическом и синтаксическом анализе. Только в системе Zardoz дополнительно учитывается семантическая информация [Veale, Conway, 1994]. Для осуществления качественного перевода недостаточно морфологической и синтаксической информации, необходимо проводить семантический анализ предложения. Примером отечественной разработки в области компьютерного сурдоперевода с русского языка на РЖЯ является программный продукт «Сурдофон».

Использование семантических значений для перевода на жестовый язык обсуждается в работах [Гриф, 2012; Гриф, Тимофеева, 2012]. Существенный вклад в разработку компьютерного сурдопереводчика внесен компанией «Сурдофон», но данная разработка не учитывает семантическую составляющую русского языка и РЖЯ.

Соответствия между семантикой слов русского языка и жестами РЖЯ были положены в основу словаря RuSLED, разработанного А. Л. Воскресенским [2008], однако этот словарь служит только для рассмотрения отдельных слов, а не для перевода предложений.

Работа В. А. Тузова «Компьютерная семантика русского языка» [2003] посвящена описанию семантики только русского звучащего языка, но применимость предложенного метода для представления семантики РЖЯ не рассматривается.

Постановка задачи

Цель статьи заключается в описании разработанного метода выбора значения многозначного слова и омонима при переводе с русского языка на РЖЯ.

Для достижения поставленной цели были сформулированы и решены следующие задачи.

1. Разработана модель выбора значения многозначного слова и омонима на основе семантического словаря В. А. Тузова и системы автоматической обработки текста «Диалинг».
2. Разработаны и реализованы алгоритмы, направленные на определение значения многозначного слова и омонима.
3. Разработана база данных на основе семантического словаря В. А. Тузова и базы жестов сибирского диалекта РЖЯ.
4. База жестов РЖЯ дополнена знаками, названиями которых являются омонимы и многозначные слова русского языка, выявлены особенности исполнения таких знаков.
5. Разработаны и реализованы алгоритмы перевода предложений на РЖЯ, использующие результаты определения значений слов.
6. Разработано программное обеспечение для перевода на РЖЯ.

Общая схема компьютерного перевода русской речи (текста) на русский жестовый язык

Представим предложение *Sentence* в виде функции контекста *f* над словами *Word*:

$$Sentence = f\,(Word_1, Word_2, \ldots, Word_n),$$

где n – количество слов в предложении.

Каждое слово *Word* в предложении *Sentence* имеет набор различных значений *Meaning*. Представим слова в виде набора значений, составленного на основе семантического словаря В. А. Тузова:

$$Word_i = \{Meaning_1, Meaning_2, \ldots, Meaning_m\},$$

где m – количество значений слова.

Далее представим каждое значение *Meaning* посредством следующего набора атрибутов:

$$Meaning_i = \{Class_i, Phraseologism_i, Case_i, Function_i, Class1_i, Case1_i, Class2_i, Case2_i, Gesture_i\},$$

где

$Class_i$ – класс слова;

$Phraseologism_i$ – признак вхождения во фразеологический оборот, следующая часть фразеологического оборота;

$Case_i$ – падежная форма (определена для предлогов, каждая модель управления вынесена в отдельное значение;

$Function_i$, – признак необходимости для данного значения двух аргументов (большее количество аргументов в статье не рассматривается);

$Class1_i$ – класс первого подчиненного слова;

$Case1_i$ – падеж первого подчиненного слова;

$Class2_i$ – класс второго подчиненного слова;

$Case2_i$ – падеж второго подчиненного слова;

$Gesture_i$ – соответствующий значению жест русского жестового языка.

Слова в предложении связаны семантическими отношениями, полученными при обработке системой Диалинг:

$$R(A, B),$$

где

R – название семантического отношения;

A – зависимый член отношения;

B – управляющий член отношения.

Кроме того, каждое слово *Word* имеет набор морфологических и синтаксических характеристик:

$$Word_i = \{MorthCharacteristic_i, SyntCharacteristic_i\},$$

где

$MorthCharacteristic_i$ – морфологические характеристики слова;

$SyntCharacteristic_i$ – синтаксические характеристики слова.

Морфологические характеристики *MorthCharacteristic* содержат следующую информацию:

$$MorthCharacteristic_i = \{SpeechPart_i, Case_i\},$$

где

$SpeechPart_i$ – часть речи, морфологические характеристики слова;

$Case_i$ – падеж.

При выполнении семантического анализа предложения значение $Meaning_i$ слова $Word_i$ считается корректным при наличии признака необходимости для данного значения двух аргументов, если выполняется следующее условие. Значение $Meaning_i$ слова $Word_i$ считается корректным, если существуют два слова $Word_j$ и $Word_k$, состоящие в семантических отношениях с $Word_i$, а классы значений и падежи данных слов совпадают с соответствующими классами и падежами слова $Word_i$.

Если признак необходимости для данного значения двух аргументов отсутствует, то для признания значения $Word_i$ корректным необходимость наличия второго слова с соответствующими характеристиками отсутствует. Таким образом, значение $Meaning_i$ слова $Word_i$ считается корректным, если существует слово $Word_j$, которое находится в семантическом отношении с $Word_i$, а также класс $Class_j$ и падеж $Case_j$ совпадают с классом и падежом подчиненных слов для значения $Meaning_i$ слова $Word_i$.

На рис. 1 представлена модель выбора значения многозначного слова и омонима на основе семантического словаря В. А. Тузова и системы автоматической обработки текста «Диалинг» [Сокирко, 2000].

Для определения корректного значения многозначного слова и омонима в предложении применяются система «Диалинг», словарь В. А. Тузова и список жестов сибирского диалекта РЖЯ. На первом этапе введенное предложение обрабатывается системой «Диалинг» [Там же]. Выходной информацией из данной системы будет являться следующее: начальные формы слов в предложении, морфологические и синтаксические характеристики, семантические отношения. На втором этапе был проанализирован семантический словарь В. А. Тузова,

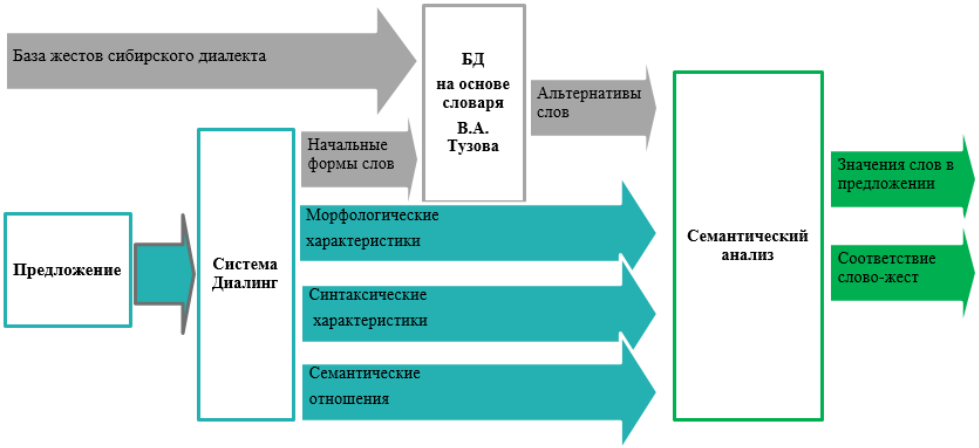


Рис. 1. Модель выбора значения многозначного слова и омонима

на основе которого была спроектирована база данных. Словарь, разработанный В. А. Тузовым, представляет собой текстовый документ формата «.txt» [Тузов, 2003]. Словарные статьи состоят из заголовочного слова и его семантического описания. Для работы со словарем необходимо разбить словарную статью на перечисленные выше атрибуты, с которыми в дальнейшем будет работать модуль семантического анализа (класс слова, признак вхождения во фразеологический оборот, следующая часть фразеологического оборота, падежная форма и др.). На третьем этапе в базу данных был добавлен список жестов сибирского диалекта РЖЯ. Также проведена работа по определению соответствия между жестами и значениями слов в словаре. На четвертом этапе в базе данных осуществляется поиск значений слов по начальным формам, полученным в результате работы системы «Диалинг». Затем полученные альтернативы обрабатываются модулем семантического анализа.

Основной этап призван решить проблему омонимии с использованием семантического словаря В. А. Тузова [2003]. После разрешения проблемы многозначности на данном этапе определяются соответствующие жесты. Результатом работы модуля являются единственные значения слов и соответствие «слово – жест». В более компактном виде модель выбора значения многозначного слова и омонима представлена на рис. 2. Процесс семантического анализа можно условно разбить на две части: первичный семантический анализ и основной семантический анализ. Задача первичного семантического анализа заключается в определении начальных форм слова, морфологических и синтаксических характеристик, а также семантических отношений. На основе полученной информации основной семантический анализ определяет значения слов и соответствие жестам РЖЯ.

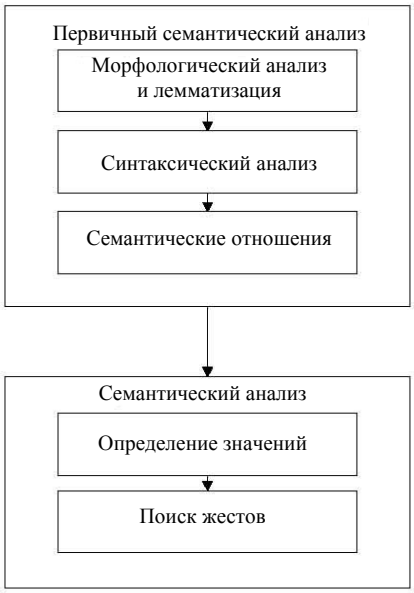


Рис. 2. Схема работы модуля семантического анализа

Определим характеристики слова, необходимые для функционирования системы семантического анализа: начальная форма слова; класс слова, который, в свою очередь, делится на номер класса и, при наличии, слово, от которого произведено описываемое слово, и специальный признак производности лексемы; набор морфологических характеристик, часть речи; признак вхождения во фразеологический оборот, следующая часть фразеологического оборота; соответствующая падежная форма (для предлогов); признак необходимости для данного значения двух аргументов; классы и падежи подчиненных слов.

Алгоритм разбиения словарной статьи семантического словаря В. А. Тузова состоит из следующих этапов. На первом этапе из словарной статьи выделяется начальная форма слова. На следующем этапе определяются характеристики лексемы: относится она к базовой или производной. Затем делается вывод о том, входит или нет рассматриваемое слово во фразеологический оборот. В соответствии с полученными данными заполняются соответствующие характеристики для фразеологизма. Далее определяется часть речь анализируемого слова. Если это глагол, то выполняется проверка на тип семантической функции. В случае успешного прохождения проверки на тип функции с двумя аргументами в классы и падежи зависимых слов будут записаны два значения соответственно. Иначе будет заполнено по одному значению в классе и падеже зависимых слов. Отдельно обрабатываются предлоги: для этой части речи определяются предложно-падежные формы. Каждому варианту управления предлога соответствует отдельное значение. Для других частей речи заполняется значение класса и падежа, вторые значения не заполняются. На заключительном этапе определяется набор морфологических характеристик.

Рассмотрим пример разбиения для имени существительного. В качестве примера базисной лексемы рассмотрим омоним *шляпа*[1] в значении ‘головной убор’. Словарная статья имеет вид: «ШЛЯПА $121366(РОД:!Род) == 0^06 {ж1 364} <1>». Начальная форма «шляпа» указана в начале словарной статьи. Класс слова $121366 заключен после символа «$». Так как *шляпа* является базисной лексемой, то в данном случае класс совпадает с номером класса, и отсутствует слово, от которого произведено описываемое слово. Лексема имеет признак *базовая*. Морфологические характеристики заключены в фигурные скобки {ж1 364}. Так как отсутствует символ «N», то данная лексема не входит во фразеологический оборот. Признак вхождения во фразеологический оборот заполняется значением «0». Признак необходимости для данного значения двух аргументов равен «0». Класс слов, с которыми взаимодействует слово *шляпа*, в данном значении входит в 1213. Остальные характеристики для базисной лексемы отсутствуют.

Значение омонима *шляпа*[2] – ‘глупый человек’. Словарная статья в данном случае имеет вид: «ШЛЯПА $12413440/0/15(РОД:!Род,!Мах) == 0^16 {М1о 364} <1>». Лексема также является базисной, класс отличается от класса предыдущего значения и равен «12413440/0/15». Остальные характеристики определяются по аналогии с предыдущим примером.

Рассмотрим дальнейшие преобразования, которым подвергается полученная на этапе семантического анализа информация (рис. 3).

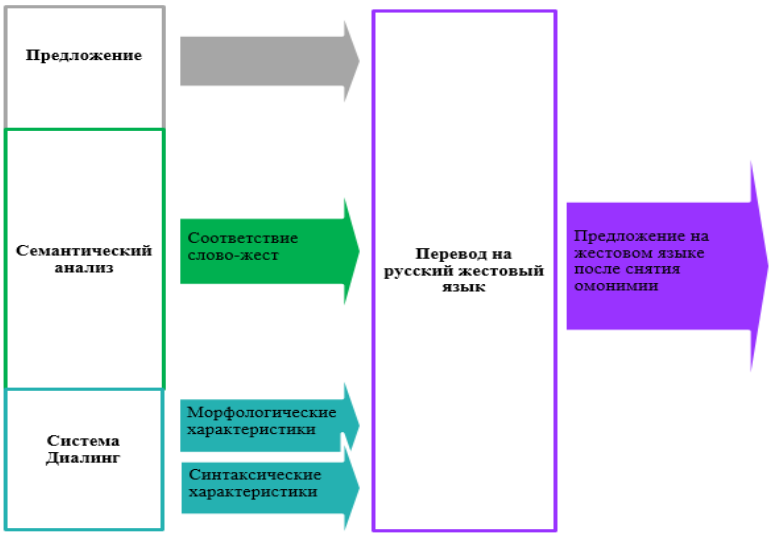


Рис. 3. Модель перевода на жестовый язык

На вход модуля перевода поступает следующая информация: исходное предложение, информация, полученная в результате семантического анализа: соответствие «слово – жест», информация, полученная системой «Диалинг» (морфологические и синтаксические характе-

ристики). Модель перевода заключается в изменении порядка слов в предложении в соответствии с требованиями русского жестового языка. Синтаксические конструкции, допустимые в жестовом языке, бывают двух типов: последовательность «субъект, глагол, объект» и «субъект, объект, глагол». С учетом семантической информации результатом работы системы является корректная последовательность жестов РЖЯ. Таким образом, предложение с русского языка переведено на РЖЯ.

На основе словаря В. А. Тузова посредством разбиения словарной статьи была спроектирована и реализована база данных. Она включает в себя 13 основных и вспомогательных таблиц. Также были проведены работы по определению соответствия значений слов жестам сибирского диалекта РЖЯ. В качестве исходной информации была взята база жестов сибирского диалекта РЖЯ [Королькова, 2014]. Далее были проведены работы по анализу значений жестов и приведения в соответствие со значениями слов в словаре В. А. Тузова. Для решения данной задачи в разработанную на основе семантического словаря структуру базы данных были добавлены таблицы, содержащие список жестов и список соответствия «значение слова – жест» РЖЯ. Рассмотрим пример составления такой таблицы. В РЖЯ для передачи значений слова *аудитория* имеется два различных жеста. Первый жест передает значение ‘помещение для чтения лекций’, второй – значение ‘слушатели’. В словаре В. А. Тузова также приведено два значения для слова *аудитория*: помещение и слушатели. Таким образом, двум разным значениям слова *аудитория* соответствуют два различных жеста.

Система семантического анализа русского текста

Рассмотрим описание программного обеспечения и алгоритмическую часть программного обеспечения, направленного на выполнение семантического анализа и перевода.

Рассмотрим работу программы на примере предложения «Ирина заплетала русую косу» и проведем его семантический анализ (рис. 4). Работа модуля семантического анализа завершается заполнением поля «Результат». В поле «Результат» представлено соответствие «слово – жест». Кроме того, если у слова отсутствует свой жест, то в поле «Результат» отображается указание, что данное слово необходимо показывать с использованием дактиля. Также отмечается способ поиска жеста в случае отсутствия полного совпадения: с помощью синонимов или антонимов.

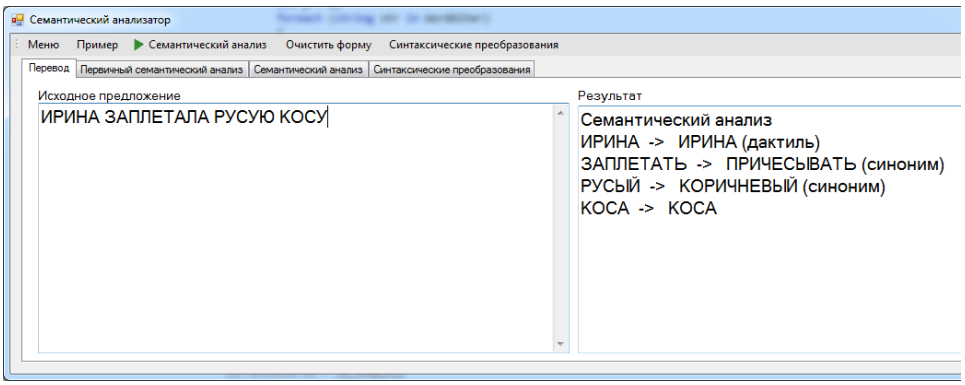


Рис. 4. Вкладка «Перевод»

На вкладке «Первичный семантический анализ» отображаются результаты работы предварительного этапа разбора предложения. На данном этапе определяются морфологические, синтаксические характеристики и определяются семантические отношения (рис. 5).

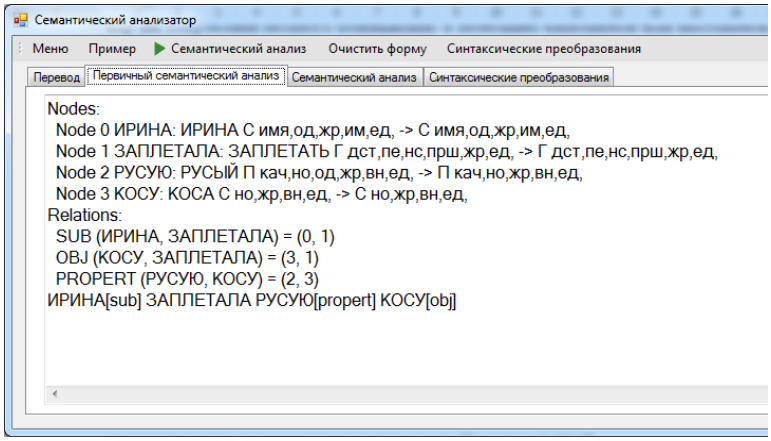


Рис. 5. Вкладка «Первичный семантический анализ»

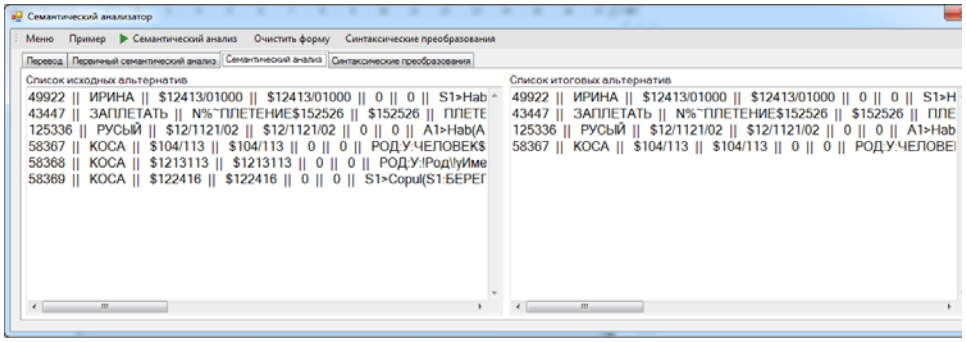


Рис. 6. Вкладка «Семантический анализ»

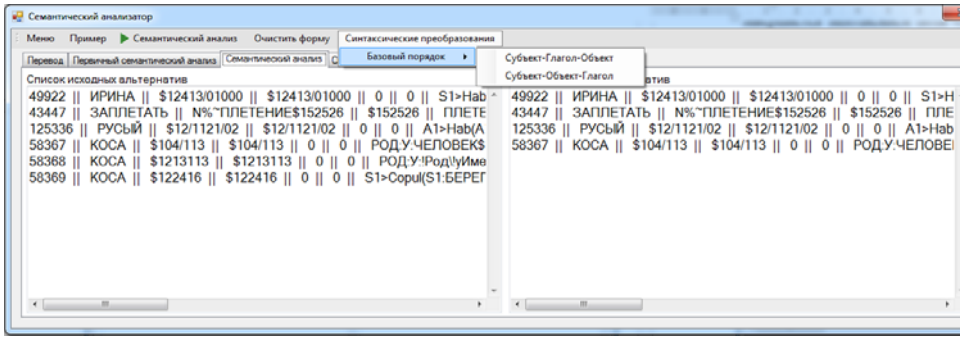


Рис. 7. Синтаксические преобразования

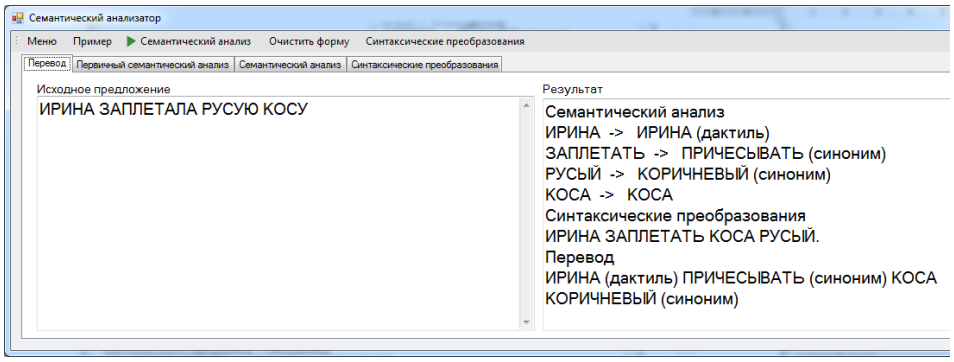


Рис. 8. Переведенное предложение с первым типом базового порядка слов

На вкладе «Семантический анализ» представлен «Список исходных альтернатив» и «Список итоговых альтернатив» (рис. 6). Первоначально мы имели три омонима: *коса*[1] (волосы), *коса*[2] (инструмент) и *коса*[3] (берег). После проведения семантического анализа количество альтернатив сократилось до одной – *коса*[1] (волосы).

Выполним синтаксические преобразования. В разработанной системе доступно два варианта базового порядка слов (рис. 7).

Выберем вариант базового порядка слов «субъект, глагол, объект» (рис. 8). На вкладке «Результат» после слов «Синтаксические преобразования» добавлено исходное предложение с измененным порядком слов. После этого выводится перевод предложения на жестовый язык с учетом особенностей синтаксиса жестового языка.

Разработанная программа семантического анализа была внедрена в систему компьютерного сурдоперевода «Сурдофон». В рамках решаемой задачи рассмотрена архитектура системы, приведено описание серверного и клиентского модуля, а также их взаимодействие. Проведено тестирование работы системы «Сурдофон» с внедренным модулем семантического анализа. Для анализа корректности работы семантического модуля проведено сравнение с определением семантических значений системами «Яндекс Переводчик» и «Google Переводчик». Разработанная система показала свое преимущество в более сложных случаях.

Цель интеграции модуля семантического анализа в систему компьютерного перевода заключается в показе введенного текста корректными жестами, отражающими смысл сказанного. В качестве демонстрации приведено два примера: фразы «Шляпа проворонил автобус» и «Егор услышал хорошие вести». Для отражения работоспособности интегрированного модуля семантического анализа представлены изображения показа жестов без семантического анализа и с включенным семантическим блоком. Рассмотрим работу системы на примере предложения «Шляпа проворонил автобус» (рис. 9). На рис. 10, *а* фраза отображена некорректно, жестом со значением ‘головной убор’. Таким образом, заложенный в предложение смысл оказался полностью потерян, и, для того чтобы его воспроизвести, нужно приложить колоссальные усилия, а при быстром показе это маловероятно. Кроме того, даже одно неправильно показанное предложение может полностью нарушить восприятие целого текста. При включении семантического анализа (рис. 10, *б*) слово *шляпа* отображается другим жестом, означающим ‘неумный человек’.

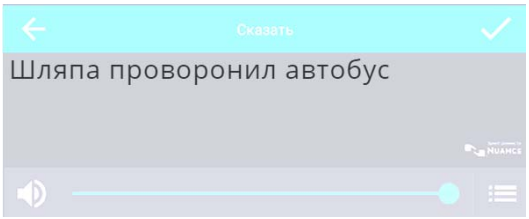


Рис. 9. Ввод предложения в систему «Сурдофон»

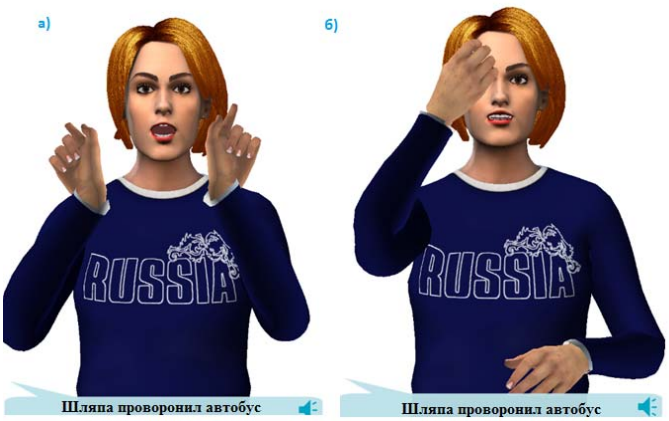


Рис. 10. Перевод жестами слова *шляпа*:
а – без семантического анализа предложения;
б – при наличии семантического анализа

Проведем сравнительный анализ работы модуля семантического анализа с существующими лидерами в электронном переводе: «Яндекс Переводчик» и «Google Переводчик». Значения исследуемых слов в указанных системах определим с помощью компьютерных переводчиков для перевода на английский. Для корректной оценки результата перевода, выполненного этими системами, значение слова на английском языке будет определено с помощью онлайн словаря Мультитран.

В русском языке существуют омонимы *лисичка*[1] (животное) и *лисичка*[2] (гриб). В английском языке словам *лиса*, *лисичка*[1] (животное) соответствует слово *fox*, слову *лисичка*[2] (гриб) – *chanterelle*. Проанализируем корректность определения семантического значения слова *лисичка* в предложении «Лисичка убежала в лес» (рис. 11–14).

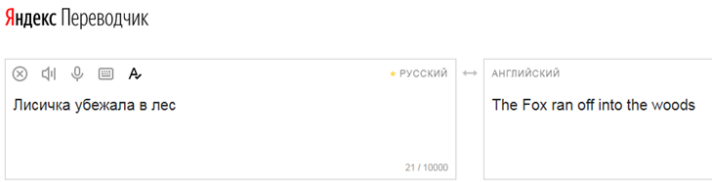


Рис. 11. Перевод системой «Яндекс Переводчик»

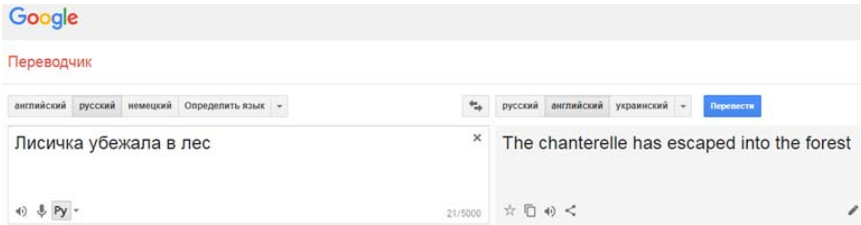


Рис. 12. Перевод системой «Google Переводчик»

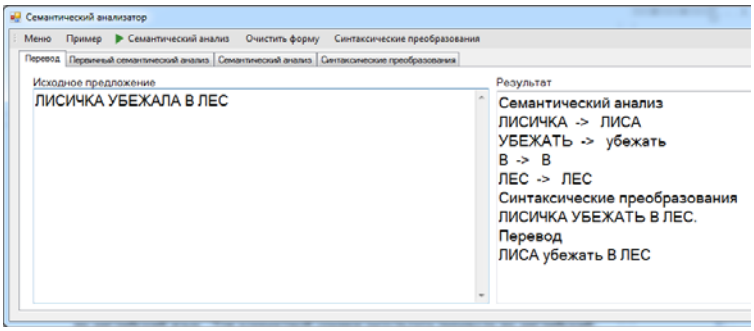


Рис. 13. Перевод системой семантического анализа

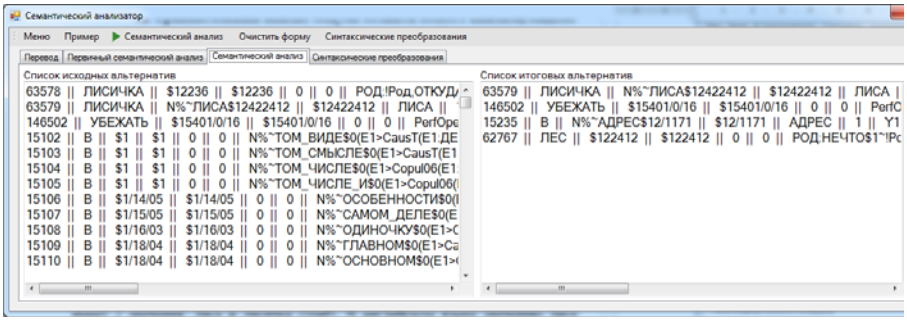


Рис. 14. Перевод системой семантического анализа (список альтернатив)

Значение слова *лисичка* корректно определено системой «Яндекс Переводчик» и модулем семантического анализа. Переводчик компании Google перевел *лисичку* в значении ‘гриб’.

В 14 контрольных примерах система Яндекс допустила 4 ошибки, система Google – 5 ошибок. Процент ошибок сравниваемых систем достиг 26 %, т. е. перевод будет ошибочен почти в каждом пятом случае. С помощью разработанного модуля семантического анализа контрольные примеры были переведены правильно. Таким образом, можно сделать вывод, что разработанная система семантического анализа проводит более точный перевод при наличии лексической неоднозначности. Кроме того, система семантического анализа соотносит с каждым семантическим значением соответствующий жест РЖЯ, а порядок слов в предложении приводит в соответствие с требованиями жестового языка. Возможность использования Яндекс и Google переводчиков для перевода на жестовый язык на данный момент отсутствует.

Расширение базы жестов
в системе компьютерного сурдоперевода

Список жестов сибирского диалекта, на который мы опирались в процессе разработки программного обеспечения, не является исчерпывающим, т. е. включающим все существующие в настоящее время жесты РЖЯ, так как, во-первых, русский жестовый язык, как и все естественные языки, постоянно развивается и пополняется новыми языковыми единицами, а во-вторых, сибирский диалект – это один из диалектов РЖЯ.

Следующим этапом работы над компьютерным сурдопереводом станет его проверка на языковом материале, полученном в результате сопоставительного анализа материалов словарей трех диалектов русского (российского) жестового языка [Королькова, 2014]. На первом этапе исследования методом сплошной выборки были выделены жесты и сформированы их списки в алфавитном порядке из четырех словарей РЖЯ: Видеословарь русского жестового языка [1], словарь И. Ф. Гейльмана [1975–1979]; Словарь русского жестового языка [2009], словарь Р. Н. Фрадкиной [2001]. Общий объем жестов составил почти 13 000 языковых единиц. На втором этапе исследования была составлена сопоставительная таблица жестов, включенных в эти лексикографические источники, проведен сопоставительный анализ выделенных языковых единиц. В результате исследования нами был составлен общий список жестов, содержащихся в этих словарях, в который вошло около 6 200 единиц.

Дальнейший анализ полученного языкового материала позволил уточнить количество жестов, названиями которых являются омонимы и многозначные слова русского языка [Королькова, 2013], а также расширить представления об особенностях исполнения жестов, названиями которых являются омонимы русского языка [Королькова, 2015].

Исследование лексического материала позволило выявить существование 54 пар жестов, названиями которых являются омонимы русского языка, а также определить некоторые особенности их исполнения. В отличие от звучащих омонимов, жесты, названиями которых являются омонимы, исполняются по-разному, однако это исполнение позволяет точно передать соответствующее значение. К особенностям исполнения следует отнести использование в большинстве случаев не самостоятельного, а существующего жеста РЖЯ (например, для показа жеста ДУШИТЬ (духами) используется жест ДУХИ), реже используется контурный, рисующий (например, ЛИСТ (кусок материала) и др.), указательный (ПОЛ (настил) и ЯЗЫК (орган речи)) или символический (общепринятый) жест (например, ДА (согласие) и др.), а также жест, имитирующий соответствующее действие (например, БРАК (супружеский) и др.), возможно дактилирование некоторых жестов (например, РАК (онкологическое заболевание) и др.).

Нами выделено 280 жестов, названиями которых являются многозначные слова русского языка. С помощью этих жестов можно передать многие значения, которые имеют их звучащие аналоги. Основное отличие жестов, аналогичных многозначным словам, от их звучащих аналогов заключается в том, что их различное исполнение позволяет определить значение

[1] Видеословарь русского жестового языка // Институт социальной реабилитации НГТУ: сайт. Новосибирск, 2011. URL: http://www.nisor.ru/snews/oa-/.

жеста без опоры на контекст. Ряд жестов этой группы относится к числу имитирующих. Некоторые жесты имеют исполнение, сходное с невербальным компонентом, сопровождающим соответствующие аналоги русского языка.

Таким образом, нами была дополнена база жестов РЖЯ, названиями которых являются омонимы и многозначные слова русского языка, и выявлены особенности их исполнения.

Заключение

Представленные в данной статье исследования составляют теоретическую и практическую основу для компьютерного сурдопереводчика русского языка. Программное обеспечение внедрено в систему компьютерного сурдоперевода русского языка «Сурдофон». Протестирована работоспособность разработанного программного обеспечения. Проведен сравнительный анализ корректности определения семантических значение в сопоставлении с результатами работы систем «Яндекс Переводчик» и «Google Переводчик».

Таким образом, в ходе исследования определено, что разработанная система семантического анализа проводит более точный перевод при наличии лексической неоднозначности. Разработанное программное обеспечение соотносит с семантическим значением слова соответствующий жест сибирского диалекта русского жестового языка. Возможность перевода системами Яндекс и Google на жестовый язык пока отсутствует.

Проведено тестирование работоспособности программного модуля семантического анализа и перевода на русский язык жестов. Для решения этой задачи система семантического анализа была внедрена в систему компьютерного сурдоперевода «Сурдофон». В рамках этой задачи рассмотрена архитектура системы, в которой приведено описание серверного и клиентского модуля, а также их взаимодействие. Проведено тестирование работы системы «Сурдофон» с внедренным модулем семантического анализа. Для анализа корректности работы семантического модуля проведено сравнение с определением семантических значений системами «Яндекс Переводчик» и «Google Переводчик». Разработанная система перевода показала свое преимущество в более сложных случаях.

Список литературы

Воскресенский А. Л. Сопоставительное лексикографическое описание слов русского языка и жестов языка глухих России в словаре RuSLED // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Материалы ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Изд-во РГГУ, 2008. № 7 (14). С. 91–96.

Гейльман И. Ф. Специфические средства общения глухих. Дактилология и мимика: Словарь. Л., 1975–1979. Ч. 1–4.

Гриф М. Г., *Мануева Ю. С.*, *Козлов А. Н.* Построение системы компьютерного сурдоперевода русского языка // Тр. СПИИРАН. 2014. № 6 (37). С. 170–183.

Гриф М. Г., *Тимофеева М. К.* Проблема автоматизации сурдоперевода с позиции прикладной лингвистики // Сибирский филологический журнал. 2012. № 1. С. 211–219.

Гриф М. Г. Методы и технологии компьютерного сурдоперевода: Учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012. 71 с.

Королькова О. О. Особенности омонимии и полисемии в русском жестовом языке (на материале видеословаря русского жестового языка) // В мире научных открытий. 2013. № 5.1. С. 169–184.

Королькова О. О. Определение объема «Полного словаря русского жестового языка» // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 3 (19). С. 69–74.

Королькова О. О. Особенности жестов русского жестового языка, названиями которых являются омонимы русского языка // В мире научных открытий. 2015. № 7.8 (67). С. 2931–2942.

Словарь русского жестового языка / Рук. авт. колл. В. З. Базоев. М.: Флинта, 2009. 528 с.

Сокирко А. Семантические словари в автоматической обработке текста (по материалам системы Диалинг). М., 2000. 108 с.

Тузов В. А. Компьютерная семантика русского языка: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 391с.

Фрадкина Р. Н. Говорящие руки. Тематический словарь жестового языка глухих России. М.: Московская городская организация ВОГ, 2001. 598 с.

Veale T., *Conway A.* Cross modal comprehension in ZARDOZ an English to sign-language translation system. Trinity College, 1994. 326 p.

Wakefield M. VisiCAST. Milestone: Final Report, 2002. 97 p.

Zhao L., *Kipper K.*, *Schuler W.* A Machine Translation System from English to American Sign Language // Lecture Notes in Computer Science. 2000. Vol. 1934. P. 54–67.

Материал поступил в редколлегию 01.06.2018

Mikhail G. Grif [1], Olga O. Korolkova [2], Yuliya S. Manueva [1]

[1] *Novosibirsk State Technical University*
20 Karl Marx Ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation

[2] *Novosibirsk State Pedagogical University*
28 Vilyuyskaya Str., Novosibirsk, 630126, Russian Federation

grifmg@mail.ru, ookorol@mail.ru, manueva.js@gmail.com

A NEW ALGORITHM AND OTHER SOFTWARE FOR DISAMBIGUATION OF POLYSEMY AND HOMONYMY FOR COMPUTER TRANSLATION INTO RUSSIAN SIGN LANGUAGE BASED ON A SEMANTIC PRINCIPLE

The paper analyses current computer Sign Language translation systems. Their advantages and disadvantages are detected. The main drawback is the lack of original text semantic analysis module capable of solving the task of disambiguation. A general scheme of translation system from phonic Russian to Russian Sign language including a module for semantic analysis is presented. It includes a block of source code analysis, developed by the authors, responsible for handling the semantic component of the Russian language. The semantic module relies on Tuzov's dictionary. The semantic analysis algorithm is also described. The text analysis is completed when each word gets only one semantic description thus solving the problem of ambiguity. The most important developments of the semantic analysis module include the following: expanded collection of gestures, parsing of complex sentences, account in the algorithm analyses predicates classifier of Russian Sign Language. Testing of algorithm is made.

The article compares the existing systems of computer translation from phonic to the sign language. The advantages and disadvantages of the considered systems are revealed and a conclusion is made about the need to take into account the semantic aspect of the translation process. A technology of semantic analysis is suggested. The model to choose an adequate meaning of a polysemic word or homonym on the basis of the automatic text processing system «Dialing» is described. Examples of the use of the software are given. The questions of testing the working capacity of the semantic analysis module are given due attention too. To enhance its efficiency, the system of semantic analysis was added to the translation system «Surdophone». To verify the efficiency of the semantic module's operation, a comparison is made with the definition of some words' semantic meanings by the systems «Yandex Translator» and «Google Translator». The present system showed its advantage in more complex cases. Also, the base of gestures of the RSL whose names are homonyms and polysemic words of the Russian language, were added and the features of their performance were revealed.

Keywords: Russian Sign language, computer sign language translation, semantic analysis, morphological analysis, syntactic analysis, homonyms, polysemous words, syntax constructions, alternatives.

References

Fradkina R. N. Govoryashchie ruki. Tematicheskiy slovar' zhestovogo yazyka glukhikh Rossii [Speaking hands. Thematic Dictionary of the Sign Language of the Deaf Russia]. Moscow, Moskovskaya gorodskaya organizatsiya VOG, 2001, 589 p. (in Russ.)

Geyl'man I. F. Spetsificheskie sredstva obshcheniya glukhikh. Daktilologiya i mimika [Specific means of communication for the deaf. Dactylology and facial expressions. Dictionary]. Leningrad, LVTs, 1975–1979, pt. 1–4.

Grif M. G. Metodi i tehnologii kompyuternogo surdoperevoda [Methods and techniques of computer sign language]. A tutorial. Novosibirsk, NSTU Press, 2012, 71 p. (in Russ.)

Grif M. G., Manueva Yu. S., Kozlov A. N. Postroenie sistemy komp'iuternogo surdoperevoda russkogo iazyka [Development of computer interpretation system of Russian language]. *Trudy SPIIRAN* [*SPIIRAS Proceedings*], 2014, no. 6 (37), p. 170–183. (in Russ.)

Grif M. G., Timofeeva M. K. Problemi avtomatizatsii surdoperevoda s pozitsii prikladnoi lingvistiki [The problem of automation of sign language from the perspective of applied linguistics]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*], 2012, no. 1, p. 211–219. (in Russ.)

Korol'kova O. O. Opredeleniye ob”ema «Polnogo slovarya russkogo zhestovogo yazyka» [Determination of the volume of «Complete Dictionary Russian Sign Language»]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial’nykh problem* [*Modern Research of Social Problems*], 2014, no. 3 (19), p. 69–74. (in Russ.)

Korol'kova O. O. Osobennosti omonimii i polisemii v russkom zhestovom yazyke (na materiale videoslovarya russkogo zhestovogo yazyka) [Features homonymy and polysemy in Russian Sign Language (based on videodictionary of Russian Sign Language)]. *V mire nauchnykh otkrytiy* [*In the World of Scientific Discoveries*], 2015, no. 5.1, p. 169–184. (in Russ.)

Korol'kova O. O. Osobennosti zhestov russkogo zhestovogo yazyka, nazvaniyami kotorykh yavlyayutsya omonimy russkogo yazyka [Features gestures Russian Sign Language, the name of which is a homonym Russian Language]. *V mire nauchnykh otkrytiy* [*In the World of Scientific Discoveries*], 2015, no. 7.8 (67), p. 2931–2942. (in Russ.)

Slovar' russkogo zhestovogo yazyka [Dictionary of Russian Sign Language]. Ruk. avtorsk. koll. V. Z. Bazoev. Moscow, Flinta, 2009. 528 p. (in Russ.)

Sokirko A. Semanticheskie slovari v avtomaticheskoi obrbotke teksta [Semantic dictionary in automated text processing]. Moscow, 2000, 108 p. (in Russ.)

Tuzov V. A. Komputernay semantika russkogo yazuka [Computer semantic of Russian language]. A tutorial. St. Petersburg, 2003, 391p. (in Russ.)

Veale T., Conway A. Cross modal comprehension in ZARDOZ an English to sign-language translation system. Trinity College, 1994, 326 p.

Voskresenskij A. L. Sopostavitel'noe leksikograficheskogo opisanie slov russkogo yazyka i zhestov yazyka gluhih Rossii v slovare RuSLED [A comparative lexicographic description of the words of the Russian language and gestures of the language of the deaf in the dictionary RuSLED]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Materialy ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog»* [*Computer Linguistics and Intellectual Technologies: Materials of the annual International Conference «Dialogue»*]. Moscow, RSGU, 2008, no. 7 (14), p. 91–96. (in Russ.)

Wakefield M. VisiCAST. Milestone, Final Report, 2002, 97 p.

Zhao L., Kipper K., Schuler W. A Machine Translation System from English to American Sign Language. *Lecture Notes in Computer Science*, 2000, vol. 1934, p. 54–67.

For citation:

Grif Mikhail, Korolkova Olga, Manueva Yuliya. A New Algorithm and Other Software for Disambiguation of Polysemy and Homonymy for Computer Translation into Russian Sign Language Based on a Semantic Principle. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 32–44. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-32-44

УДК 81’23
DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-45-55

А. А. Яковлев

Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 82а, Красноярск, 660041, Россия

mr.koloboque@rambler.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Обсуждаются теоретико-методологические предпосылки для создания общей теории языкового сознания, включая комплекс экспериментов, способных проверить и, возможно, опровергнуть некоторые ее положения. Основная идея такой теории – охват одновременно внешних (социальных) и внутренних (личностных) факторов в их влиянии на язык, рассматриваемый с антропоцентрических позиций. Для общей теории языкового сознания необходимы: 1) теория языка, соединяющая язык как индивидуальное явление, как явление групповое и как систему; 2) универсальные способы описания любых аспектов и форм существования объекта теории; 3) принципы, из которых выводимы феноменологические свойства объекта и методологические характеристики теории. Положения теории и лежащие в их основе экспериментальные исследования позволят фиксировать, каким образом внутренние (эмоции, ценности и т. п.) и внешние (возраст, профессия и т. п.) условия функционирования языка как достояния человека связаны с изменением значений и смыслов слов и их взаимных связей.

Ключевые слова: языковое сознание, антропоцентрическая лингвистика, психолингвистика, значение, личностный смысл.

Известно, что определение понятия должно обладать двумя важными свойствами. Во-первых, оно должно фиксировать соответствующую объекту познания систему внутренних и внешних связей, представленных в форме обобщенного идеального объекта, и операций по отображению этих связей. Во-вторых, понятие, являясь обобщением, должно содержать в себе наиболее существенную закономерность, которой подчиняется данное явление, данный предмет изучения.

Одно из самых распространенных в настоящее время определений языкового сознания (далее – ЯС) в целом соответствует первому требованию, но не второму. «Языковое сознание – это знания, ассоциированные с языковыми знаками для овнешнения в процессе общения первичных и вторичных образов сознания. Первичные образы, по А. Н. Леонтьеву, – это знания, формируемые личностью в процессе восприятия объектов реального мира, а вторичные образы – это первичные образы, используемые в качестве перцептивных эталонов при последующих актах восприятия» [Уфимцева, Тарасов, 2009. С. 20]. Такое определение позволяет **путём указания** выделить предмет изучения (или совокупность предметов) и соответствующую обобщенную схему его основных свойств, но не позволяет предсказывать поведение предмета лишь на основе этой обобщенной схемы, не прибегая к непосредственному оперированию конкретным предметом, не позволяет вообще говорить о том, как изменения во внутренних и / или внешних связях предмета сказываются на его функционировании и его характеристиках. Кроме того, в приведенном определении ЯС дано в общем виде – как неко-

Яковлев А. А. Лингвистическая основа общей теории языкового сознания // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 45–55.

© А. А. Яковлев, 2018

торая целостность, конституирующие единицы и внутренние связи которой из определения не ясны. Но познание некоторого явления – это и есть выявление его внешних и внутренних связей и закономерностей их изменения.

Разнообразные трактовки ЯС связывают его то с языком как индивидуальным явлением, то с языком как явлением социальным: это отражение в **индивидуальном** сознании **внешних** по отношению к нему предметов, фиксируемое в языке. В этом нам видится стремление ученых нащупать понятие, которое связывало бы эти два аспекта языка и позволяло бы проследить связь между динамикой языковых явлений, рассматриваемых с групповых позиций и с позиций индивидуальных. Мы намеренно говорим здесь о группе носителей языка, поскольку особенности языка как явления общественного есть наиболее общий случай языка как явления группового, когда границы группы определяются масштабами лингвокультуры в целом, а не профессией, социальным положением и т. п.; лингвокультура есть, таким образом, предел абстрагирования от каких-либо других характеристик группы, кроме языка, которым в той или иной степени владеют входящие в нее индивиды.

Необходимость общего понятия и общей теории продиктована не только теоретическими аргументами, но и эмпирией.

Здесь прежде всего следует назвать работы А. А. Залевской и ее сотрудников по психолингвистическому портретированию лексики [Залевская, 2011. С. 186–213], проводившиеся «на рубеже веков и эпох» и демонстрирующие на обширном материале, как слова приобретают новые и изменяют имеющиеся значения в силу социальных, экономических и политических перипетий. Е. И. Горошко изучала общее и специфическое в ментальных лексиконах представителей разных социальных групп, а именно ассоциативные связи слов в зависимости от половозрастных особенностей людей, условий их жизни, возраста и т. д. [2001. С. 393–461]. Общий вывод ее исследования заключается в том, что социальные и биографические факторы влияют на структуру ассоциативного поля как в количественном, так и в качественном отношении [Там же. С. 491]. Л. П. Иноземцева исследовала особенности реакций на слова *преподаватель* и *препод* в их связи с возрастом студентов. Автор связывает выявленную ею разницу с тем, что изменения в системе образования, вызванные включением образования в сферу услуг, резко изменили ожидания и требования студентов, отражающиеся в значениях слов [2012. С. 74–75].

В наших исследованиях [Яковлев и др., 2015; Яковлев, Елизарова (Телешева), 2016] была показана зависимость значений слов от социокультурных и даже географических особенностей жизни людей. В названных исследованиях материал и методика работы с ним различны: от предъявления в качестве стимулов наименований дней недели без учета «внешних» характеристик испытуемых (возраст, пол, социальное положение и т. п.) до предъявления терминов языкознания студентам-лингвистам разных курсов. Однако общий их вывод таков: в слове отражаются не явления окружающей действительности сами по себе, а их образы, преломленные через личностный опыт переживаний и эмоций. В значении слова проявляется и фиксируется своеобразная диалектика между некоторым явлением действительности и его переживанием человеком. Наиболее типичные ситуации взаимодействия с явлениями и предметами отражаются в значении соответствующего слова, но само значение этого слова тоже влияет на отношение человека к тому или иному явлению и его составляющим (следовательно, частично и на деятельность человека в таких ситуациях). Если же опыт группы людей схож в том или ином отношении (например, опыт общения студентов с преподавателями), то в материале ассоциативного эксперимента, проведенного в этой группе, проявляются закономерные тенденции (см. результаты эксперимента в работе [Яковлев, Елизарова (Телешева), 2016] и их проверку и подтверждение в [Яковлев, 2017]).

Актуальность исследований, учитывающих влияние социальных факторов на формирование ментального лексикона, выражается в создании ассоциативных словарей нового типа: «Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области», «Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС», двухтомный «Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток)» и др.

Чрезвычайно важно при таком богатстве экспериментальных исследований иметь общую концепцию ЯС, которая позволяла бы с единых теоретико-методологических позиций объяснять тенденции, проявляющиеся в разном по составу эмпирическом материале, позволяла бы

в дальнейшем объединять эти формально разные тенденции для выведения из них наиболее общих закономерных связей между внешними и внутренними факторами языка. Указанная выше диалектика между явлением действительности (внешним) и его переживанием личностью (внутренним), регулярно проявляющаяся в материалах исследований, но проявляющаяся в зависимости от материала и метода по-разному, должна находить свое объяснение с общих позиций, а не с позиций некоторой частной теоретической схемы, изобретаемой *ad hoc* и не позволяющей связывать их друг с другом.

Коротко говоря, общая теория ЯС нужна для того, чтобы обобщать и объяснять зависимость между внутренними (личностными) и внешними (групповыми, в пределе – общественными) факторами жизни слов. Следовательно, в рамках такой общей теории само понятие ЯС должно охватывать наиболее значимые черты ментальных лексиконов группы людей и их упорядочения (изменения) в зависимости от внешних и внутренних факторов, а также обобщенное отражение отношения индивидов к этим факторам. ЯС есть, таким образом, теоретическое обобщение таких связей и их регулярного проявления в экспериментальном языковом материале. В этом случае понятие ЯС способно выделить и зафиксировать в теоретических моделях основную закономерность, которой подчиняется язык как достояние человека, как интрапсихическое в его связи с внешними факторами, с языком как интерпсихическим. Причем ЯС должно фиксировать эту связь не субъективно-методологически (предлагая новую точку зрения на привычные явления), а объективно-методологически – как особый тип связи между личностным и социальным в языке. ЯС должно отражать не просто «социальное плюс индивидуальное», а новый тип реально существующих связей, которые состоят в том, что социальным явлениям языка придается личностное переживание, но не случайное, а закономерное. В результате личностные явления и процессы, отраженные в слове, включаются в общение как социальное явление, а социальные явления и процессы, тоже отраженные в слове, включаются в познание и переживание как личностное явление. В этом смысле всякое слово для человека есть **одновременно** и групповое (инструмент общения, взаимодействия), и индивидуальное (инструмент организации собственной психики). Язык вообще есть для человека не нечто постороннее, потому что социально обусловленное; напротив, это **его** язык именно потому, что это язык того общества (группы, коллектива), **внутри** которого человек живет и действует и **частью** которого он является. Можно представить это в виде двух пересекающихся осей (индивидуальной и групповой), но не бесконечных, а имеющих пределы. Эти пределы – крайние случаи значений некоторых слов, большинство же слов «находятся» где-то между предельными значениями, но могут «перемещаться» с изменением значений. Слово как групповое явление в пределе есть общекультурное, а в другом пределе – «диалоговое», «парное», понятное только для двоих. Слово как личностное явление в пределе есть интимное, ни с кем не разделяемое, а в другом пределе – несущее общечеловеческие ценности. Эту-то личностно-социальную диалектику языка, на наш взгляд, и должно объяснять понятие ЯС.

Понятие ЯС, обладающее такой объяснительной силой, не может существовать само по себе – в отрыве от общей теории ЯС. Последняя пока еще не выработана, но жизненно необходима, чтобы, еще раз это подчеркнем, исследования ЯС не были разрозненными исследованиями отдельных его аспектов и служили бы средством обобщения и суммирования знаний о языке как достоянии человека и общества (что возможно только при едином теоретико-методологическом базисе).

Что нужно для такой общей теории ЯС?

1) теория языка, соединяющая язык как индивидуальное, как групповое и как систему (теория обобщает и фиксирует закономерности, способы представления языка как индивидуального и группового);

2) универсальные способы описания любых аспектов и форм существования объекта (объект – движение значений и личностных смыслов под действием внешних факторов);

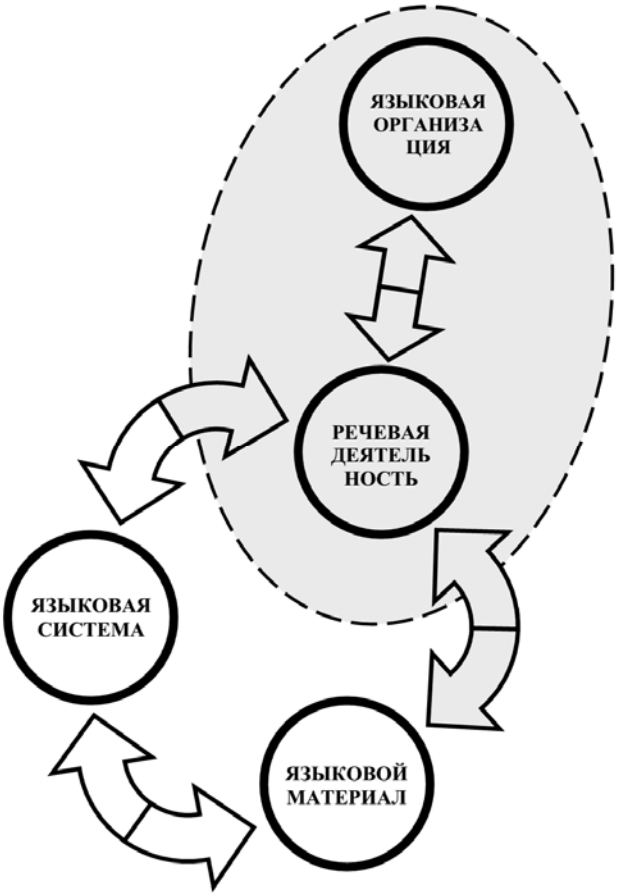
3) принципы, из которых выводимы феноменологические свойства объекта и методологические характеристики теории.

Рассмотрим эти положения по порядку и более подробно.

Адекватная поставленной задаче теория языка существует. Это концепция Л. В. Щербы [2004], рассматривающая всё многообразие языка как выражение трех его аспектов, к кото-

рым следует только добавить четвертый аспект – языковую организацию индивида, ментальный лексикон [Залевская, 2005. С. 32–37, 400]. Разумеется, подобная теория языка может существовать и в ином виде, но ключевым ее свойством должна являться способность соединять закономерности существования языка как социального и как индивидуального явления, учитывая, что всякое существование языка динамично. Теория языка, подходящая для теории ЯС, сможет, таким образом, соединить две динамики языка – внутреннюю (интрапсихическую) и внешнюю (интерпсихическую), а также их обобщения в теоретических абстракциях. Это должна быть теория языка, способная выводить общие закономерности движения языка как формы индивидуального сознания из наблюдаемых фактов использования языка, которые получены не от одного человека, а от некоторой группы людей. И коль скоро такие фиксируемые в теории закономерности являются общими для группы людей (они не просто одинаковые, а существенные), то они связаны с учитываемыми в теории характеристиками группы, а коль скоро это закономерности, регулярно проявляющиеся в эмпирическом материале, то они индивидуальны (т. е. имеются потенциально у всех представителей группы в той или иной форме и степени).

Язык в своей целостности предстает в таком случае не надындивидуальной системой знаков и не набором ассоциаций в конкретном индивидуальном сознании, а личностно-социальным **континуумом** разнообразных явлений. Такой континуум изображен на рисунке. Серым цветом обозначены языковые явления и их взаимосвязи, состоящие из совокупностей индивидуальных актов, в принципе подразумевающие конкретизацию вплоть до индивидуальных особенностей. Штриховкой обозначены индивидуальное сознание и входящие в него психические явления.



Личностно-социальный континуум языковых явлений Щербы – Залевской

При этом в теории речь должна идти именно о теоретических обобщениях, об абстракциях, о теоретических моделях и схемах реальных явлений и процессов, а не о конкретных явлениях индивидуального сознания людей, входящих в данную группу. В положениях теории должны обобщенно отражаться закономерности взаимодействия внешних и внутренних факторов, а не частные их проявления в сознании конкретных индивидов. Из понятий теории языка, как и теории ЯС, должен быть элиминирован антропоморфизм: они должны быть связаны с сознанием человека не напрямую, не как таковые, а как общие, т. е. абстрагированные и обобщенные научным познанием, закономерности, которые в частном своем выражении могут в разной степени и форме проявляться в речевой деятельности человека и в упорядочении его ментального лексикона.

Универсальные способы описания объекта подразумевают, во-первых, охват одновременно внешнего (группового) и внутреннего (личностного) в эмпирическом материале и соответствующие методы его обработки, во-вторых, единицу анализа, способную абстрагировать из эмпирического материала связи внутреннего и внешнего аспектов языковых явлений. Единица анализа ЯС должна сохранять для дальнейшего обобщения связь внешнего и внутреннего, т. е. выраженного в слове сознательного образа и межличностного

(группового, социального) процесса, в который данный образ через данное слово вовлечен. Вне зависимости от формы терминологического наименования (концепт, гештальт и т. п.) всякий образ сознания, связанный со словом, имеет в своем составе языковой аспект, предметный аспект, эмоционально-личностный аспект, личностный аспект и телесный аспект [Василюк, 1993]. Единица анализа ЯС, рассматриваемая как способ обобщения, должна позволять выявить через слова все эти аспекты образов сознания и их динамические связи. Единица анализа должна в таком случае пониматься не как некоторые подлежащие регистрации имманентные характеристики эмпирического материала, а как метод выявления его внутренних закономерностей, благодаря которым эмпирические факты таковы, каковы они есть в зависимости от разных условий.

Основных принципов теории, из которых выводятся феноменологические свойства объекта и методологические характеристики теории, можно назвать четыре.

Первый состоит в том, что отражение мира в сознании человека носит активный и пристрастный характер. Следовательно, в языке как особой (но не единственной!) форме существования сознания, в языковых знаках существен эмоциональный компонент. Аффективное переживание мира онтологически присуще языковому знаку, а не является некоторой «прибавкой» к значению, которая может и не учитываться. Это значит, что в эмпирическом материале в том или ином виде будет проявляться эмоционально-оценочное отношение к миру, фиксируемое и выражаемое через язык, и оно же фиксируется в положениях и понятиях теории. Каждое слово содержит в себе эмоционально-оценочный, личностный компонент; другое дело, что в некоторых случаях эмоциональное переживание может быть нейтральным или неявным и не проявляться в рамках эксперимента. В этом отношении следует говорить не о языке **и** сознании или о языке **в** сознании, но о языке **как** сознании.

Второй принцип: внешние воздействия преломляются через внутренние условия (в более широком гносеологическом контексте см. об этом: [Рубинштейн, 2012]). Изменение внешних (групповых) факторов языка как достояния человека, преломляясь в эмоционально-оценочном отношении, вызывает и изменение внутренних факторов, закономерности чего отражаются в эмпирическом материале и обобщаются теорией. Никакое внешнее (т. е. охватывающее всю группу индивидов) изменение само по себе не вызывает существенных изменений в ментальных лексиконах людей, а только если оно в той или иной мере переживается как личностно значимое, что тоже может находить разную степень выраженности в конкретном экспериментальном материале.

Третий принцип связан со статистическим, вероятностным характером фиксируемых в теории закономерных связей между внешними и внутренними факторами языка. В этом случае не спрашивается, например: «Какая словоформа в конкретном ментальном лексиконе имеет эмоционально-оценочную окраску?» Но спрашивается: «Какие словоформы потенциально могут иметь такую-то эмоционально-оценочную окраску в зависимости от определенных характеристик группы людей?» Невозможно предсказать поведение или свойства словоформы, можно только предсказать **вероятность** того, что она будет вести себя некоторым образом (не всегда строго определенным). Вероятностный подход к объяснению закономерностей языка как достояния человека не говорит нам о характеристиках конкретного слова в сознании конкретного человека. Но он говорит нам о большей или меньшей вероятности обнаружить те или иные характеристики данного слова, при этом результат нужно выводить не из одного, а из многих наблюдений. Понимание того, какими свойствами обладает слово (например, дающее в ассоциативном эксперименте такие-то типы реакций), позволяет сказать, с какой вероятностью это слово проявит в речевой деятельности выявляемые через эти типы реакций особенности своего значения. Следовательно, материал исследования может быть получен только от группы людей (множество повторных «измерений»), одна или несколько характеристик которой учитываются, а от других исследователь абстрагируется.

Четвертый принцип состоит в том, что способ познания **влияет** на его конечный результат. Свойства объекта даны субъекту не напрямую, а в акте познания, но способы и средства наблюдения и обобщения результатов не есть часть объекта познания и не могут включаться в результат познания. Однако они входят в итоговое знание обобщенно и косвенно, а именно в качестве особенностей знания о самом этом объекте. Характер способов познания кристаллизуется и обобщается теорией в характере знания об объекте, в специфике приписываемых

объекту свойств (хотя и не всех). Способы познания проявляются как характеристики объекта, первые принимаются за часть последних. Этим обусловливается необходимость применять к ЯС комплекс методов, перепроверять полученные результаты, подвергать один и тот же материал разностороннему анализу.

Названные принципы кратко можно выразить так: активность и пристрастность сознания, опосредованность внешнего воздействия внутренними «фильтрами» (т. е. внешние причины действуют через внутренние условия), вероятностный характер знания свойств объекта, вовлеченность субъекта и метода познания в его конечный результат.

Работы, не реализующие эти принципы, посвящены не ЯС, если его трактовать так, как в настоящей статье. Они относятся к традиционной семантике, к лингвокультурологии, лингвоперсонологии и т. п. Таковыми являются, например, следующие исследования: [Малевинский, 2006; Прокофьева, 2008; Стефанский, 2009; Шаманова, 2009], хотя формально они претендуют на изучение именно ЯС (характерно, что в них в качестве методологической базы указывается традиционная семантика, например, в понимании ее Московской семантической школой).

Приведенный выше список принципов является открытым, и можно не сомневаться, что развитие общей теории ЯС заставит добавить в него какие-то другие и уточнить имеющиеся.

Каковы же основные положения общей теории?

Если в ментальном лексиконе имеется форма (слово), которая

- имеет значение,
- имеет личностный смысл (выражает деятельное и эмоционально-личностное переживание действительности человеком),
- имеет связь со значением предмета и / или ситуации,
- помогает человеку более эффективно осуществлять деятельность (познание и общение) в меняющемся мире,

то эта форма

- не может не быть связана с другими формами разнородными связями,
- не может не изменять связи с другими формами и другими явлениями сознания, или, выражая ту же мысль иначе, не может не двигаться в сознании под действием внутренних и внешних факторов,
- не может не содействовать другим явлениям сознания (среди которых память, мышление, воображение и т. д.) в познании мира, общении и организации поведения человека.

Поясним сформулированные положения и проиллюстрируем их примерами.

В первом положении наиболее важна разнородность связей слов и стоящих за ними образов. В эмпирии (в частности, в ассоциативном эксперименте) проявляются все аспекты образа либо некоторые из них, но никогда не бывает лишь одного.

Например:

ВРАЧ – *доктор*, *медик*, *трюкач* (языковой аспект), *больница*, *белый халат*, *лечит*, *шприц* (предметный аспект), *боюсь*, *недоучка*, *спасатель* (эмоционально-личностный аспект), *запах*, *боль* (телесный аспект);

АРМИЯ – *флот*, *войско* (языковой аспект), *форма*, *солдат*, *война* (предметный аспект), *зло*, *отчисление*, *маразм* (эмоционально-личностный аспект);

ЧЕТВЕРГ – *пятница*, *вторник*, *jueves*, *jeudi* (языковой аспект); *тупее субботы*, *любимый день* (эмоционально-личностный аспект); *рыба*, *учеба*, *тренировка*, *до 17:30* (семический аспект);

БИЛИНГВИЗМ – *двуязычие*, *монолингвизм*, *Билли* (языковой аспект); *Набоков*, *Юра Чжан*, *стюардесса* (предметный аспект); *круто*, *классно*, *супер*, *мечта* (эмоционально-личностный аспект); *два языка*, *две культуры*, *владение двумя языками* (семический аспект).

Мы отвлекаемся от того, что аспекты образа в разных случаях выражаются с разной частотой и иногда трудноразличимы; важнее в теоретическом плане то, что наличие одного аспекта образа в ассоциациях возможно только в особых случаях. Так, при предъявлении в качестве стимулов неизвестных слов реакции (если таковые имеются) проявляют чаще всего лишь один аспект образа – языковой.

Например:

КОНГРУЭНТНОСТЬ – *конгресс*, *кенгуру*;
ТЕНЗОР – *цензор*, *тенор*;
ГЛИАЛЬНЫЙ – *гениальный*.

Немногочисленные однотипные связи ассоциаций со стимулом говорят о том, что образ, стоящий за данным словом (стимулом), не сформирован, не обладает эмоционально-оценочным «весом» и не задействован в познании и общении.

Второе положение говорит о том, что потенциально каждый акт познания предмета (и вообще мира) или действия с предметом изменяет внутреннюю структуру образа предмета и отношение человека к этому предмету, и это изменение может быть выявлено через соответствующее слово. Так, материалы нашего 8-этапного ассоциативного эксперимента (результаты которого пока не опубликованы) показывает, что новые знания отражаются в реакциях, но не вытесняют старые. С недельным промежутком 62-м участникам предъявлялся один и тот же список стимулов, но на некоторых этапах непосредственно перед экспериментом им давались для ознакомления небольшие тексты, эксплицирующие значение некоторых стимулов. Реакции, связанные с содержанием текстов, резко проявлялись на тех этапах, на которых предъявлялись тексты, но не исчезали полностью на следующих. Так, для стимула СТИЛЬ текст предъявлялся на 2-м и 3-м этапах, и количество реакций, по семантике связанных с текстом, было следующим: 1 этап – 0, 2 этап – 21, 3 этап – 27, 4 этап – 15, 5 этап – 11, 6 этап – 14, 7 этап – 13, 8 этап – 14. Результаты этого эксперимента подтверждают, в частности, что значение слова не статично, что оно движется (т. е. изменяется качественно и количественно) в сознании человека, не подчиняясь при этом строго только внешним воздействиям или только внутренним условиям.

Закономерности такого движения и следует выяснить и обобщить в теории. Однако, как и любое движение, оно является постепенным, и в норме почти невозможно четко отграничить один «этап» такого движения от другого. Здесь требуется особая организация экспериментов, основанная на разного рода сопоставлениях, что позволит более рельефно проявиться изменениям связей внутри отдельного образа или между разными образами сознания. Если участвующим в ассоциативном эксперименте людям не знакомы такие слова, как ВИВИСЕКЦИЯ или ОККЛЮЗИЯ, то наиболее частотной будет нулевая реакция или реакция по форме (*секция*, *википедия* и *иллюзия*, *оказия*). Но если предварительно ознакомить их с этими словами посредством небольших текстов, то реакции становятся разнообразными и отражают не только информацию этих текстов (ВИВИСЕКЦИЯ – *грех*, *вскрытие*, *скрещивать*, ОККЛЮЗИЯ – *ураган*, *плед*, *непроходимость*), но и эмоционально-оценочное переживание (ВИВИСЕКЦИЯ – *живодёрство*, *жалость*, *издевательство над животными*). Разнообразием связей между образами сознания и внутри одного образа можно объяснить дифференциацию ассоциаций на термины языкознания, которая проявляется, например, если сравнить результаты одного эксперимента, проведенного в группе студентов-лингвистов первого и четвертого курсов [Яковлев, 2016].

Третье положение обусловлено системным строением сознания и психики. В нем утверждается, что есть нечто, интегрирующее активность различных явлений сознания, и это нечто есть личность. Из действующей и чувствующей, переживающей мир личности рождается мотив и цель познания, общения и, следовательно, осмысления мира и себя в мире, нечто, фиксируемое в знаках как психических орудиях организации взаимодействия человека с миром. Данное положение выводит теорию ЯС за ее границы, позволяя связывать исследования ЯС с исследованиями в области психологии, психосемантики, педагогики, лингвокультурологии, когнитивного терминоведения и т. д.

Сказанное заставляет сформулировать комплекс задач, стоящих перед общей теорией ЯС:

1) по тому, какие внешние и внутренние связи данного слова проявляются в эксперименте, – выявлять и объяснять связи слов, входящих в разные семантические группы, относительно соответствующих групп людей, а также выявлять закономерности изменения этих связей при изменении внешних и внутренних факторов;

2) по тому, каковы связи данной формы с другими, – выявлять ее значение, характер ее связей с предметом и ситуацией, степень и характер выражаемого ею личностно-эмоционального переживания;

3) по тому, как изменяются связи данной формы в зависимости от внешних и внутренних факторов, – выявлять изменение ее значения, изменение ее связей с предметом и ситуацией, изменение степени и характера выражаемого ею личностно-эмоционального переживания;

4) проверять (а не только подтверждать!) данные теории ЯС данными других наук и направлений, в первую очередь психологии.

Как и комплекс сформулированных выше методологических принципов, комплекс задач общей теории ЯС тоже открыт для последующего внесения в него поправок при появлении новых эмпирических данных.

Сформулированные в статье методологические предпосылки, необходимые для теории ЯС, и сами общие ее положения могут заставить переосмыслить некоторые (или даже многие) привычные понятия, превращая их из абсолютных в относительные. Так, на наш взгляд, само понятие «языковое сознание» предстает именно в качестве относительного: такого явления, как «языковое сознание вообще», не существует, о нем необходимо говорить только относительно некоторой группы носителей данного языка. Кроме того, ЯС как научное понятие, будучи абстракцией, вообще не обладает никакой онтологией, кроме чисто научной – той, которой она наделена в рамках науки о языке. ЯС непознаваема непосредственно и чувственно, ее не найти в самом языковом материале, подвергающемся изучению; ЯС есть определенные взаимозависимости разных характеристик эмпирического материала, регулярно в нем проявляющиеся и абстрагируемые из него теорией. Такой же абстракцией, как уже упоминалось, является понятие «лингвокультура».

Другой важный вывод состоит в том, что носителем языковых изменений является не сама словоформа, а те внутренние и внешние процессы, в которые она вовлечена. Значение слова определяется ими, а не информацией, которую оно переносит от человека к человеку. Понятие «значение» вообще не может быть сведено к информации, содержащейся в знаке. Семантические свойства слова не имманентны ни ему самому, ни психическим свойствам носителей языка; они обусловлены характером взаимодействия внутреннего и внешнего – общностью опыта людей и общностью осмысления данного слова этими людьми, причем эта общность не абсолютна, а относительна. И значение, и смысл всегда присущи слову, различие между ними не имеет принципиального характера (так как граница между ними размыта) и обусловлено особенностями самого континуума языковых явлений. Изменения в словах и вообще язык следует описывать не через понятия, относящиеся к характеристикам самих слов, а через понятия, относящиеся к характеристикам процессов, в которые вовлечены слова.

Характеристики языка как достояния человека, фиксируемые в понятии ЯС, не заложены в словах, они возникают, воссоздаются в каждом акте использования языка в пространстве и во времени взаимодействия между словом, предметом, эмоцией (точнее: человеческим словом, человеческим предметом и человеческой эмоцией). Эти характеристики не в индивидуальном сознании человека, а между его аффективно переживающей мир личностью и его же деятельностью, с одной стороны, и миром, на который деятельность и переживание направлены, с другой. Коротко: характеристики языка, фиксируемые в ЯС, не расположены в сознании человека, а возникают **между взаимодействующими человеком и миром**.

Изменения связей внутри образов сознания и изменения их отражения в эмпирическом материале носят уникальный и вместе с тем системный характер. С одной стороны, изменение внешних (а следовательно, и внутренних) факторов жизни слова происходит всегда системно, меняется вся система связей между компонентами образа. С другой стороны, такие изменения уникальны для каждого слова, любое слово по-своему отражает компоненты образа сознания. Отсюда вывод: существенные закономерности изменения связей одного слова в ментальных лексиконах группы людей в зависимости от внешних и внутренних факторов и отношения индивидов к этим факторам могут не находить своего выражения или находить лишь косвенное выражение в другом слове, сколь бы близким по значению оно ни было к первому, или в другой группе людей.

Выше не приводилось определения собственно ЯС. Это сделано умышленно, поскольку мы полагаем, что исследования ЯС должны не исходить как из постулата из некоторого общего определения, выработанного посредством теоретизирования, а **прийти** к такому определению посредством анализа конкретных языковых фактов с возможностью последующего

его пересмотра в свете новых фактов. Эмпирический материал должен рассматриваться таким образом, чтобы ЯС предстало как своего рода производная от внешних и внутренних факторов, влияющих на значения и смыслы слов. Тогда в ЯС как понятии теории будет фиксироваться то, каким образом внутренние (эмоции, ценности и т. п.) и внешние (возраст, профессия и т. п.) условия функционирования языка как достояния человека связаны с движением языка, с изменением значений и смыслов слова и его связей с другими словами.

Список литературы

Василюк Ф. Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5–19.

Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.

Иноземцева Л. П. Отражение корпоративной культуры преподавателей вуза в языковом сознании носителей русской культуры: Дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2012. 208 с.

Малевинский С. О. Семантические поля порока и добродетели в языковом сознании современной студенческой молодежи: Дис. … д-ра филол. наук. Краснодар, 2006. 207 с.

Прокофьева Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты: Дис. … д-ра филол. наук. Саратов, 2008. 442 с.

Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.

Стефанский Е. Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и современном языковом сознании: на материале русского, польского и чешского языков: Дис. … д-ра филол. наук. Самара, 2009. 385 с.

Уфимцева Н. В., *Тарасов Е. Ф.* Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 18–25.

Шаманова М. В. Коммуникативная категория в языковом сознании (на материале категории «общение»): Дис. … д-ра филол. наук. Воронеж, 2009. 534 с.

Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.

Яковлев А. А., *Манхирова В. В.*, *Случаева Е. К.* Репрезентация наименований некоторых профессий в языковом сознании русскоязычных студентов // Слово и текст: психолингвистический подход. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. Вып. 15. С. 102–108.

Яковлев А. А., *Елизарова* (*Телешева*) *С. В.* Некоторые особенности языкового сознания студента: данные ассоциативного эксперимента // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, № 4. С. 27–38.

Яковлев А. А. Терминологическая репрезентация научной картины мира в языковом сознании студента // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 62–68.

Яковлев А. А. Модальность и эмоции в вербализации образов преподавателя и студента // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 3. С. 5–20.

Материал поступил в редколлегию 27.05.2018

Andrey A. Yakovlev

Siberian Federal University
82a Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

mr.koloboque@rambler.ru

LINGUISTIC BASIS FOR THE GENERAL THEORY OF THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

The paper discusses the theoretical and methodological prerequisites for the creation of a general theory of linguistic consciousness, including a set of experiments capable of testing it and possibly of verifying the validity of some of its points. The main idea of such a theory of linguistic consciousness is a parallel and interconnected analysis of external (social) and internal (personal) factors in their way to impact language which must be viewed from the anthropocentric perspective. A general theory of linguistic consciousness should incorporate: 1. a theory of language as an individual phenomenon, as a group one and as an abstract scientific semiotic system; 2. universal methods of describing any aspects and forms of existence of an object; 3. principles from which the phenomenological properties of the object and the methodological characteristics of the theory are deduced. The provisions of the theory and the underlying experimental research will allow us to determine how the internal (emotions, values, etc.) and external (age, profession, etc.) conditions will cause changes of the word meanings and of their interconnections.

Keywords: linguistic consciousness, anthropocentric linguistics, psycholinguistics, meaning, sense.

References

Goroshko E. I. Jazykovoe soznanie: Associativnaja paradigma [Linguistic consciousness: associative paradigm]. Thesis … Doctor of Linguistics. Moscow, 2001, 287 p. (in Russ.)

Inozemtseva L. P. Otrazhenie korporativnoj kul'tury prepodavatelej vuza v yazykovom soznanii nositelej russkoj kul'tury [Reflection of the University corporate culture in the linguistic consciousness of Russians]. Thesis … Doctor of Linguistics. Cheljabinsk, 2012, 208 p. (in Russ.)

Malevinskij S. O. Semanticheskie polya poroka i dobrodeteli v yazykovom soznanii sovremennoj studencheskoj molodyozhi [Semantic fields of vice and virtue in the linguistic consciousness of modern students]. Thesis … Doctor of Linguistics. Krasnodar, 2006, 207 p. (in Russ.)

Prokof'eva L. P. Zvuko-tsvetovaya assotsiativnost' v yazykovom soznanii i khudozhestvennom tekste: universal'nyj, natsional'nyj, individual'nyj aspekty [Colour-sound associations in the linguistic consciousness and literary text]. Thesis … Doctor of Linguistics. Saratov, 2008, 442 p. (in Russ.)

Rubinshtejn S. L. Bytie i soznanie [Being and consciousness]. St. Petersburg, Piter, 2012, 288 p. (in Russ.)

Shamanova M. V. Kommunikativnaya kategoriya v yazykovom soznanii (na materiale kategorii «obshhenie») [Communicative category in the linguistic consciousness (on the material of category "communication")]. Thesis … Doctor of Linguistics. Voronezh, 2009, 534 p. (in Russ.)

Shcherba L. V. O troyakom aspekte yazykovykh yavlenij i ob eksperimente v yazykoznanii [On threefold aspect of language phenomena]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [*Linguistic activity and speech activity*]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 432 p. (in Russ.)

Stefanskij E. E. Kontseptualizatsiya negativnykh emotsij v mifologicheskom i sovremennom yazykovom soznanii: na materiale russkogo, pol'skogo i cheshskogo yazykov [Conceptualisation of the negative emotions in mythological and modern linguistic consciousness]. Thesis … Doctor of Linguistics. Samara, 2009, 385 p. (in Russ.)

Ufimtseva N. V., Tarasov E. F. Problemy izucheniya yazykovogo soznaniya [Problems of the linguistic consciousness research]. *Voprosy psikholingvistiki* [*Journal of Psycholinguistics*], 2009, no. 10, p. 18–25. (in Russ.)

Vasilyuk F. E. Struktura obraza [Image structure]. *Voprosy psikhologii* [*Questions of Psychology*], 1993, no. 5, p. 5–19. (in Russ.)

Yakovlev A. A. Modalnost' i emotsii pri verbasizatsii obrasov prepodavatelya i studenta [Modality and Emotions in the Verbalization of the Images of a Teacher and a Student]. *Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta* [*Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*], 2017, vol. 15, no. 3, p. 35–43. (in Russ.)

Yakovlev A. A., Elizarova (Telesheva) S. V. Nekotorye osobennosti yazykovogo soznaniya studenta: dannye assotsiativnogo eksperimenta [Some aspects of stdents' language consciousness: associative experiment]. *Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta* [*Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*], 2016, vol. 14, no. 4, p. 27–38. (in Russ.)

Yakovlev A. A. Terminologicheskaya reprezentatsiya nauchnoy kartiny mira v yazykovom soznanii studenta [Scientific worldview through the linguistic terms in the student's mental lexicon]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [*Questions of Cognitive Linguistics*], 2016, no. 3, p. 62–68. (in Russ.)

Yakovlev A. A., Mankhirova V. V., Sluchaeva E. K. Reprezentatsiya naimenovanij nekotorykh professij v yazykovom soznanii russkoyazychnykh studentov [Representation of certain profession names in the language consciousness of the Russian students]. *Slovo i tekst: psikholingvisticheskij podkhod* [*Word and text: psycholinguistic approach*]. Tver', Tver. gos. un-t, 2015, no. 15, p. 102–108. (in Russ.)

Zalevskaya A. A. Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy [Psycholinguistic researches. Word, text: Selected works]. Moscow, Gnozis, 2005, 543 p. (in Russ.)

Zalevskaya A. A. Znachenie slova cherez prizmu eksperimenta [Word meaning through the experiment prism]. Monograph. Tver', Tver. gos. un-t, 2011, 240 p. (in Russ.)

For citation:

Yakovlev Andrey A. Linguistic Basis for the General Theory of the Linguistic Consciousness. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 45–55. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-45-55

УДК 811.512.156
DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-56-66

Ч. С. Цыбенова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия

tschechek@mail.ru

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ *

Рассматривается психолингвистический аспект исследования языковой ситуации. Основным исследуемым объектом является понятие языкового сознания, которое анализируется как один из лингвокультурных параметров языковой ситуации. На примере образов языкового сознания тувинцев-билингвов изложена процедура исследования, которая включает анализ полученных фрагментов с формально-структурной и концептуально-семантической стороны.

Ключевые слова: языковое сознание, языковая ситуация, объективные и субъективные факторы, тувинский язык.

В социолингвистике исследование социально-коммуникативной системы предполагает прежде всего анализ функционирования языков, обслуживающих данное этноязыковое сообщество. Синхронный срез их функционального состояния обозначается термином «языковая ситуация». При исследовании языковой ситуации обычно учитывают этнодемографическую и социальную структуру общества, распределение общественных функций взаимодействующих языков, языковую компетенцию носителей языка, характер распространения различных типов двуязычия и др.

Как основополагающее научное понятие языковая ситуация представляет собой многоаспектное явление. Традиционно ее исследование проводится в русле социолингвистической парадигмы и представляет совокупный анализ составляющих его компонентов во взаимосвязи с объективными факторами. Вместе с тем при исследовании языковой ситуации необходимо учитывать и субъективные факторы функционирования языков.

Четкого разграничения между данными факторами не существует. К объективным факторам исследователи относят: этнокультурные, социально-исторические, демографические, экономические и другие условия развития языковой жизни, а к субъективным – ценностные ориентации носителей языка, его привязанность к своей культуре и языку, желание расширить социальные функции своего родного языка, степень национальной терпимости, уровень интернационального воспитания [Дырхеева, 2002. С. 59].

Принципы и приемы исследования объективных факторов на сегодняшний день считаются достаточно разработанными, тогда как субъективные факторы являются менее изучеными, и их анализ вызывает определенные затруднения. С развитием антропоцентрической па-

* Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России XII.193.1.5. Ментальность монгольских народов в зеркале языка, номер госрегистрации АААА-А17-117021310266-8 («Mentality of the Mongolian peoples in the mirror of language»).

Цыбенова Ч. С. Языковое сознание в контексте исследования языковой ситуации // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 56–66.

© Ч. С. Цыбенова, 2018

радигмы, в рамках которой развивается современная лингвистика, исследователи все чаще стали обращать внимание на особенности речевого поведения носителей языка, их языковые стереотипы, языковое сознание и т. п. О возросшем интересе к субъективным факторам пишет также А. Н. Биткеева: «Если ранее при изучении этноязыковых процессов исследователи уделяли внимание лишь социально-историческим и культурным проблемам, то характерной чертой исследований последних десятилетий стали такие параметры, как языковые предпочтения этноса, ценностные ориентации и т. д. … языковой признак занимает ведущее место в субъективной оценке этнообъединительных и этноразделительных функций» [2016. С. 149].

Условно субъективные факторы следует относить к оценочным признакам языковой ситуации. Необходимость исследования оценочных признаков отмечается многими исследователями. Так, Л. Л. Аюпова и Э. А. Салихова полагают, что подобный анализ необходим для выяснения отношения индивидов или социума к статусу языка или языков, их экстенсивному и интенсивному, реальному и потенциальному функционированию, вопросам языкового строительства, языковым конфликтам и языковой экспансии, проблемам билингвизма и многоязычия [2007. С. 17].

Как указывают бурятские исследователи, традиционный анализ внешних детерминирующих факторов имеет ограниченные эвристические и экспланаторные возможности. Поэтому одновременно с ними следует рассматривать и внутренние, психолингвистические факторы, способствующие выявлению условий и механизмов сохранения или исчезновения малых языков [Дашинимаева и др., 2010. С. 12].

В советский период развития социолингвистики одним из первых на субъективные признаки языковой ситуации указывал А. Д. Швейцер. Развивая идеи своих предшественников, он выделял, что в определение языковой ситуации следует включить указание и на ее субъективный аспект, который рассматривает ценностные ориентации членов языкового коллектива [2009. С. 133].

В свете антропоцентрической парадигмы, развивающейся в рамках современной лингвистики, положение А. Д. Швейцера о социальном престиже языка, который «отражает установки коллектива в отношении языка и лежащую в основе этих установок ценностную ориентацию» [Там же. С. 143–144], для своего времени следует считать передовым.

В отечественном языкознании под оценочными (аксиологическими) параметрами исследования языковой ситуации понимают внешние и внутренние оценки идиом, т. е. «оценки языка носителями других языков и исконными носителями в плане его коммуникативной пригодности, эстетичности, культурной престижности и т. д.» [ЛЭС, 1990. С. 617]. Совокупность же внутренних оценок отражает степень «языковой лояльности» данного языкового сообщества, т. е. степень его приверженности к родному языку [Там же].

На данном этапе развития социолингвистики очевидно, что круг оценочных признаков изучения языковой ситуации следует рассматривать немного шире и включать не только языковую лояльность, авто- и гетеростереотипы носителей языка по отношению к различным идиомам, но и остальные лингвокультурные параметры.

Как оценочный или лингвокультурный параметр языковой ситуации следует рассматривать и образы языкового сознания. Образы языкового сознания сегодня широко изучаются на примере многих малых национальных языков Сибири (см. [Дырхеева, 2002; Журавель, 2015; Иванова, 2012] и др.). Например, Г. А. Дырхеева изучает образы языкового сознания бурят-билингвов с конца 1980-х – начала 1990-х гг. Собранный ею материал позволяет проводить сравнительные исследования, отслеживать изменения в уровне стереотипности реакций, выявлять силу влияния национального языкового кода и т. д. [Дырхеева, 2002; Дашинимаева и др., 2010. С. 98–116].

Подробную методику исследования этнического языкового сознания на материале современного калмыцкого языка предлагают В. Н. и В. И. Мушаевы. Экспериментальное исследование этноязыковых стереотипов калмыцкого и русского языкового сознания авторы проводят с опорой на свободный ассоциативный эксперимент. Они поднимают ряд проблем, связанных с отбором материала, формированием словника, адекватностью перевода и интерпретацией полученных ассоциативных полей [Мушаев, Мушаева, 2016].

В современной лингвистике термин «языковое сознание», как правило, используется в психолингвистических исследованиях. Изучение особенностей языкового сознания, в частности его культурной и национальной обусловленности, в целом является не только актуальным, но и достаточно сложным. Поэтому единого толкования термина «языковое сознание» в психолингвистике нет. Наиболее распространены следующие точки зрения.

Согласно концепции Московской психолингвистической школы под языковым сознанием принято понимать совокупность образов сознания овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей [Тарасов, 2000. С. 26]. Образы языкового сознания также могут быть доступны для стороннего наблюдателя через предметы и действия [Тарасов, 1996. С. 17].

Г. В. Ейгер предлагает определение языкового сознания как одного из видов обыденного сознания, которое является «механизмом управления речевой деятельностью. Языковое сознание формирует, хранит и преобразует языковые знаки, правила их сочетания и употребления, а также взгляды и установки на язык и его элементы» (цит. по: [Нечаева, 2010. С. 98]).

А. А. Леонтьев понимает под языковым сознанием совокупность структур сознания, в формировании которых были использованы социальные знания, связанные с языковыми знаками (цит. по: [Уфимцева, 2003. С. 103]). Он также указывает, что определение «языковой» приводит в заблуждение многих исследователей, и утверждает, что к языку как традиционному предмету лингвистики этот эпитет прямого отношения не имеет [Леонтьев, 1993. С. 17].

Мнение А. А. Леонтьева разделяют и другие исследователи. Например, З. Д. Попова и И. А. Стернин, рассматривая определение представителей Московской психолингвистической школы, указывают, что в этом определении совмещены два аспекта – формирование сознания и его овнешнение, которые представляют собой не одно и то же. Они пишут: «Сознание в онтогенезе и филогенезе формируется при участии языка, знаки которого служат материальными опорами обобщения в процессе образования концептов в сознании, однако само сознание… в языке для функционирования не нуждается. Что касается овнешнения сознания языком, то это бесспорный факт, делающий сознание доступным для наблюдения и обеспечивающий саму возможность обмена информацией в обществе, не может свидетельствовать о наличии некоторого особого языкового сознания – овнешняется просто “сознание”, которое не приобретает при этом какого-либо особого “языкового” статуса» [Попова, Стернин, 2002. С. 19].

Таким образом, З. Д. Попова и И. А. Стернин предлагают более узкий, психологический подход к сущности понятия «языковое сознание», под которым предлагают понимать совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании [Там же. С. 20], т. е. психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека.

Поэтому многие исследователи выделяют психологический и лингвистический подходы к понятию «языковое сознание». Так, Е. Ф. Нечаева отмечает, что различные трактовки языкового сознания не взаимоисключают друг друга, «они лишь демонстрируют взгляд на проблему с различных сторон: психологической и лингвистической» [2010. С. 99]. По мнению И. В. Приваловой, «это различный взгляд на природу взаимопереходного соотношения суперзнаковой и знаковой сущностей в отражательных процессах» [2009. С. 114].

Вместе с тем большинством исследователей признается национально-культурная обусловленность языкового сознания. Так, в одном из первых определений написано: «Сознание языковое – особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившее его психическое своеобразие и отразившееся в специфических чертах данного языка» [Ахманова, 1966. С. 188].

Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности рассматривает Н. В. Уфимцева. По ее мнению, «культурное развитие сознания начинается с момента рождения ребенка и совершается не по биологическим законам, а под действием системы обучения, исторически и культурно обусловленной» [2003. С. 102]. Она полагает, что полученный с помощью ассоциативного эксперимента ассоциативный тезаурус является моделью сознания и представляет собой набор правил, необходимых для оперирования знаниями опреде-

ленной культуры. Исследователь также отмечает, что образы языкового сознания – это не только средство познания чужой культуры, но и средство познания своей культуры [Там же. С. 103].

Этнолингвокультурную особенность языкового сознания выделяет и И. В. Привалова. Она полагает, что язык и культуру можно рассматривать как взаимокомпенсаторные единства, которые не могут существовать каждый по отдельности. Поэтому язык отражает образ жизни, менталитет, национальный характер, культурные установки и ценности народа. Исследователь пишет: «Язык, сознание, культура и этнос находятся в детерминационной зависимости и образуют этнолингвокультурное сознание – единое целое, где одно не может существовать без другого. Язык и культура – это формы сознания языковой личности, принадлежащей определенному этническому сообществу, где находит отображение национальный образ мира» [2009. С. 116–117].

Таким образом, как сложное и многоаспектное явление языковое сознание может рассматриваться во многих ракурсах. Его национальная и, шире, этносоциокультурная предопределенность позволяет исследовать его и в контексте социолингвистики, в частности как ценностный, лингвокультурный параметр языковой ситуации.

Анализ образов языкового сознания как одного из лингвокультурных компонентов языковой ситуации был предпринят нами и в рамках социопсихолингвистического исследования языковой ситуации в Республике Тыва, проведенного в 2009–2010 гг. Ассоциативный эксперимент был включен в качестве одного из заданий в комплексный опросник из 27 вопросов. Основной целью эксперимента было получение и соотнесение «русского» и «тувинского» ассоциативных полей, а также изучение этих массивов в корреляции с уровнем языковой компетенции. Предполагалось, что такой анализ позволит проследить опосредованную картину взаимодействия и взаимовлияния тувинского (родного) и русского (второго) языков на когнитивном уровне и в определенной степени поможет раскрыть степень сформированности у тувинцев билингвального языкового сознания.

Необходимо отметить, что массовый ассоциативный эксперимент на основе выработанного списка слов-стимулов на тувинском материале еще не проводился, нет ассоциативного словаря тувинского языка. Данные, полученные в ходе нашего исследования, представляют собой первый опыт получения и интерпретации материалов. Учитывая то, что эксперимент в указанном исследовании был направлен прежде всего на получение общих представлений о языковой картине мира, о языковом сознании тувинцев, был составлен список из 51 слова-стимула. С целью дальнейшего сопоставления и сравнения данных стимулов в список были включены знаменательные слова разных частей речи (имена существительные, прилагательные, числительные, глаголы), относящиеся к различным тематическим группам (цветообозначение, стороны света, животные, числа, объекты природы, родной очаг, абстрактные явления, человек, виды деятельности, сакральные объекты, традиционные занятия).

Таким образом, исходя из общей цели комплексного исследования, было обработано по 100 анкет на тувинском и русском языках независимо от половозрастных и социальных характеристик респондентов (всего 200 анкет), так как предполагается, что принадлежность к определенному языку, народу, одной культуре делает центр ассоциативного поля достаточно стабильным, а связи – регулярно повторяющимися [Швец, 2005. С. 13]. В итоге по всему массиву получено 3 664 разных реакций, из них на русском – 2 154, на тувинском – 1 510.

Далее обработанные ассоциативные поля были проанализированы по формально-структурному и концептуально-семантическому параметрам. Формально-структурная оценка проводилась по следующим критериям: стратегии ассоциирования, уровень стереотипности и частотность реакций. Концептуально-семантический анализ предполагал изучение семантического объема ассоциативных пар, их соответствие культурным константам, выявление в них национально-культурной информации. Были сделаны следующие выводы.

По типам ассоциативных связей реакции были распределены согласно общепринятой классификации на контрастивные (реакции, основанные на противопоставлении по какому-либо признаку), координированные (реакции, основанные на сходстве по какому-либо признаку), синтагматические (реакции, основанные на соположении элементов, построении минимального контекста) и смежные (реакции, основанные на ситуативной смежности объ-

ектов) [Завьялова, 2001. С. 65]. Кроме этого, материал исследования показал необходимость выделения межъязыковых реакций, определяемых как переводные эквиваленты в ассоциациях [Лещенко, 2006. С. 54].

Обработка полученного массива показала незначительную разницу между ответами-реакциями в русском и тувинском полях (табл. 1).

Таблица 1

Доля реакций по типам ассоциативных связей, %

Тип связи	По-русски	По-тувински
Синтагматические	42,0	56,2
Координированные	22,1	23,9
Смежные	28,7	16,9
Контрастивные	2,6	2,0
Межъязыковые	3,5	0
Нулевые	1,0	1,1

Наибольшую долю составили синтагматические отношения (*конь* → красивый, *три* → поросенка; *ногаан* ‘зеленый’ → *сиген* ‘трава’, *ак* ‘белый’ → *сүт* ‘молоко’), наименьшую – контрастивные (*ак* ‘белый’ → *кара* ‘черный’, *ай* ‘луна’ → *хүн* ‘солнце’). При этом несколько иная картина наблюдается при координированном и смежном типах связи: в русском материале на втором месте по количеству ассоциаций по смежности (*конь* → скакун, *отара* → бараны), а в тувинском – координированные (*тайга* ‘тайга’ → *арга* ‘лес’, *чодураа* ‘черемуха’ → *кат* ‘ягода / плоды’). Отсюда можно предположить, что русским (вторым) языком как кодом тувинцы-билингвы владеют хорошо.

Особо следует выделить межъязыковые реакции, которые в русском массиве встречаются вдвое больше: 76 реакций на тувинском языке с общей частотностью 98. Данные слова-реакции в основном представляют тувинский перевод русского слова-стимула: *лама* → *башкы* ‘учитель’, *шаман* → *хам* ‘шаман’. С одной стороны, можно предположить, что высокая доля переводных эквивалентов связана с недостаточно высоким уровнем владения русским языком тувинцами-билингвами. С другой стороны, специалисты считают, что наличие переводных эквивалентов в ассоциациях показывает взаимовлияние языков в сознании билингвов [Завьялова, 2001. С. 65]. Поэтому наличие межъязыковых реакций, вероятнее всего, объясняется влиянием тувинского (родного) языка, которым, согласно социолингвистической части опросника, респонденты владеют намного лучше, чем русским.

При обработке результатов также были учтены нулевые реакции, т. е. реакции-отказы. В частотных реакциях данный тип связи преобладает в тувинском массиве (30 реакций). Анализ по всему массиву показал, что нулевые реакции в основном единичны или малочастотны, но чаще встречаются со стимулами, относящимися к традиционным видам деятельности и культуре тувинцев (например: *чылгы* ‘табун’, *аът* ‘конь’, *өг* ‘юрта’, *сүрүг* ‘отара’, *эът* ‘мясо’, *хөөмей* ‘горловое пение’), а также к абстрактным именам существительным (например: *хосталга* ‘свобода’, *чүдүлге* ‘религия’, *хүндүткел* ‘уважение’, *чурттал*га ‘жизнь’, *үе* ‘время’, *биче сеткил* ‘милосердие’).

Очевидно, это можно объяснить образом жизни современных тувинцев, которые всё больше отходят от традиционных видов хозяйствования, и спецификой самих стимулов. Например, на абстрактные имена в условиях эксперимента, возможно, не сразу удается реагировать, поскольку абстракция представляет собой более сложный когнитивный процесс, для вербализации которого необходимы сознательные усилия, следовательно, больше времени.

Другим важным показателем для выявления особенностей языкового сознания является уровень стереотипности реакций, который вычисляется по формуле: $R = N/\Sigma$, где N – число разных реакций, а Σ – общее количество реакций на данное слово-стимул. Считается, что чем меньше значение R, тем выше уровень стереотипности реакций на данное слово [Уфимцева, 1983. С. 151].

По данному показателю выявлено, что в сознании респондентов русские и тувинские образы актуализируются достаточно дифференцированно. Однако образы универсальных объектов природы, непреходящих человеческих ценностей совпадают или имеют незначительные расхождения: *небо* / *дээр* – ср. 0,25 и 0,22 (на русском и тувинском языках соответственно); *солнце* / *хүн* – ср. 0,3 и 0,33; *родина* / *төрээн чурт* – ср. 0,35 и 0,36. Отмечено, что расхождения могут быть связаны и с особенностями структуры языка. Например, стимулы *ада* ‘отец, папа’ (0,26) и *отец* (0,54) достаточно отдалены друг от друга. В данном случае реакции на тувинском языке были выражены парными словами: *ада-ие* ‘родители’, *ада-өгбе* ‘предки’, *ада-чурт* ‘родина’. Эти данные в определенной степени указывают на то, что ядро языкового сознания респондентов на тувинском языке стабильное и упорядоченное, а на русском неустойчивое и динамичное. Динамичность «русского» языкового сознания, вероятно, свидетельствует о том, что процесс освоения русского языка как кода у тувинцев не закончен, а активно продолжается.

Распределение реакций по частотности выявило следующие особенности: 1) ядро большинства тувинских полей высокочастотно, т. е. стандартно, стереотипно для подавляющего большинства респондентов; 2) наибольшее число единичных, периферийных реакций содержится в ассоциативных полях на русском языке; 3) по содержательному наполнению поля на русском языке за счет малочастотных и единичных реакций разнообразнее, а тувинские более однообразные.

Так, на примере ассоциативного поля «Семь / Чеди» можно проследить неоднородность ядерного и периферийного слоев сопоставляемых массивов на русском и тувинском языках (табл. 2).

Таблица 2

Содержание ассоциативного поля «Семь / Чеди»

Поле	На русском языке	Поле	На тувинском языке
Семь (40)	(Счастливое, священное) число (18); дней, цветов радуги / радуга (7); восемь (6); гномов / гномиков, удача (5); цифра, дни недели / неделя (4); сердец, звезд, раз отмерь / раз отрежь (3); чудес, козлят, человек, лет, богатырей, Чеди-Хаан сылдыс ‘*Большая Медведица*’ (2)	Чеди (17)	Хаан сылдыс ‘*Большая Медведица*’ (56); сан ‘*число*’ (13); сылдыс ‘*звезда*’ (8); чүзүн ‘*мастей* / *пород* / *разновидностей*’ зд. о видах скота (4); Хөл ‘*Чеди-Холь*’ зд. лимноним (3); сес ‘*восемь*’, өң ‘*цвет*’, меге ‘*хитростей*’, чедиишкин ‘*успех*’, челээш ‘*радуга*’ (2)
	Ответ, детей, братьев, утро, пекарей, тысяч, жизней, сказка, счастье, цветов, королей, медведица, дед, верст, друзей, единиц, пескарей, духи, семья, седьмой отряд, мечей три		Эртине ‘*драгоценность*’, чудес света, паш ‘*котел*’, хонук ‘*дней*’, неделя ‘*неделя*’, алышкы ‘*братьев*’

Как видим, разных реакций на русском языке $N_Р$ получено 40, на тувинском $N_Т$ – 17. Самая частотная реакция (R_{max}) для стимула на тувинском языке – 56, на русском – 18. В данном случае 56 из 100 респондентов ассоциировали стимул *чеди* ‘семь’ с реакцией *Хаан сылдыс* ‘Большая Медведица’. Отметим, что образ, связанный с созвездием Большой Медведицы, носит сакральный характер и встречается в мифологии и устном народном творчестве у многих народов.

По всему массиву на долю подобных полей, где разных реакций на тувинском языке получено мало ($N_Т < N_Р$), но по частотности реакции, составляющие ядро поля, полновеснее русских ($R_{maxТ} > R_{maxР}$), приходится около 70 %. По мнению И. Г. Овчинниковой, ассоциации, регулярно возникающие у многих индивидов, рассматриваются как стандартные или стереотипные. Стереотипные ассоциативные связи представляют собой «способ закрепления (автоматизации) прошлого опыта – как речевого, так и когнитивного. Непроизвольность стереотипных ассоциаций отражает сформированный автоматизм установления связи» [Овчинни-

кова, 2002. С. 16–17]. Кроме того, стереотипные ассоциации можно рассматривать в качестве критерия сформированности как когнитивной деятельности, так и критерия инерционности мышления [Там же. С. 17]. Такие показатели, как уровень языковой лояльности тувинцев (по итогам Переписи 2002 г. – 98,5 %), уровень их языковой компетенции (по итогам нашего исследования – 97,8 %), упорядоченность, стабильность, высокочастотность ассоциативных полей на тувинском языке также свидетельствуют, что тувинский (родной) язык как код закреплен лучше, чем русский.

Для концептуально-семантического анализа полученных ассоциативных полей была отобрана лексико-семантическая группа цветообозначений (*белый* / *ак*, *черный* / *кара*, *желтый* / *сарыг*, *зеленый* / *ногаан*, *голубой* / *ак-көк*, *красный* / *кызыл*). Всего на стимулы-цветообозначения получено 407 разных реакций: 247 на русском языке, 160 на тувинском. Анализ семантического содержания позволил выявить некоторые универсальные и специфические стороны цветообозначений.

Так, универсальными следует назвать:

1) суперординатные реакции. По мнению А. А. Залевской, они возникают тогда, когда испытуемые идентифицируют значение исходного слова через подведение его под более общее понятие [1988. С. 38–40]. В частности, выделяется реакция *цвет* / *өң*: *кара* ‘черный’ → *өң* ‘цвет’, *желтый* → цвет и др.;

2) реакции, связанные с универсальностью цветовых сигналов (*черный* / *кара*, *красный* / *кызыл*). Как указывает Ф. Н. Новиков, специфика восприятия цвета помимо культурного кода может отражать безусловную психическую реакцию человека [Новиков, 2011. С. 68]. Например: *черный* → ночь, мрак, темно / темнота, тьма; *красный* → кровь, огонь, страх, нельзя, стоп, тревога; *кара* ‘черный’ → *дүн* ‘ночь’, *дүмбей* ‘тьма’; *кызыл* ‘красный’ → *от* ‘огонь’, *өрт* ‘пожар’, *демисел* ‘борьба’ и др.;

3) прототипические реакции (по А. Вежбицкой), которые представляют собой явления живой и неживой природы, окружавшей человека с самого начала его культурно-исторического развития, и составляют ядро семантического пространства цвета, которые в разных культурах содержат схожие значения (см. [Кудрина, Мещеряков, 2011. С. 6–7]). В нашем эксперименте это: *небо* / *дээр*, *река* / *хем*, *солнце* / *хүн*, *лес* / *арга*, *растения* / *оът*, *трава* / *сиген*, *ночь* / *дүн*, *свет* / *чырык*. Во всех указанных случаях адекватное отражение семантического содержания реакций на тувинском и русском языках рассматривать как совпадение двух языковых систем в языковом сознании билингвов спорно.

При этом эксперимент также подтверждает, что языковое выражение и концептуализация образов во многом национально обусловлены. Так, исходные цветообозначения довольно часто актуализируют в сознании респондентов реакцию *кадак* / *шелковая лента*, которая встречается и в русском, и тувинском ассоциативных полях. *Кадак* представляет собой отрез шелковой ткани, похожий на шарф, предназначенный для специальных целей в буддийских ритуалах и обрядах, преподносится почетным гостям, людям в знак уважения, бывает разных цветов.

Эксперимент также подтверждает, что кроме культурной специфики на концептуализацию окружающей действительности влияет система родного языка билингва и его структурные особенности. Так, цветообозначения служат одним из средств словообразования тувинского языка, в частности антропонимов (*Сарыг-оол*, *Ногаан Дарийги*) и топонимов (*Ак-Туруг*, *Ак-Хем*, *Кара-Даг*, *Кара-Хаак*, *Сарыг-Сеп*, *Ногаан-Холь*, *Кызыл-Тайга*, *Кызыл-Арыг*, *Кызыл хоорай*). В условиях ассоциативного эксперимента появление данной лексической группы только в «тувинском» языковом сознании и ее отсутствие в «русском» является свидетельством того, что фактор специфики языка играет немаловажную роль.

Относительно проведенного исследования следует заключить, что билингвальное языковое сознание у тувинцев окончательно не сформировано. Результаты формально-структурного анализа говорят о том, что русский язык как код заложен и закреплен в речевых механизмах тувинцев-билингвов. Однако характер семантического наполнения ассоциативных полей на русском языке, их фрагментарность свидетельствуют, что экспликация концептов русской культуры затруднена и во многом зависит от индивидуального опыта респондента. Поэтому следует говорить о том, что процесс активного освоения русского языка тувинцами продолжается.

Исследование также демонстрирует, что константы родной культуры и образы, связанные с ним, у современных тувинцев пока устойчивы, традиционные этноязыковые стереотипы сохраняются. При этом на образы языкового сознания определенный отпечаток накладывают знания, полученные в ходе социализации индивида. Отметим, что эти знания пополняются и трансформируются в процессе межкультурного взаимодействия. Таким образом, языковое сознание как лингвокультурный параметр языковой ситуации позволяет проследить случаи смешения языков, выявить их системно-структурные особенности и языковые стереотипы этнического сознания. Наряду с результатами социолингвистического анализа образы языкового сознания представляют собой надежный источник для выявления уровня владения тем или иным языком, также является богатым материалом для изучения речемыслительной деятельности как индивидуального, так и коллективного бессознательного.

Список литературы

Аюпова Л. Л., *Салихова Э. А.* Роль языковой компетенции и ценностных ориентаций индивида при описании языковой ситуации // Вестн. ВЭГУ. 2007. № 29–30. С. 14–23.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.

Биткеева А. Н. Родной язык в контексте многонационального государства // Вестн. Калм. инст. гум. исслед. 2016. Вып. 5. С. 146–160.

Дашинимаева П. П., *Дырхеева Г. А.*, *Жалсанова Ж. Б.*, *Хилханова Э. В.* Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект: Монография. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 166 с.

Дырхеева Г. А. Бурятский язык в условиях двуязычия: проблемы функционирования и перспективы развития. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. 187 с.

Журавель Т. Н. Этноязыковая ситуация в Усинской долине Красноярского края: Дис. … канд. филол. наук / Сиб. федеральный ун-т. Красноярск, 2015. 171 с.

Завьялова М. В. Исследование речевых механизмов при билингвизме (на материале ассоциативного эксперимента с литовско-русскими билингвами) // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 60–85.

Залевская А. А. Некоторые проявления специфики языка и культуры испытуемых в материалах ассоциативных экспериментов // Этнопсихолингвистика. М., 1988. С. 34–48.

Иванова Н. И. Современное коммуникативное пространство русского языка в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект. Новосибирск: Наука, 2012. 130 с.

Кудрина А. В., *Мещеряков Б. Г.* Семантика цвета в разных культурах // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2011. № 1. URL: http://www.psyanima.ru (дата обращения 01.04.2016).

Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность / Ин-т языкознания РАН. М., 1993. С. 16–21.

Лещенко Е. Ю. Становление лексикона билингва (по данным ассоциативного эксперимента): Дис. … канд. филол. наук / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2006. 207 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.: ил.

Мушаев В. Н., *Мушаева В. И.* Исследование этнического языкового сознания и ассоциативный эксперимент (на материале калмыцкого языка) // Вестн. Калм. ин-та гум. исслед. 2016. Вып. 4. С. 68–74.

Нечаева Е. Ф. Что говорят о языковом сознании слова-паразиты (на материале русского и французского языков) // Вестн. ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 98–101.

Новиков Ф. Н. Кумулятивная функция цветообозначения как элемента культурного кода // Вестн. ЦМО МГУ. Серия: Культурология. 2011. № 2. С. 67–72.

Овчинникова И. Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности: Дис. … д-ра филол. наук / СПб. гос. ун-т. СПб., 2002. 382 с.

Попова З. Д., *Стернин И. А.* Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. С. 9–50.

Привалова И. В. Языковое сознание как этнокультурный феномен // Система языка и языковое мышление. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С. 113–119.

Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 1996. С. 7–22.

Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000.

Уфимцева Н. В. Опыт экспериментального исследования развития словесного значения // Психолингвистические проблемы семантики: Сб. науч. ст. / Под ред. А. А. Леонтьева, А. М. Шахнарович. М.: Наука, 1983. С. 140–180.

Уфимцева Н. В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 102–111.

Швейцер А. Д. Современная социолингвистика: теория, проблема, методы. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 176 с.

Швец А. В. «Наивное литературоведение» в лексиконе языковой личности: Автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2005. 20 с.

Материал поступил в редколлегию 30.03.2018

Chechek S. Tsybenova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
6 Sakhianova Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation

tschechek@mail.ru

LINGUISTIC CONSCIOUSNESS IN THE STUDY OF A LANGUAGE SITUATION

The article deals with the psycholinguistic aspect of the language situation. The main object of the article is the term «linguistic consciousness» considered as a linguocultural component of the language situation. The author analyses the specific features of linguistic consciousness of the modern bilingual Tuvans. Two levels of analysis are presented: structural and conceptual.

Keywords: linguistic consciousness, language situation, objective and subjective factors, the Tuvan language.

References

Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [A dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sov. entsiklopediya, 1966, 608 p. (in Russ.)

Ayupova L. L., Salikhova E. A. Rol' yazykovoj kompetentsii i tsennostnykh orientatsij individa pri opisanii yazykovoj situatsii [The role of personal language competence and valuable orientations for describing of a language situation]. *Vestnik VEGU*, 2007, no. 29–30, p. 14–23. (in Russ.)

Bitkeeva A. N. Rodnoj yazyk v kontekste mnogonatsional'nogo gosudarstva [Mother Tongue in the context of a polyethnic country]. *Vestnik Kalm. inst. gum. issled.*, 2016, iss. 5, p. 146–160. (in Russ.)

Dashinimaeva P. P., Dyrkheeva G. A., Zhalsanova Zh. B., Khilkhanova E. V. Buryatsko-russkij bilingvizm: psikholingvisticheskij aspect [The Buryat-Russian Bilingualism: psycholinguistic aspect]. Monograph. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2010, 166 p. (in Russ.)

Dyrkheeva G. A. Buryatskij yazyk v usloviyakh dvuyazychiya: problemy funktsionirovaniya i perspektivy razvitiya [The Buryat language in the bilingual conditions: problems of functioning and perspectives of development]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2002, 187 p. (in Russ.)

Ivanova N. I. Sovremennoe kommunikativnoe prostranstvo russkogo yazyka v Respublike Sakha (Yakutiya): sotsiopsiholingvisticheskij aspekt [Modern communicative area of the Russian language

in the Republic of Saha (Yakutiya): sociopsycholinguistic aspect]. Novosibirsk, Nauka, 2012, 130 p. (in Russ.)

Kudrina A. V., Meshcheryakov B. G. Semantika sveta v raznykh kul'turakh [The semantic of colours in different cultures]. *Psikhologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna»* [*Psychological journal of the international university of nature, society and people*], 2011, no. 1. URL: http://www.psyanima.ru. (in Russ.)

Leontiev A. A. Yazykovoe soznanie i obraz mira. *Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost'*. Moscow, Institute of Linguistics RAS, 1993, p. 16–21. (in Russ.)

Leshchenko E. Yu. Stanovlenie leksikona bilingva (po dannym assotsiativnogo eksperimenta) [A formation of bilinguals lexicon (on the data of associative experiment)]. Thesis … candidate of linguistics. Perm, 2006, 207 p. (in Russ.)

Lingvisticheskij entsiklopedicheskij slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow, Sov. entsiklopediya, 1990, 685 p.: ill. (in Russ.)

Mushaev V. N., Mushaeva V. I. Issledovanie etnicheskogo yazykovogo soznaniya i assotsiativnyj eksperiment (na materiale kalmytskogo yazyka) [A case study of ethnic linguistic consciousness and an associative experiment (evidence from the Kalmyk languages)]. *Vestn. Kalm. inst. gum. issled*., 2016, iss. 4, p. 68–74. (in Russ.)

Nechaeva E. F. Chto govoryat o yazykovom soznanii slova-parazity (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov) [What says about linguistic consciousness filler words (on the material of Russian and French)]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2010, no. 1, p. 98–101. (in Russ.)

Novikov F. N. Kumulyativnaya funktsiya svetooboznacheniya kak elementa kul'turnogo koda [Cumulative function of colour naming words as an element of cultural code]. *Vestnik CMO MGU. Seriya: Kul'turologiya*, 2011, no. 2, p. 67–72. (in Russ.)

Ovchinnikova I. G. Assotsiativnyj mekhanizm v rechemyslitel'noj deyatel'nosti [Associative mechanism in the speech and cognitive activity]. Thesis … doctor of linguistics. St. Petersburg, 2002, 382 p. (in Russ.)

Popova Z. D., Sternin I. A. Yazyk i soznanie: teoreticheskie razgranicheniya i ponyatijnyj apparat [Language and consciousness: theoretical differentiation and conceptual framework]. *Yazyk i nacional'noe soznanie. Voprosy teorii i metodologii* [*Language and national consciousness. Theoretical and methodological questions*]. Voronezh, VSU Press, 2002, p. 9–50. (in Russ.)

Privalova I. V. Yazykovoe soznanie kak ehtnokul'turnyj fenomen [Linguistic consciousness as ethnocultural phenomenon]. *Sistema yazyka i yazykovoe myshlenie* [*Language system and language thinking*]. Moscow, Librokom Publ., 2009, p. 113–119. (in Russ.)

Shvejtser A. D. Sovremennaya sotsiolingvistika: teoriya, problema, metody [Modern sociolinguistics: theory, problems, methods]. Moscow, Librokom Publ., 2009, 176 p. (in Russ.)

Shvets A. V. «Naivnoye literaturovedeniye» v leksikone yazykovoy lichnosti [«Naive study of literature» in the lexicon of a language personality]. Synopsis of the thesis … candidate of linguistics. St. Petersburg, 2005, 20 p. (in Russ.)

Tarasov E. F. Aktual'nye problemy analiza yazykovogo soznaniya [Actual problems of linguistic consciousness analyze]. *Yazykovoe soznanie i obraz mira* [*Linguistic consciousness and worlds image*]. Selected works. Ed. by N. V. Ufimtseva. Moscow, 2000. (in Russ.)

Tarasov E. F. Mezhkul'turnoe obshchenie – novaya ontologiya analiza yazykovogo soznaniya [Intercultural communication – a new ontology of linguistic consciousness analyze]. *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya* [Ethnocultural features of linguistic consciousness]. Selected works. Ed. by N. V. Ufimtseva. Moscow, 1996, p. 7–22. (in Russ.)

Ufimtseva N. V. Opyt eksperimental'nogo issledovaniya razvitiya slovesnogo znacheniya [The case of experimental study of the words meaning development]. *Psikholingvisticheskie problemy semantiki* [*Psycholinguistic problems of semantics*]. Selected works. Ed. by A. A. Leontiev, A. M. Shakhnarovich. Moscow, Nauka, 1983, p. 140–180. (in Russ.)

Ufimtseva N. V. Yazykovoe soznanie kak otobrazhenie etnosotsiokul'turnoj real'nosti [Linguistic consciousness as a display of ethnosociocultural realty]. *Voprosy psikholingvistiki*, 2003, no. 1, p. 102–111. (in Russ.)

Zalevskaya A. A. Nekotorye proyavleniya spetsifiki yazyka i kul'tury ispytuemykh v materiallakh assotsiativnykh eksperimentov [Some specific peculiarities of the examinee's language and

culture in the materials of associative experiments]. *Etnopsikholingvistika*. Moscow, 1988, p. 34–48. (in Russ.)

Zaviyalova M. V. Issledovanie rechevykh mekhanizmov pri bilingvizme (na materiale assotsiativnogo eksperimenta s litovsko-russkimi bilingvami) [The investigation of the bilingual speech mechanisms (on the case of associative experiment with the Lithuanian-Russian bilinguals)]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2001, no. 5, p. 60–85. (in Russ.)

Zhuravel T. N. Etnoyazykovaya situatsiya v Usinskoj doline Krasnoyarskogo kraya [Ethnolinguistic situation in Usinsk valley of the Krasnoyarsk region]. Thesis … candidate of linguistics. Krasnoyarsk, 2015, 171 p. (in Russ.)

For citation:

Tsybenova Chechek S. Linguistic Consciousness in the Study of a Language Situation. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 56–66. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-56-66

УДК 81 + 811.112. 2 (045)
DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-67-76

Е. В. Боднарук

Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова
Набережная Северной Двины, 17, Архангельск, 163002, Россия

e.bodnaruk@narfu.ru

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ИМПЕРАТИВА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Рассматривается императив, одно из наклонений, характеризующихся широким семантическим диапазоном и многообразием прагматических функций. Анализируется грамматический статус императива, состав его парадигмы, а также объясняется его категориальная принадлежность как к морфологии, так и к синтаксису. Выявляются и описываются основные компоненты его семантики и обусловленные ими ограничения в использовании императивных форм. Постулируется связь императивной семантики с областью будущего и обусловленная этой связью синонимия форм и конструкций, способных актуализировать значение побуждения к действию. Характеризуются основные речевые акты, в которых используются формы императива.

Ключевые слова: императив, наклонение, императивная парадигма, семантика и речевые акты с участием императива, немецкий язык.

Антропоцентризм современной лингвистической парадигмы акцентирует внимание исследователей на изучении человека как субъекта мысли и субъекта речи и, следовательно, помещает в центр рассмотрения его коммуникативное поведение. Одну из важнейших черт коммуникативного поведения человека составляет выражение побуждения к действию. Известно, что одним из главных выразителей побуждения является императив. В настоящей статье рассматриваются формальные характеристики императива в немецком языке, его семантика, а также прагматические функции в прямой речи немецкоязычного художественного дискурса.

Значимость императива в структурном плане определяется тем, что формы императива могут быть отнесены к языковым явлениям универсального характера, поскольку они представлены практически во всех языках мира [Храковский, Володин, 1986. С. 7; Плунгян, 2011. С. 437]. Более того, само зарождение языка могло начаться именно с императивных высказываний (см., например, [Якушин, 1984. С. 93, 133; Гусев, 2013. С. 11]).

Изучению императива посвящено довольно большое количество работ. Вместе с тем грамматический статус императива до сих пор остается предметом дискуссий.

Согласно традиционной точке зрения, императив является глагольным наклонением, наряду с индикативом и конъюнктивом. Впрочем, во второй половине XX в. начали появляться работы, в которых императив выводится из системы наклонений (см. [Thieroff, 1992. S. 10; Moskalskaja, 2004. С. 66] и др.). В. А. Жеребков, к примеру, считает, что время и наклонение как глагольные категории противопоставлены императиву, который не может формировать полноценную предикацию. Коммуникативно императив скорее включается в противопоставление «повествование – вопрос – требование», чем в «оценку реальности высказывания».

Боднарук Е. В. Семантика и прагматика императива (на материале немецкого языка) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 67–76.

ISSN 1818-7935
Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 3
© Е. В. Боднарук, 2018

На основании данных аргументов В. А. Жеребков оставляет в системе наклонения только индикатив и конъюнктив, исключая из нее императив [Zerebkov, 1977. S. 129].

Императив может не выводиться полностью из системы наклонений, но квалифицироваться как «полунаклонение» (Halbmodus); форма императива признается в этом случае «полуфинитной» (semifinite Form) (см. [Leiss, 1992. S. 225; Grammatik…, 1997. S. 1724] и др.). Полуфинитность / полуличность императива объясняется тем, что он демонстрирует признаки как личных, так и неличных форм. С одной стороны, императив не изменяется по лицам (поскольку в узком смысле императивной признается только форма 2 л.), но, с другой стороны, у него есть формы числа (*Sprich!* vs *Sprecht!*). С неличными формами императив схож также в том, что обычно не соединяется в предложении с личным подлежащим.

Таким образом, с одной стороны, формы императива 2 л. могут быть признаны глагольными формами, с другой – очевидно наличие у них свойств, отличных от форм индикатива и конъюнктива, что затрудняет признание императива частью системы глагольных наклонений.

Так, поскольку императив в немецком языке формирует один из коммуникативных типов предложения (побудительное предложение), он может квалифицироваться и как единица синтаксиса, составляющая наряду с повествовательным и вопросительным предложениями (в которых используются только формы индикатива и конъюнктива, но не формы императива) особую синтаксическую категорию [1].

Примечательно, что В. Абрахам в одной из своих работ рассматривает императив как «наклонение предложения» (Satzmodus), в то время как индикатив и конъюнктив обозначаются им как «наклонение глагола» (Verbmodus) [Abraham, 2009. S. 252].

Исходя из сказанного, императив следует, видимо, рассматривать как особый грамматический феномен, относящийся как к области морфологии, так и к области синтаксиса.

Наиболее специфическим компонентом значения императива будем вслед за Ю. П. Князевым считать *речевую каузацию изменения действительности* [Князев, 2007. С. 127]. «Говорящий самим фактом своего высказывания пытается каузировать совершение некоторого действия (эксплицитно указанного в этом высказывании)» [Гусев, 2013. С. 21].

По содержанию формы императива нельзя считать ни реальными, ни ирреальными, поскольку они не выражают какого-либо факта, который может характеризоваться как реальный или нереальный (см., например, [Храковский, Володин, 1986. С. 68]). Вместе с тем в лингвистической литературе предпринимаются попытки отнести императив либо к реализу (в широком смысле слова) [Ермолаева, 1976. С. 13], либо, наоборот, к ирреализу [Sommerfeld, Starke, 1984. S. 53; Плунгян, 2011. С. 449]. Императиву может также приписываться значение *потенциальности*, связывающее ирреальность с реальностью, преобразующее некоторое ирреальное положение дел в реальное [Бондарко, 1990а. С. 78–79].

Употребление императива обусловливается наличием в ситуации общения как минимум двух участников: говорящего (являющегося волеизъявителем) и слушающего (адресата волеизъявления). Таким образом, сфера употребления императива ограничивается обычно лишь ситуациями непосредственного общения [2] и очевидным образом указывает на дейктичность форм императива.

С ориентацией императива на речевую ситуацию и его дейктичностью связан ряд ограничений при использовании:

1) употребление в форме 2 лица *без* подлежащего, ввиду избыточности последнего,
2) неупотребительность в косвенной речи,
3) невозможность употребления в придаточном предложении.

Хотя высказывание с императивом и предполагает наличие в ситуации общения адресата волеизъявления, от последнего не требуется ответной речевой реакции. Реакция слушающего на такое высказывание может, как известно, сводиться исключительно к выполнению дейст-

---

[1] О.И. Москальская, к примеру, называет данную категорию *категорией коммуникативной интенции* [Moskalskaja, 2004. С. 244].

[2] Реже императив используется при обращении говорящего к потенциальному адресату, т. е. опосредованно. Это происходит, к примеру, в научных текстах, в которых императив предстает в конкретных разновидностях (например, отсылочный императив с сокращенными формами Vergleiche! – vgl.-императив, или Siehe! – s./siehe-императив) и служит диалогизации процесса научной аргументации [Нефёдов, 2015. С. 11–14].

вия, относительно которого выражено волеизъявление (см., например: [Храковский, Володин, 1986. С. 70]).

Проявляя волеизъявление, говорящий одновременно выступает как контролер ситуации, он полагает, что исполнитель может выполнить то действие, о котором идет речь. Кроме того, действие должно мыслиться и как контролируемое исполнителем, так как нельзя повелеть сделать то, над чем у исполнителя нет власти [Гусев, 2013. С. 173].

Для высказываний с императивом характерен признак бенефактивности, поскольку в результате выполнения действия появляется новая ситуация, которую можно трактовать в пользу а) говорящего, б) адресата речи, в) того и другого, г) всех участников и свидетелей императивного акта [Бондарко, 1990б. С. 82].

Использование императива связывается и с понятием субординации, поскольку говорящий, выражая волеизъявление, ставит себя выше либо, наоборот, не выше адресата волеизъявления.

И, наконец, употребление императива коррелирует с понятием цели, которая преследуется волеизъявителем при совершении императивного речевого акта. Целью является исполнение / предотвращение какого-либо действия.

Все перечисленные особенности семантики и использования императива связывают его непосредственно с областью будущего, поскольку ситуация, о которой говорится в побудительном предложении, должна иметь место после момента речи.

У императива отсутствует грамматическая категория времени. В большинстве языков мира невозможно противопоставление императивных форм во временном плане. Императив признается немаркированной в отношении времени формой. Отсутствие у императива особой грамматической категории времени связано с тем, что императивная функция устраняет ту «свободу чередования времен», которую обусловливает индикатив [Бондарко, 1990б. С. 88], а также – в определенной степени – конъюнктив.

Тем не менее некоторые исследователи обращают внимание на темпоральную вариативность при употреблении императива. Г. Г. Сильницкий, к примеру, отмечает, что в повелительном наклонении глагольное действие всегда относится (за исключением «вневременных» высказываний типа *Не в свои сани не садись*) к будущему времени (*Верни мне книгу через неделю*) или к настоящему (*Работай дальше*) [Сильницкий, 1990. С. 91]. О презентно-футуральной перспективе императивных ситуаций пишут также А. В. Бондарко и Е. Е. Анисимова [Бондарко, 1990б. С. 80; Анисимова, 2011. С. 69].

Презентность как временная характеристика императива допускается постольку, поскольку императив ориентирован на ситуацию общения в настоящем. С другой стороны, действие, о котором идет речь в высказывании, относится либо к собственно будущему, либо к будущему, вытекающему из настоящего, либо к будущему как одному из временных отрезков, формирующих значение вневременности.

Не случайно Г. Ф. Музыкантов предлагал заменить темпоральный признак «презентно-футуральная перспектива» на признак «неопределенная футуральная перспектива», отмечая, что действие, называемое императивной формой, не дано как объективная реальность в момент волеизъявления. В противном случае отпала бы необходимость обращаться к собеседнику с просьбой, приказом, советом и т. д. Например, бессмысленно обращаться к стоящему человеку с волеизъявлением *Встань!* Поэтому при определении темпоральной локализации императивного действия логично исходить из того, что оно не дано нам как объективная действительность в момент волеизъявления, и адресат может выполнить волю говорящего по истечении какого-то промежутка времени, протяженность которого может быть очень разной – от нескольких секунд до нескольких лет [Музыкантов, 1988. С. 90].

Типичными для императива и поэтому немаркированными являются, как было отмечено ранее, формы 2 л. К данным формам в немецком языке функционально примыкают императивные формы вежливости (*Machen Sie die Tür auf!*), представляющие собой синтаксические структуры, включающие глагольную форму и вежливую форму личного местоимения в постпозиции, а также формы «совместного действия», т. е. формы 1 л. мн. ч. с местоимением *wir* (*Machen wir das!*).

Так, в работе Ф. Зиммлера в императивную парадигму включаются: 1) императив ед. ч. (*Geh!*); 2) императив мн. ч. (*Geht!*); 3) императив вежливой дистанции (*Gehen Sie!*); 4) импе-

ратив сокращенной дистанции (*Gehen wir ins Bett und werden schnell gesund!* – обращение врача к пациенту). За рамками парадигмы остаются, однако, формы адхортатива (*Gehen wir ins Kino!*), в которых в число исполнителей действия входит и говорящий, а также формы императива пассива (*Seid gegrüßt!*) [Simmler, 1989. S. 643, 658].

Основным значением императива нередко признается значение приказания (см., например: [Heinold, 2012. S. 39]), однако принято различать и так называемые частные семантические интерпретации высказываний с императивом, являющиеся результатом взаимодействия этого значения с ситуациями, возникающими при произнесении императивных высказываний в процессе речевого акта.

С. Хайнольд отмечает наличие у императива значений приказа / требования (*Steh auf!*), просьбы (*Geh bitte heim!*), запрета (*Fass das nicht an!*), пожелания (*Werde schnell gesund!*), совета (*Nimm lieber die frische Hefe, um den Kuchen zu machen!*) [Ibid. S. 42]. В «Грамматике немецкого языка» речь идет также об употреблении императива для выражения уступки (*Besitze ruhig ein großes Vermögen. Es wird dir sicherlich nichts nützen*) и условия (*Besitze Geld und du hast Einfluss*) [Grammatik…, 1997. S. 1730]. Отмечается возможность междометного (*Geh! Komm! Warte! Halt!*) и даже нарративного употребления императива (*Aber Moritz aus der Tasche zieht die Flintenpulverflasche und geschwinde – stopf, stopf, stopf – Pulver in den Pfeifekopf*) [Heinold, 2012. S. 42].

Спектр значений, укладывающийся в рамки императивности, может быть настольно широким, что описать его в полном объеме крайне тяжело. Выход из данной ситуации предложил В. С. Храковский, предположивший в одной из своих работ, что в каждом конкретном языке есть столько семантических интерпретаций побудительных предложений, сколько в этом языке представлено несинонимичных глаголов речевой каузации (*приказывать*, *разрешать* и т. д.) [Храковский, 1990. С. 204].

Сложность при семантическом анализе императива вызывает и факт наличия у него большого количества синонимов в каждом языке, включая немецкий. Объяснить множество конкурирующих форм при выражении императивного значения можно исходя из различных оснований. Сюда не в последнюю очередь относится социальный статус участников речевого акта, а также особенности ситуации общения. Существенную роль играет стремление к градации степени категоричности высказывания. Известно, что выражение приказа или требования в категоричной форме может привести к «потере адресатом своего лица», что может повлечь за собой самые разные последствия. Поэтому адресант вынужден стремиться построить свое высказывание таким образом, чтобы оно было максимально эффективным (в данной ситуации) и не сопровождалось потерей адресатом своего лица. Только в таком случае полностью соблюдается принцип «социального взаимодействия». Оборотной стороной этого принципа является, однако, многообразие средств выражения императивности. Примечательно в этой связи весьма скептическое утверждение Д. Вундерлиха о невозможности полного описания императивных структур [Wunderlich, 1984. S. 113]. Среди лингвистических причин наличия большого количества синонимов у императива обычно упоминается его морфологическая ущербность и жесткая структурная ограниченность [Шендельс, 1970. С. 151].

Перечислим лишь некоторые наиболее часто называемые синонимы императива в немецком языке: а) конструкции с модальными глаголами (в индикативе и конъюнктиве), б) модальный инфинитив, в) презенс и футур I индикатива, г) футур II и перфект индикатива; д) кондиционалис I, е) независимый инфинитив, ж) причастие II, з) презенс конъюнктива с волитивным значением. Синонимия наблюдается и на синтаксическом уровне: безглагольные предложения (*Vorwärts! Halbes Pfund Brot!*), синтаксические сочетания типа *es ist notwendig* (…), придаточные предложения с союзом *dass* и некоторые другие.

Часть этих средств сопровождается в речи выраженностью адресата (и, реже, адресанта): формы презенса и футура индикатива, конструкции с модальными глаголами, конструкция *haben + zu + инфинитив I*, форма презенса конъюнктива, кондиционалис I; другие характеризуются их невыраженностью: инфинитив, причастие II, пассив индикатива, конструкция *sein + zu + инфинитив I*.

Семантика императива уточняется в речевых актах, в которых он используется. Для анализа речевых актов с участием императива были выбраны три произведения художественной

литературы современных авторов К. Хайна, Д. Кельмана и И. Ноль общим объемом 922 с., написанных на немецком языке. В данных произведениях рассмотрению подверглась (внешняя) прямая речь персонажей, из которой методом сплошной выборки было извлечено более 300 примеров с императивом.

Согласно эмпирическим данным, императив, к которому мы относим формы 2 л. ед. и мн. ч., а также формы с *wir* и формы вежливости с *Sie*, встретился в следующих речевых актах: *просьба* (*108 случаев употребления*), *совет* (*49*), *требование* (*27*), *утешение* (*13*), *приказ* (*12*), *разрешение* (*10*), *предложение* (*10*), *мольба* (*8*), *приглашение* (*8*), *убеждение* (*6*), *пожелание* (*6*), *угроза* (*6*), *указание* (*5*), *команда* (*4*), *предупреждение* (*2*), *согласие* (*2*), *призыв* (*2*) *подбадривание* (*1*), *отказ* (*1*), *поручение* (*1*) [3].

Очевидно, что императив типичен прежде всего для речевых актов побудительного характера, в которых говорящий проявляет свою волю с целью оказать воздействие на слушателя (адресата волеизъявления) и побудить его к выполнению определенных действий либо к отказу от их выполнения. Адресату во всех случаях отводится активная роль.

Адресат может быть обязан исполнить волю говорящего (*команда*, *приказ*, *требование*, *поручение*). Необходимость исполнения действия обычно связана с тем, что адресат волеизъявления по тем или иным причинам находится во власти говорящего. Приведем примеры.

Приказ (отец – сыну): *…So, und nun verschwinde. Iss dein Abendbrot, und dann ab ins Bett* (Hein, 2005).

Приказ (учитель – ученику): *In der Pause kommst du zu mir, Bernhard, damit ich dich in das Klassenbuch eintragen kann. So, und nun geh und setz dich* (Hein, 2005).

Команда (хозяин – собаке): Plötzlich sprach Bernhard den Hund an. Er sagte >*komm*< oder >*komm her*<, streckte seine Hand nach ihm aus, und der Hund wandte seinen Kopf von mir ab, legte die Ohren an und sah zu Bernhard (Hein, 2005).

Необходимость исполнить волю говорящего повышает уровень категоричности высказывания, что возможно далеко не в каждом случае выражения побуждения и может грозить предполагаемому исполнителю действия «потерей лица», поскольку он по своему статусу или положению в этом случае, как правило, ниже говорящего.

Видимо, этим объясняется тот факт, что значительное количество речевых актов побудительного характера не предполагает обязательного исполнения адресатом действия. Говорящий дает адресату волеизъявления определенную свободу выбора, выражающуюся в возможности по разным причинам отказаться от выполнения действия. В таких случаях речевые акты с участием императива можно дифференцировать в зависимости от того, в чьих интересах будет совершено действие.

Адресат может исполнить волю говорящего в интересах говорящего (*просьба*, *мольба*, *призыв*, *угроза*), в своих собственных интересах (*совет*, *указание*, *предупреждение*, *разрешение*, *подбадривание*, *утешение*) или в интересах как своих, так и говорящего (*приглашение*, *предложение*) [4].

Перечисленные речевые акты могут сопровождаться называнием причин или мотивов, лежащих в основе необходимого с точки зрения говорящего действия. Тем самым говорящий как бы склоняет, подталкивает адресата волеизъявления к исполнению действия, в котором он сам заинтересован.

Просьба: Was gibts denn, Koller? – Ich kündige, Meister. – *Tu mir das nicht an, Junge.* Du bist mein bester Mann… (Hein, 2005).

Мольба: *Lass mich leben*, versucht sie es ein letztes Mal. *Deine Geschichte. Vergiss sie. Lass mich einfach leben* (Kehlmann, 2009).

Угроза: Das habe ich mir auch so gedacht. *Aber lass meine Alte aus dem Spiel, hörst du, sonst verpass ich dir eine.* Meine Alte ist nämlich kein Flittchen, die mit anderen rummacht (Hein, 2005).

---

[3] О классификации футурально ориентированных речевых актов, в оформлении которых участвует императив, см., например, в работе [Боднарук, 2015].

[4] Конечно, распределение речевых актов с учетом бенефициента действия носит довольно условный характер; мы исходили в данном случае из наиболее типичных, с нашей точки зрения, интерпретаций соответствующих речевых действий.

Посредством императива говорящий может также побуждать адресата исполнить действие в интересах самого адресата. Он в этом случае проявляет определенное участие в судьбе адресата волеизъявления, выступая в роли советчика, авторитетного эксперта, наставника или помощника. Тем самым говорящий дает понять адресату, что знает (или думает, что знает), как лучше поступить в той или иной ситуации.

Совет: Es ist wegen Gitti. Sie hat mich zum Gespött der ganzen Stadt gemacht. – Ach, das ist es nur. *Vergiss das einfach. Red mit ihr, vielleicht kommt ihr miteinander klar. Oder geht eurer Wege. Darum musst du nicht gleich die Stadt verlassen* (Hein, 2005).

Разрешение: «*Nimm dir, was dir gefällt*», sagte ich, «du wirst ja ein paar kleine Vorlieben haben, oder?» (Hein, 2005).

Указание: …Die Wunde heilt bestens, nächste Woche soll er mit dem Rollator ein bisschen herumwandern. Wenn er weiter gut mit macht, kann er das Bein bald zu fünfzig Prozent belasten und die Reha antreten. *Achten Sie bitte darauf, dass er immer genügend trinkt!* (Noll, 2010).

Императив нередко оформляет речевые акты, предполагающие не только участие в выполнении действия адресата волеизъявления, но и возможное вовлечение в деятельность самого говорящего. К таким речевым актам относятся *приглашение* и *предложение*. Данные речевые акты имеют много общего и трудно различимы в речи.

Приглашение: *Komm, Bernhard, darauf trinken wir einen.* Ich lade dich ein (Hein, 2005).

Предложение: *Kommt herein.* – Ich öffnete die Tür. – *Kommt nur alle herein!* (Kehlmann, 2009).

Приглашение можно трактовать как просьбу принять участие в чем-либо, заняться чем-либо. *Предложение* же следует рассматривать как предоставление адресату возможности выбрать для исполнения какое-либо действие в будущем. Однако предложение в отличие от приглашения не обязательно предполагает соучастие говорящего и может быть рассчитано только на адресата волеизъявления. Кроме того, приглашение в большей степени обязывает к действию, чем предложение.

Довольно часто императив был использован в *контактивных* (8) и *метакоммуникативных* (20) речевых актах. К контактивным речевым актам с использованием императива мы отнесли *приветствие*, *прощание*, *представление / знакомство*, *передача приветов*, а также *пожелания при поздравлениях*, являющиеся речевыми клише:

...*Grüß Mama und Max.* Tschüs, Papa (Noll, 2010).

Метакоммуникативные речевые акты в исследованных произведениях были представлены главным образом императивными структурами, призванными привлечь внимание или поддержать интерес к основному речевому акту высказывания:

…Das muss belohnt werden! *Sieh mal,* wenn ich irgendwann unterm Rasen liege, bekäme sie noch jahrelang meine Rente (Noll, 2010).

...Mein Gott, *stell dir vor*, ich wäre damals hingeflogen… (Kehlmann, 2009).

Функция контактивных и метакоммуникативных высказываний – фатическая, заключающаяся в «обслуживании» коммуникации, а именно в установлении, поддержании и завершении речевого контакта. Побуждение к действию носит в них очень условный характер.

Значительно реже императив используется в прямой речи в непобудительных речевых актах, например в речевых актах модально-оценочного характера (*убеждение* и *пожелание*), в которых высказывается или формируется мнение относительно предстоящего действия / события и / или дается их оценка.

Так, в речевом акте *пожелания* говорящий желает чего-то слушающему. Пожелание имплицирует положительную оценку желаемого. Оно может быть индивидуализированным или иметь вид речевого клише или ритуала (пожелание удачи, хорошей поездки и т. д.). В последнем случае пожелание можно отнести и к контактивным речевым действиям:

«*Schlaf gut, Opa*», sagte Max und löschte das Licht (Noll, 2010).

В речевом акте *убеждения* говорящий с помощью слов пытается сделать так, чтобы слушающий ему поверил. Обычно данный речевой акт является сложным по своему составу. Императив играет в нем роль одного из компонентов, добавляющего убеждающей силы. В этой связи императив в рамках данного речевого акта может использоваться неоднократно:

Diesen Leuten bedeutet ein Brand nichts. Es ist nicht ihre Stadt, die sie gefährden. Ihnen ist es egal, was dabei kaputtgehen kann. Ihnen fehlt das Herz für die Stadt, schließlich sind sie zufällig hier gelandet und können jederzeit weiterziehen. Wie die Zigeuner. Die Stadt, die Kirche, die Burg, unser Kurpark, die alten Straßen, all das, an dem unser Herz hängt, für sie bedeutet das alles nichts. Glaub mir, es sind Fremde, und es bleiben Fremde. Auf die kannst du nicht bauen. Sei kein Kindskopf, Sigurd, verlass dich nicht auf diese Leute (Hein, 2005).

Еще реже императив оформляет речевые акты информирующего характера (в нашем эмпирическом материале это *согласие* и *отказ*). В них он чаще всего выступает как вспомогательный элемент, как бы подводящий слушающего к основной части футурально ориентированного речевого акта.

Согласие: «*Na geh schon*», sagte ich schließlich, «*ich pass hier auf*» (Hein, 2005).

Либо он оказывается «привязанным» к конкретному лексическому наполнению высказывания.

Отказ: Ich wollte ihn zum Abschied küssen, er drückte mich zurück. «*Lass das sein. Nicht hier auf der Straße, Kathi*» (Hein, 2005).

При оформлении большинства из перечисленных речевых актов императив конкурирует с рядом других языковых средств. Поскольку действия, лежащие в основе высказываний с императивом, относятся к области будущего времени, в качестве конкурентов императива могут выступать грамматические и лексико-грамматические единицы немецкого языка, формирующие функционально-семантическую область футуральности и способные выражать побуждение. Так, в следующих примерах конструкция с модальным глаголом *müssen*, а также формы инфинитива вполне могли бы быть заменены императивом:

«*Da musst du ein wenig warten*», sagte sie, «*ich bekomme es* (*das Kind*) *nur zum Stillen. In drei, vier Tagen sind wir zu Hause, dann kannst du es von früh bis abends im Arm halten*» (Hein, 2005).

Wenn du die Adresse bekommst, dann besorge dir einen Stadtplan oder irgendetwas Ähnliches. Und präg dir alles ein. Nie jemanden fragen, auch nicht in Berlin. Mit keinem sprechen, nicht auffallen, keiner soll sich an dich erinnern (Hein, 2005).

Наличие возможности заменить императив другими языковыми средствами не отменяет, однако, того факта, что императив является нейтральной формой побуждения и лидирует при выражении побудительности в прямой речи персонажей художественного дискурса [Боднарук, 2016]. Согласно полученным нами эмпирическим данным он оказался наиболее частотным языковым средством для оформления речевых актов *просьбы*, *совета*, *требования*, *утешения*, *приказа*, *мольбы*, *приглашения*, *пожелания*, *призыва*, *команды*, а также контактивных и метакоммуникативных речевых актов. Употребительным императив был также в речевых актах *разрешения*, *предложения*, *угрозы* и *указания*.

Вывод

Особенности семантики и прагматики императива, главным образом его ориентация на ситуацию непосредственного общения с целью каузации изменения действительности (выполнения или предотвращения какого-либо действия со стороны адресата волеизъявления), делают императив одной из наиболее значимых глагольных форм выражения побуждения в прямой речи персонажей немецкоязычного художественного дискурса. Категориальные признаки императива указывают на его принадлежность как морфологии (одно

из наклонений глагола), так и синтаксису (используется в особом коммуникативном типе предложения – побудительном). В этой связи вариабельной оказывается и парадигма императива. В узком смысле императив включает только формы 2 л. ед. и мн. ч. В широком смысле в императивную парадигму втягиваются также формы императива вежливой дистанции (с *Sie*), формы адхортатива (с *wir*) и др. В плане семантики императив является одним из нейтральных средств выражения побуждения. Наряду с императивом значение побуждения может быть выражено и рядом других языковых средств (презенсом, футуром, модальными глаголами, инфинитивом, причастием II, формами конъюнктива, конструкциями *haben* / *sein* + *zu* + *инфинитив*), актуализирующих при этом также семантику будущего времени, что свидетельствует, с одной стороны, о наличии выраженной конкуренции в семантической зоне императивности, с другой – о связи императивности и футуральности. От своих конкурентов императив отличается не только относительной нейтральностью выражения побуждения, но, как показал анализ прямой речи персонажей художественного дискурса, и высокой частотностью: на него приходится не менее 40 % случаев выражения побуждения. Императив задействован и репрезентативен практически во всех речевых актах побудительного характера. Форма императива частотна и в речевых актах контактивного и метакоммуникативного характера со стертой императивностью. Широта семантического диапазона и прагматическая многофункциональность определяют возможность использования императива также в футурально ориентированных речевых актах модально-оценочного и информирующего характера.

Список литературы

Анисимова Е. Е. Theoretische Grammatik der deutschen Sprache. Учеб. пособие. М.: Тезаурус, 2011. 280 с.

Боднарук Е. В. Классификация речевых актов с футуральной семантикой (на материале немецкого языка) // Вестн. СПбГУ. Сер. 9. 2015. Вып. 2. С. 62–75.

Боднарук Е. В. Категория футуральности в современном немецком языке: семантико-прагматический и функционально-дискурсивный аспекты исследования: Дис. … д-ра филол. наук. Архангельск, 2016. 507 с.

Бондарко А. В. Реальность / ирреальность и потенциальность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990 а. С. 72–79.

Бондарко А. В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990 б. С. 80–89.

Гусев В. Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. 336 с.

Ермолаева Л. С. Система наклонений в современном немецком языке (в сопоставлении с другими германскими языками). М.: Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза, 1976. 102 с.

Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.

Музыкантов Г. Ф. Контрастноспособные семы, генерирующие экспрессивность морфологических синонимов императива // Текст в речевой деятельности: Сб. ст. / Под ред. А. А. Романова, А. М. Шахнаровича. М., 1988. С. 87–93.

Нефёдов С. Т. Императивы как инструмент диалогизации научного текста // Научное мнение. 2015. № 9.1. С. 9–18.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: Учеб. пособие. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.

Сильницкий Г. Г. Функционально-коммуникативные типы наклонений и их темпоральные характеристики // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 90–110.

Храковский В. С. Повелительность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. С. 185–238.

Храковский В. С., *Володин А. П.* Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986. 272 с.

Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике. М.: Высш. шк., 1970. 204 с.

Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка. М.: Наука, 1984. 137 с.

Abraham W. Die Urmasse von Modalität und ihre Ausgliederung. Modalität anhand von Modalverben, Modalpartikeln und Modus // Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus / Hrsg.: W. Abraham, E. Leiss. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2009. S. 251–302.

Grammatik der deutschen Sprache. Berlin; New York: De Gruyter, 1997. Bd. 3. S. 1684–2565.

Heinold S. Gut durchlesen! – Der deutsche Imperativ und seine funktionalen Synonyme // Deutsche Sprache. 2012. Ausgabe 1. S. 32–56.

Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen: ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung. Berlin; New York: De Gruyter, 1992. 334 S.

Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. M.: Академия, 2004. 352 с.

Simmler F. Zur Geschichte der Imperativsätze und ihrer Ersatzformen im Deutschen // Festschrift für Herbert Kolb zu seinem 65. Geburtstag / Hrsg. von K. Matzel, H.-G. Roloff. Bern [etc.]: Peter Lang, 1989. S. 642–691.

Sommerfeld K.-E., *Starke G.* Grammatisch-semantische Felder der deutschen Sprache der Gegenwart. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1984. 180 S.

Thieroff R. Das finite Verb im Deutschen: Tempus – Modus – Distanz. Tübingen: Narr, 1992. 316 S.

Wunderlich D. Was sind Aufforderungssätze? // Pragmatik in der Grammatik / Hrsg. von G. Stickel. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann-Bagel, 1984. S. 92–117.

Zerebkov V. A. Das Verb. Ein Hilfsbuch zur deutschen Grammatik. Moskau: Hochschule, 1977. 192 S.

Список источников

Hein Ch. Landnahme. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005. 383 S.

Kehlmann D. Ruhm. Hamburg: Rowohlt, 2009. 203 S.

Noll I. Ehrenwort. Zürich: Diogenes, 2010. 336 S.

Материал поступил в редколлегию 10.05.2018

Elena V. Bodnaruk

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
17 Naberezhnaya Severnoi Dviny, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation

e.bodnaruk@narfu.ru

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF THE IMPERATIVE IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE

The article deals with the imperative, one of the moods, which has a large scope of semantic and pragmatic functions. The author analyses the grammatical status of the imperative and the structure of its paradigm, proving its categorical belonging to both morphology and syntax. The main components of its semantics and the restrictions in the imperative forms usage are revealed and described. The semantics of the imperative is presented in connection with the future time orientation so that we can observe the synonymy of forms and constructions which express imperativeness through actualizing the meaning of the motivation for an action. The usage of the imperative forms in different speech acts is analyzed.

Keywords: imperative mood, imperative paradigm, semantics, speech acts, the German language.

References

Anisimova E. E. Theoretische Grammatik der deutschen Sprache. Uchebn. pos. Moskau, Tezaurus, 2011, 280 S. (in Germ.)

Bodnaruk E. V. Kategoriya futural'nosti v sovremennom nemetskom yazyke: semantiko-pragmaticheskiy i funktsional'no-diskursivnyy aspekty issledovaniya. Dis. … d-ra filol. nauk. Arkhangelsk, 2016, 507 p. (in Russ.)

Bodnaruk E. V. Klassifikatsiya rechevykh aktov s futural'noy semantikoy (na materiale nemetskogo yazyka). *Vestnik SPbSU. Ser. 9*, 2015, iss. 2, p. 62–75. (in Russ.)

Bondarko A. V. Real'nost' / irreal'nost' i potentsial'nost'. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'*. Ed. by A. V. Bondarko. Leningrad, Nauka, 1990a, p. 72–79. (in Russ.)

Bondarko A. V. K analizu kategorial'nykh situatsiy v sfere modal'nosti: imperativnye situatsii. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'*. Ed. by A. V. Bondarko. Leningrad, Nauka, 1990b, p. 80–89. (in Russ.)

Ermolaeva L. S. Sistema nakloneniy v sovremennom nemetskom yazyke (v sopostavlenii s drugimi germanskimi yazykami). Moscow, 1976, 102 p. (in Russ.)

Gusev V. Yu. Tipologiya imperativa. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2013, 336 p. (in Russ.)

Khrakovskiy V. S. Povelitel'nost'. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'*. Ed. by A. V. Bondarko. Leningrad, Nauka, 1990, p. 185–238. (in Russ.)

Khrakovskiy V. S., Volodin A. P. Semantika i tipologiya imperativa. Russkiy imperativ. Leningrad, Nauka, 1986, 272 p. (in Russ.)

Knyazev Yu. P. Grammaticheskaya semantika. Russkiy yazyk v tipologicheskoy perspektive. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007, 704 p. (in Russ.)

Muzykantov G. F. Kontrastnosposobnye semy, generiruyushchie ekspressivnost' morfologicheskikh sinonimov imperativa. *Tekst v rechevoy deyatel'nosti*. Eds. A. A. Romanov, A. M. Shakhnarovich. Moscow, 1988, p. 87–93. (in Russ.)

Nefedov S. T. Imperativy kak instrument dialogizatsii nauchnogo teksta. *Nauchnoe mnenie*, 2015, no. 9.1, p. 9–18. (in Russ.)

Plungyan V. A. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira. Moscow, RSHU, 2011, 672 p. (in Russ.)

Shendels E. I. Mnogoznachnost' i sinonimiya v grammatike. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1970, 204 p. (in Russ.)

Silnitskiy G. G. Funktsional'no-kommunikativnye tipy nakloneniy i ikh temporal'nye kharakteristiki. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'*. Ed. by A. V. Bondarko. Leningrad, Nauka, 1990, p. 90–110. (in Russ.)

Yakushin B. V. Gipotezy o proiskhozhdenii yazyka. Moscow, Nauka, 1984, 137 p. (in Russ.)

For citation:

Bodnaruk Elena V. Semantics and Pragmatics of the Imperative in the Modern German Language. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 67–76. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-67-76

УДК 81
DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-77-87

М. К. Голованивская

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, стр. 13–14, Москва, 119991, Россия*

golovanivskaya@gmail.com

АБСОЛЮТЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ КАРТИНАХ МИРА: ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ И РУССКИХ О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Статья посвящена контрастивному анализу категорий добра и зла во французском и русском менталитете. Эти категории относятся к базовым мировоззренческим категориям. В формировании этих понятий «участвуют» и мифологические субстраты, и философские системы разных эпох, и религиозные доктрины. Результат исследования показывает, что на русские представления о добре и зле наибольшее влияние оказало христианство, в то время как на французские – античность. Это определяет особенности всех производных понятий.

Ключевые слова: бинарный миф, история языка, христианство, античность, менталитет.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы уточнить некоторые положения, высказанные в предшествующих работах автора, акцентировать ряд идей в современном культурном контексте и расставить новые смысловые акценты с учетом новых реалий межкультурной коммуникации. Достижение этой цели предполагает многочисленные пересечения и переклички с ранее высказанными мыслями автора, в частности в монографии «Ментальность в зеркале языка: некоторые базовые мировоззренческие концепты в представлении французов и русских» [Голованивская, 2009. С. 149–257], однако приводимые уточнения носят сущностный характер и достойны детального изложения.

Добро и зло – понятия осевые, системообразующие. За ними плюс и минус, бинарность, антонимия, через которую мы систематизируем мир и оцениваем его, наши «да» и «нет». Верх и низ, бог и человек, высшее и низшее, земное и небесное – эти дуалии представляют собой остатки наидревнейших мифов, обнаруживающих удивительную универсальность от народа к народу. Без этих категорий невозможно представить себе этику, мировоззрение как таковое. Вдоль обозначенных осей можно расположить множество других понятий самого разного толка и уровня обобщения – мужчина и женщина, здоровье и болезнь, свет и тьма, свои и чужие, хищник и жертва и т. д. Разделяя мир через оппозицию, через противопоставление, мы нередко очерчиваем и свой мир, маркируем свою принадлежность, определяя тем самым всю свою мировоззренческую парадигму.

Как же мы и французы трактуем понятия добра и зла? Обратимся к сопоставлению указанных понятий, сравним понятия *добро* и *зло* с соответствующими французскими *bien* и *mal*.

Как уже было упомянуто, мы видим здесь не столько синонимические ряды, хотя они налицо – *добро*, *благо*, сколько антонимические пары, рудименты тех самых древнейших оппозиций, за которыми скрываются близнечные мифы [Иванов, 1980; Штернберг, 1936].

Голованивская М. К. Абсолюты в национальных картинах мира: представление французов и русских о добре и зле // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 77–87.

ISSN 1818-7935
Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 3
© М. К. Голованивская, 2018

Посмотрим на современные философские дефиниции изучаемых понятий: «...это нормативно-оценочные категории морального сознания, в предельно обобщенной форме обозначающие, с одной стороны, должное и нравственно-положительное, благо, а с другой – нравственно отрицательное и предосудительное в поступках и мотивах людей» [Философский энциклопедический словарь, 1983].

Но разнотолков в интерпретации добра и зла в истории этики начиная с древности было предостаточно. Материалисты усматривали тут связь с прямыми потребностями людей, с законами природы (натурализм), с удовольствием или мучением (гедонизм), с социальным эффектом того или иного действия или проявления. Идеалисты же связывали понятия добра и зла с божественными началами, а извечный их конфликт помещали в плоскость метафизически-онтологическую [Кузнецов, 1961]. Важно отметить, что в естественном языке, отражающем сознание, а не доктрину, присутствуют и первое, и второе без всякого внутреннего конфликта или аллергичности. Рацио тут молчит или бессильно отступает: исторически сложившиеся непримиримые подходы в эклектичном сознании уживаются гармонично. Происходит этого потому, что воображение и миф в большей степени определяют область сознания, нежели вытянутые в логическую последовательность догмы, как того требуют продукты философской и логической рефлексии [Уемов, 1985].

Русское представление о добре и зле

В славянской мифологии мы не находим никаких «предпосылок» для формирования русских понятий добра и зла. Происхождение слова *добро* достоверно неизвестно, но, по одной из версий, оно возводится к праславянскому корню *-dob-* [Черных, 1994. С. 214], который был связан первоначально с идеей времени. Производные от него слова, обнаруживаемые в современных текстах и словарях, стали появляться с XVII в. и восходят уже к семантике «добротности, доброкачественности, годности».

С новым в европейском историческом смысле временем связана также и мифологизация понятий добра и зла, в результате которой зло стало отождествляться с сатаной, Люцифером, а интерпретации добра мотивируют его связь с Богом. При этом важно, что дериваты с семантикой «сострадательности, милосердия» появляются намного позже первых, и это дает нам серьезные основания говорить о том, что современные понятия добра и зла являются относительно новыми, в историческом времени они еще совсем молодые. Это значит, что их можно трактовать как специфическое проявление мышления и сознания именно современной европейской цивилизации. Ее начало, с учетом мнения многих культурологов (см. [Griffith, 2011. P. 241], следует датировать концом XVIII в., тем периодом в европейской истории, когда атеизм приобрел черты самостоятельного философского течения с хорошо очерченной повесткой.

Эти выводы не дезавуируют, однако, гипотезы об исконной древности, самой оппозиции, обозначенной нами ранее как плюс и минус.

Первое значение слова *добро* имеет вещественную семантику. *Добро* мыслится, прежде всего, как имущество, достаток. Но его взаимодействие в речевой деятельности с синонимом *благо*, *добро* придает ему этически значимый оттенок значения. Даль уже отмечает в своем словаре этический характер понятия: *добро*, *благо* – это то, что добыто честно, что требуется от нас самим долгом человека и семьянина, что идет на пользу гражданскому обществу. Отсюда и возникает его противопоставленность, противоположность *худу*, *злу* [Даль, 1955]. Намек понятен: если имущество нажито честно, то это хорошо, одобряемо, ждать худа не следует, – от этого оно, это честно нажитое, и называется *добро*. Но если дело было, как теперь говорят, непрозрачным, то *добра* не будет ни в прямом, ни в переносном смысле. *Добро* на протяжении нескольких веков содержало в своем значении отчетливый гражданственный оттенок, это то, на чем держится, стоит Россия-матушка, и именно потому это слово в школьных букварях было поставлено в соответствие пятой букве алфавита. Добрый человек, по свидетельству Владимира Даля, – это человек «дельный, сведущий, исправный, добро любящий, добро творящий, а также мягкосердный, жалостливый и иногда слабый умом». Доброта же – это соответствующее качество человека, относительно которого Даль приводит следующий афоризм: «Доброта без разума пуста».

Сталкиваясь с далевским сближением добра и слабого ума, современный носитель русского языка может проявить непонимание. Пояснение, очевидно, следует искать в истории того характерно русского понятия, которое именуется юродством: юрод часто именовался *дураком* (см. слав. *оуродъ – дурак*, *безумный* [Иванов, 1994]), так как действовал постоянно без всякой корысти и даже намеренно вопреки ей, тем самым совершая нечто вроде подвига религиозной природы.

Возвращаясь к современному значению, нужно непременно подчеркнуть, что, во-первых, современный язык полностью утерял СОЦИАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ гражданский «далевский» аспект значения этого слова, и, во-вторых, в современном узусе понятия *добро* и *благо* существенным образом отдалились друг от друга. Что же касается прежней ассоциации понятия *добро* со слабоумием, то в нынешнем употреблении языка она совершенно отсутствует.

Понятия *добро* и *благо* были описаны в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» [1995] под редакцией И. А. Мельчука и А. К. Жокловского, и принципиальные моменты этого описания таковы. Синонимы *добро* и *благо* имеют в качестве главного семантического признака полезность людям. Но они характеризуются и важными различиями. Сформулируем их так: *добро* – это нечто абсолютное, *благо* же относительно; *добро* наделено в сознании человека этической ценностью и связано с проявлениями его доброй воли; *благо* же не относится к этическим категориям, а представляет собой некий положительный результат, венчающий исход предприятия. Поэтому в отличие от *блага добро* приобретает статус высшей нравственной ценности. Оно представляет собой некий абсолют, изменение представлений о нем может быть только результатом слома всей ценностной шкалы общества. Ипостаси *добра* многоплановы: они могут быть и рациональными, и нравственными, и интуитивными. В противовес ему в понятии *благо* преобладает рациональное начало. В *добре* важно душевное движение, душа через добро обретает бессмертие, для *блага* же – область рацио. *Добро* и *благо* ориентированы на несовпадающие ценностные шкалы и судят их разные субъекты: о благе толкует людской суд, опрокидывающий факт или деяние в область прагматики, подобно представлениям о справедливости и правде, а *добро* приближено по своему бытованию к понятию *истины* – тут речь идет об абсолютах, о божественной оценке мирского бытия. *Добро* – абсолютная ценность, абстракция высокого уровня.

Со всей очевидностью вычленяются два вида *добра* – как таковой абсолют и признак, характеристика, этическая оценка нравственного поведения человека.

Русское слово *добро* сочетается семантически так:

- добро делают, настраивают на добро, несут, добро приносят, его творят, сеют и пр.;
- добро живет в человеке, разлито в мире, укореняется, дает всходы, разрастается, ходит по свету, добро может бороться со злом, оно может брать верх, ретируется перед грубой силой, побеждает, торжествует и т. д.;
- силы добра, к добру призывают, добра желают, добром отвечают на добро (зло), довести до добра;
- царство добра, империя «добра» (как антоним империи «зла»), плацдармы добра,
- сила добра, свет добра, взаимная проницаемость добра и зла,
- добро должно уметь себя защищать (быть с кулаками),
- что-то не кончится добром и пр.;
- дитя добра и света, свет добра, озаренный добром и пр.;
- проявляется, растворено в каждом поступке.

Рассмотрим подробнее образы, стоящие за этой формально-семантической сочетаемостью.

1. *Колос* / *сорняк*. Очевидна растительная коннотация понятия – добро *сеют*, оно *укореняется*, *дает всходы*, его *жнут* и т. д. Есть основания предположить, что базово за этим понятием стояло что-то типа колоса, в ряде контекстов синонимичного (хлеб) жизни. Культ хлеба у славян, обожествление его, использование образа хлеба в молитвах («Хлеб наш насущный дай нам днесь») подчеркивает его божественное происхождение, табуирует дурное обращение с ним. Такая ассоциация гипотетически могла бы считаться базовой и системной, ибо наличие у него смертоносного и вредоносного антипода сорняка, ассоциированного со злом (мы увидим это дальше: см. *вырвать зло с корнем*) – лишнее тому подтверждение.

2. *Имущество.* Опредмечивание, овеществление: *добро делают*, *несут*, *принимают*, *отвечают добром на добро.* Эта коннотация мотивирована одним из значений, которое описал В. Даль.

3. *Солнце.* Развитие ситуативного поля вокруг коннотации растение – хлеб: солнце – урожай – хлеб – жизнь. Добро дает жизнь (хлеб), оно *светит*, *согревает*, *озаряет*, *освещает путь* и т. д.

4. *Вода* мифологически связана с душой, эмоциями, чувством и в конечном счете опять же с жизнью (жизнь вышла из воды, растению вода нужна не меньше света, гибель часто ассоциирована с засухой, пустыня – место, где жизни нет). Отсюда животворящее добро: *добро разлито в мире*, *волны добра*, *добрые чувства захлестнули его*, *добро растворено в каждом его поступке* и пр.

5. *Войско.* Представление *добра* как системы сил происходит из христианства и является одним из производных христианского мифа. Можно представить себе метафорическое «армия добра», ассоциированное с «силы добра, силы света» в противовес «армия зла, силы тьмы».

Отметим некоторые особенности связанного прилагательного *добрый. Добрый* (о человеке) значит: *способный давать безвозмездно*, *умеющий проявлять жалость и всепрощение*. В русском языковом сознании есть такая неочевидная синонимия *любить* равно *жалеть*. *Жалеть*, *любить*, *прощать* – классический набор женских качеств нашего национального характера. Мы часто говорим: *она – добрая женщина* (жалеет неудачников, тех, кто попал в беду, оступившихся). *Она добрая женщина*, *он / она добрый человек* (с немаркированным полом в слове *человек*) – нормальное словоупотребление, но что-то не то во фразе *Он добрый мужчина* [1] – национальный стереотип мужской добрести у нас несколько иной, в сознании мужчины мир четко разделен на свой / чужой и разнонаправленное всепрощающее добро разрушало бы его образ каменной стены (за мужем как за каменной стеной).

Важно, что понятия добра, доброты являются важнейшими, этически маркированными для русского языкового сознания, в котором всегда высоко ценилось апрагматичное действие, направленное во благо другому, а не себе. Люди, бескорыстно помогающие, предпочитающие сто друзей ста рублям, одобряемы, именно через бескорыстное действие, доброту и сострадание обнаруживается в человеке душа, апрагматичная и вечная его часть. Но не без «перевертыша», имеющего библейскую подоплеку – «Благими намерениями вымощена дорога в ад», или в обыденной мудрости – «Не делай хорошо, чтобы не было плохо». Применительно к русскому сознанию здесь интересно, что библейская мудрость системно понимается неверно, указывая на страдания добряка, идущие от черной неблагодарности людей, в то время как в оригинале ад предусмотрен как раз для объекта благодеяния, которому навязываются представления о добре благодетеля, совершенно негодные для страждущего. Амбивалентность здесь еще и в онтологической связи доброго и злого: из двух братьев, широко разгуливающих по просторам индоевропейского мифа, один всегда плохой, а другой хороший (Каин и Авель, и др.). Векторы их потенции, конечно же, разнятся, но это не мешает им оставаться на положении родственников, другими словами, они все равно встречаются, соединяются в некой символической точке, пускай и ретроспективно.

Рассмотрим семантику русского слова *зло.* Оно этимологически связано с древнерусским *зъль* – плохой, дурной, низкий, *зъло* – зло, беда, грех, а также *зълоба* – грех, порок, вражда. За этим славянским корнем стоит индоевропейское понятие со значением «изгибаться, кривиться, изворачиваться» [Фасмер, 1995. С. 139]. Интересный аспект значения, противопоставляющий *зло* также *правде*, *правильности*, *прямоте*, *правоте.* Кривизна ведь находится совсем рядом с *левизной*, *леваком*, *чем-то незаконным* (см. *кривой договор*, *левый заработок* и пр.).

Злой первоначально означало «недоброжелательный, проникнутый враждой, ненавистью, желанием мучить», и это прилагательное (а не существительное) было основным в гнезде. *Злой* де-факто равнялось *враг.* Значение стало абстрактным тогда же, когда случилось

[1] Использование слова «добрый» со словом «человек» (в контексте «он – добрый человек») или со словом «люди» (в контексте «люди доброй воли») не чувствует на себе этого ограничения, в силу того что «человек» и «люди» – понятия, не маркированные половой принадлежностью.

и окончательное абстрагирование *добра.* При всей парадоксальности факта оформление отдельного понятия произошло лишь с началом распространения атеистического мировоззрения и его укоренением, в силу возникшей необходимости формулировать нравственно-этические установки без обязательного до того обращения к догматам православия.

Понятия *добра* и *зла* очевидно симметричны: *добро*, как мы видели, – это то, что полезно, нужно, хорошо для человека, а *зло* – это то, что для него вредно, дурно, плохо, *добро* связано с нажитым добром, с богатством, *зло* – с враждой, войной и, таким образом, с растратой, бедностью, нищетой. *Добро* эволюционировало, и в результате процесса абстрагирования это понятие стало обозначением наивысшей нравственной добродетели, в то время как *зло* стало его полной противоположностью – наивысшим пороком. Дооформление понятий было связано с олицетворением, за всем *добром* мира стоит Господь, который абсолютно благ. За *злом* – сатана, дьявол, бес, которые абсолютно злонамеренны.

У славян в мифологии есть история, дающая сюжетные корни понятиям *добра* и *зла*: серая уточка (один из сателлитов древнеславянского бога Рода) была отправлена на поиски земли, нашла ее, обжилась, свила гнездо и отложила в него яйца – Явь и Навь (Явление и Навет). Из яиц вылупились птенчики, подросли и полетели по всему свету разносить *добро* и *зло*, а потом эти птички тоже снесли яйца, снова Явь и Навь, и так и пошло по миру хорошее и плохое [Славянская мифология…, 1995].

Говоря о зле нельзя не сказать о славянском божестве, зле вселенском – Марухе (Маре, от нее *мор*, *мрак*). Мара – ночное божество. Под покровом темноты она творит свои злые дела. Пещеры, рытвины, болота – там она прячется, как и бес, мелкий и крупный (отсюда выражение *Бес попутал* или возглас *Черт!*, именно так мы обозначаем причину невезения или неудачи). *Темные дела* – злые дела. *От него повеяло холодом*, холодные люди часто злые; душа горяча, душа горит, а добро светит. К древним мифологическим персонажам этого ряда относятся также и *злыдни* (слово, употребляемое до сих пор). Это – вредоносные домовые духи, *недоля*, *беда. Злыдни* активны, *доля* пассивна и касается только материального благосостояния. *Злыдни* портят *долю*, как мыши сыр. Иногда *злыдней* описывали как стариков-нищих, поэтому нищих принято было бояться и гнать отовсюду, не дай Бог поселятся – будет беда.

В современном русском языке слово *зло* имеет следующую сочетаемость:

- принести, причинить, сделать зло, держать зло на кого-либо; срывать зло на ком-то, носить в себе зло;
- посеять зло, корень зла, зло укореняется, дает всходы;
- выбрать из двух зол меньшее, великое зло, большое зло;
- неизбежное, безусловное, мировое зло;
- зло одерживает верх, побеждает, силы зла,
- отойти от зла, познать зло;
- торжество зла, империя зла, оплот зла.

Из приведенной сочетаемости мы отчетливо видим такую его метафорическую конкретизацию:

1) растение, сорняк;
2) среда;
3) ограниченная территория (*отойти от зла*);
4) войско (силы, империя).

В языке мы не находим прямых подтверждений, но в реальности есть много подтверждений связи зла с ночным солнцем – луной. Славянские мифы, как мы видели, связывали зло с ночью, темнотой. Отрицательное настороженное отношение человека к темноте и к светилу ночи имеет место и теперь: темное время суток большинством людей по-прежнему считается временем «темных сил» как вполне земного генезиса (усиление преступности в ночные часы, ночные страхи и страх ночных «прогулок»), так и мифологического с его оборотнями, упырями и лунатизмом.

Соответственно и ощущение холода, вызываемое сопутствующим чувством страха, косвенно указывает, по нашему мнению, на то, что он возник и закрепился в генетической памяти как производное от ощущения зла, от столкновения с врагом, от тех опасностей, что так сильны ночью. Постулируемая здесь связь зла с холодом просматривается, например, в обра-

зе Снежной королевы и в метафоре «вместо сердца кусок льда». Здесь появляется возможность провести еще одну ассоциацию – физиологическую: холод снижает порог чувствительности человека вплоть до ее полной потери, и зло пользуется этим, подталкивая его к безнравственным действиям, т. е. сталкивая с прямого пути.

Обоснованно также предположить, что семантика бесчувственности проецируется далее на выражения «холодный прием» (т. е. *недоброжелательный*, *отстраненный*) и «темные дела» (т. е. *нечестные*, *зловредные*).

Тот же метафорический механизм позволяет, как мы полагаем, «перебросить мостик» и к значению и внутренней форме слова *кривотолки* – т. е. к разговорам, не только искажающим правду / истину, но и имеющим зловредную цель. Он реализуется, однако, при участии в качестве промежуточного звена слова *кривда*, о чем будет сказано подробнее далее.

Человек может быть воплощением зла, его адептом, но в современной картине мира зло мыслится как вполне самостоятельное начало. Вот контекст, и он корректен: «*своим бесконечным добром он доказал...*» или «*его добро*, *добро*, *которое от него исходило*, *было сильнее...*». Аналогичные контексты со словом *зло* не корректны. Показательно также, что в русском языке слово *зло* не имеет множественного числа в именительном падеже, но имеет его в родительном и может мыслиться множественно (мы *выбираем из двух*, *трех*, *пяти зол наименьшее*, *наибольшее*, *среднее*). Из примеров видно, что *зло* различается также и по качеству, и по размеру, в то время как *добро* едино и не разнится по характеристикам. Может быть, поэтому, сочетаемость слова *добро* с прилагательными бедная, тогда как у его антонима *зло* она богатая. Речевая прагматика слова *зло* не получила еще в русском языке достаточно подробного описания, однако само называние этого слова вызывает достаточно сильный ряд имплицитных ассоциаций, о которых мы писали. *Добро* действует, борется, *зло* побеждает, проигрывает, наказано. При этом зло нередко «результативнее» в неком общепринятом публичном смысле, позволяя если не прославиться, то приобрести известность.

Идея вражды, этимологически присущая этому понятию, по-прежнему актуальна: *держать зло на кого-то* значит таить его в себе, испытывать к кому-то злобу, а *срывать на ком-то зло* четко указывает на тот факт, что ошибка и зло «ходят совсем рядом». *Срывать* здесь связано с идеей, выраженной в глаголе *срываться*, т. е. неправомерно давать волю своим негативным эмоциям (когда *бес попутал*).

Таким образом, мы видим, что *зло* функционирует несколько иначе, чем *добро*, при выраженной антонимической симметрии этих понятий.

Французские представления о добре и зле

Французские понятия о добре и зле имеют существенные отличия. Обратимся к анализу этих понятий.

Существительное *bien* (n. m.) зафиксировано во французском языке в X в. и произошло от латинского наречия *bene* (прилагательное *bonus*, наречие *bien* – хорошо; ср. русское *дать добро* – согласиться, сказать: «хорошо»). *Bien* встречается по преимуществу в христианских текстах в значении ‘все, что справедливо, похвально, достойно’ (*les gens de bien*). С XI в. *un bien*, *des biens* означает также *богатство*, *собственность*. Мы видим, что до определенного момента два понятия имеют сходное развитие, обусловленное христианским контекстом.

В современном французском языке значение этого слова такое:

1. Благоприятное, то, из чего можно извлечь выгоду, то, что полезно для достижения поставленной цели;
2. Богатство, собственность;
3. Моральная ценность, то, что справедливо и честно [Dictionnaire général de la langue française, 1971–1978].

Уже тут мы видим разницу с русским понятием и даже противопоставление по ряду признаков. Прежде всего в русском языковом сознании у этого понятия нет ассоциации с выгодой, пользой, богатством, а скорее наоборот, есть ассоциация с бедностью.

Первые два значения французского слова имеют такие синонимы: *avantage*, *bénéfice*, *intérêt*, *profit*, *satisfaction*, *service*, *utilité*.

Второе – такие: *capitale*, *domaine*, *héritage*, *propriété*, *richesse*.

Теперь уже нет сомнений: да, сегодняшнее французское *добро* прагматично и корыстно.

Третье значение французского *добра* лежит в моральной плоскости: *devoir*, *idéal*, *perfection*, *charité* – но это скорее уточнение, классификация благотворительного действия. Французский менталитет с четырех сторон обрамляет понятие, разграничивает пространство вокруг него.

Французское *добро* чаще всего употребляется в первом и втором значениях, третье значение маргинально или используется в узкоспециальном морально-этическом контексте религиозных и философско-этических текстов.

Расширяя круг ассоциаций, мы можем поместить это слово в линейку с *fortune* и *occasion*, что еще отчетливее маркирует его связанность с материальной сферой жизни. *Fortune* покровительствует предприимчивому, *occasion* предоставляет возможность, а *bien* – это то, что результирует из усилий *fortune* и удачных *occasions. Bien* – это то, что получает человек, когда богиня обогащения потворствует ему, а случай помогает ему сберечь деньги.

Мы видим, что семантика этого понятийного гнезда, которая коренится в ментальности античного человека и восходит к его представлениям о фортуне, удаче и случае, существенно повлияла и на образ добра, отдалив его от православных трактовок.

Сочетаемость слова *bien* скудна, высшей силе или абсолюту его не уподобляет.

У слова *bien* в третьем значении такая сочетаемость: *discerner le bien du mal*, *faire le bien*, *pratiquer*, *poursuivre*, *rechercher le bien*, *tendre vers le bien rendre le mal pour le bien.* С прилагательными не сочетается, а отсюда вывод: *bien* не характеризуется качественно. Глагольная же сочетаемость подчеркивает прагматику, о которой мы писали выше.

Контекст *rendre le mal* (*le bien*) *pour le bien* (*le mal*) позволяет усмотреть, как и в глаголах практического действия, употребляемых с *le bien*, овеществление. Отличие русского *добра* от французского *bien* отчетливо видно еще и через дериваты *bon*, *bonne* и *la bonté.* Перевод на французский фразы *она добрая* / *он добрый* – трудная задача, наивный и непродвинутый спикер легко сядет в лужу, сказав: *elle est bonne*, что означает «она простовата». Вспомним далевское замечание об устаревшем русском толковании доброты, восходящем к юродству, и отметим, что ни и та, ни другая культура «не пожелали» оставить этот смысловой оттенок в своем активе.

Обычные русские эпитеты «добрый, хороший» плохо ложатся на французский менталитет и кажутся чуждыми французской культуре. Вместо них говорят конкретно: *il est gentil*, *sympa*, *chaleureux.* Французское *la bonté* (*n. f.*) – эквивалент русской *доброты*, но слово это из письменного языка, в живой речи малоупотребительно. В литературном языке в ироническом употреблении у этого слова часто проступает негативный смысловой оттенок: *faire qch par bonté d'âme* или *de cœur* означает «проявить жадность, скупость».

Когда французы действуют бескорыстно, они любят точность, дифференцируя понятия: *altruisme*, *indulgence*, *miséricorde* – так они будут обозначать свои проявления.

Любопытно, что перевести на французский «он, она добрее, чем...» очень сложно. А точнее, без ресурса синонимии, описанной выше, обойтись никак нельзя.

Итак, мы показали, сколь глубоки различия между французским понятием *bien* и русским понятием *добро*. Мы видим также, что *le bien* в образном аспекте не разработано, оно скорее предметно и пассивно. Мы можем также констатировать, что это понятие низкочастотно в употреблении, не является важной составляющей бытового сознания, определяющей этику его введения в речь. Отсюда, вероятно, идет восприятие французов русскими как людей холодных и расчетливых, не увлекающихся бескорыстными формами человеческого взаимодействия. Для русской картины мира существенное значение имеет установка «не имей сто рублей, а имей сто друзей», а все апрагматичное наделяется особой ценностью.

Французское понятие *зла*, выражаемое словом *le mal*, более понятийно и образно разработано, чем его антоним. *Le mal* – древний религиозный термин, прочитываемый во многих индоевропейских формах, образован от латинского прилагательного *malus* (впервые зафиксировано во французском источнике в 881 г.) – «плохой, зловещий, злой».

Существительное *le mal* образовано через субстантивацию прилагательного. *Mal* с первых же текстов обозначало понятие морально-этического ряда, антоним *bien* (в третьем значении). Оно употреблялось в христианских текстах, от него произведено имя дьявола

(*Le Malin*). В XI–XII вв. появляются другие известные сегодня значения этого слова – *болезнь* и *боль*, не входящие в гнездо значений русского слова *зло*. В XVII в. *faire le mal* означало *грешить*. В светских контекстах слово *mal* встречалось в уже цитировавшемся выражении *donner le mal pour le bien.*

В современном французском языке слово *le mal* имеет следующие значения:

1) то, что причиняет боль, огорчение, несчастье; то, что плохо, вредно, тяжело для кого-то;
2) страдание, физическое недомогание;
3) болезнь;
4) моральная боль;
5) то, что противоположно моральному закону, добродетели, добру;
6) абсолютное значение: все, что противоположно, противостоит добру [Dictionnaire général de la langue française, 1971–1978].

Анализ значения слова *le mal* показывает, что во французском языке одним и тем же словом обозначается боль душевная и физическая. Это свидетельствует о том, что душевная боль опосредуется через орган наивной анатомии – душа, и мыслится конкретно. Утрачен прагматический аспект значения, присутствовавший в слове *le bien*, универсальность и древность этого понятия вытесняет конкретику. Это отчетливо видно в библейских выражениях: *l'arbre de la science du Bien et du Mal*, *par delà le Bien et le Mal*, *le monde partagé entre le Mal et le Bien etc.* Показательно в контексте данной статьи, что абсолютное значение слова *le mal* Le Robert дает последним, а это – маркер его малоупотребительности. Но вторичная конкретизация понятия отчетливо видна из сочетаемости:

- couper le mal à sa source, couper le mal, attaquer le mal à la racine, extirper le mal, tarir la source du mal, le mal a des ailes, le mal vient à cheval et s'en retourne à pied;
- réparer dénoncer, enrayer, un mal; être enclin au mal;
- le mal triomphe, règne.

Из приведенной сочетаемости мы видим, что *le mal* оформляется образно как

1) растение со стеблем, которое можно выдернуть и срезать;
2) ручей, источник с устьем;
3) хтоническое существо, сочетающее в себе связанные с землей архетипические черты: хвост, крылья, яд. Образ летающей рептилии, дракона с налитым ядом жалом очевидным образом связывает его с глубокой древностью [Smith, 1919].

Таким образом, зло во французском языке способно одушевляться, оно может царить и побеждать и подпитывается земными соками из некоего глубокого источника. В этих представлениях о нем мы видим много общего с образом дьявола, в имени которого, как мы уже писали, присутствует та же корневая основа.

Коннотация, связанная с образом растения, легла в основу метафоры *les fleurs du mal*, созданной Ш. Бодлером и укоренившейся в языке. Она подкрепляется также латинским выражением *Mala herba cito crescit.*

Важно, однако, уточнить, что во французском миропонимании представления о добре и зле развиваются исключительно в области философско-религиозных исканий, не захватывая в свою орбиту обыденное профанное сознание, которое склонно в этом случае обращаться к более конкретным понятиям.

Итак, подведем итоги.

Во французском обыденном сознании понятие, эквивалентное русскому *добру*, а также и *доброте*, – иное. Это опять же связано с особенностями отношения к понятию и этической оценке бескорыстного действия. Налицо конфликт христианской и обыденной картин мира, в обыденном сознании более активными оказываются идеи, связанные с прагматическим успехом, и понятие *добра* выглядит поэтому в православной перспективе несколько «ущемленным». Это подтверждается также наличием особых «французских» смыслов, обнаруживающихся в словах *fortune*, *occasion*, *vérité.* Эпитеты, характеризующие поведение человека с точки зрения нравственной категории добра (*добрый*, *хороший*), также имеют свою специфику: на наш взгляд, они описывают не идеальную суть категории, а социально значимые ее проявления. Мы предлагаем связать это различие двух ментальностей с восхождением понятий *добра* и *зла* к принципиально разным истокам.

Во французском менталитете преобладает приверженность античным ценностям. Эти ценности состоят в поклонении логической целесообразности, практичности, благу. У нас не так: мы наследники и носители православной этики, наша молодая светская культура, не более чем трехвековая, ничего православию противопоставить не смогла. Мы не переживали многократного ренессанса былых ценностей, мы не видели возрождения эпического и мифологического субстрата, как это было в Европе. Фольклор пришел в нашу письменную культуру только в XIX в., в то время как в Европе все эти пласты активно «работали» на мировоззрение с эпохи Ренессанса. Русская картина мира во многих своих проявлениях исповедует сознание не конкурентное, а мировое, в котором процветают понятия *добра*, *любви* и *дружбы*. Мы ценим равенство и подобие и с трудом миримся с индивидуализмом, связанным с идеей успеха кого-то одного в ущерб другим.

По основным признакам французские понятия добра и зла могут быть охарактеризованы следующим образом:

Базовые признаки	Ментальность	
	русская	французская
ДОБРО / BIEN		
Источник	Не известен	Лат. *хорошо*
Актуальные взаимосвязи	Бескорыстие	Корысть (деньги, благосостояние)
Образ	Жатва, колос	Нет
Членение ситуации	2 термина: благо, добро (материальное / нематериальное)	1 термин: *bien*, но означает и зло, и болезнь
Влияние	Христианство	Античность
Человек	Активен: давать, прощать	Пассивен: иметь
ЗЛО / MAL		
Источник	Кривой, враг, Мара	Плохой, дьявол
Актуальные взаимосвязи	То, что хочет причинить вред	То, что мучает
Образ	Сорняк, холод, мрак	Сорняк, дракон
Членение ситуации	1 термин: зло	1 термин: зло
Влияние	Христианство	Христианство
Человек	Активен	Активен

Влияние этих ключевых представлений ощущается во многих смысловых полях и среди самых разнообразных понятий.

Список литературы

Голованивская М. К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концепты в представлении французов и русских. М., 2009. 402 с.

Даль В. Толковый словарь: В 4 т. М., 1955. 2720 с.

Иванов В. В. Близнечные мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 174–176.

Иванов С. А. Византийское юродство. М., 1994. 234 с.

Кузнецов Б. Г. Эволюция картины мира. М., 1961. 352 с.

Новый объяснительный словарь синонимов. М., 1995. 488 с.

Славянская мифология (энциклопедический словарь). М., 1995. 512 с.

Уемов А. И. Истина и пути ее познания. М., 1985. 88 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Астрель, 2004. Т. 3. 830 с.

Философский энциклопедический словарь. М., 1983. 840 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1994. Т. 1. 624 с.

Штернберг Л. Я. Античный культ близнецов в свете этнографии // Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. 603 с.

Dictionnaire général de la langue française / Dir. par A. Hatzfeld, A. Darmesteter, M. A. Thomas. Paris, 1971–1978.

Griffith J. The Human Condition. Sidney: WTM Publishing and Communications Pty Ltd, 2011. 803 p.

Smith G. E. The evolution of the dragon. Manchester, 1919. 234 p.

Материал поступил в редколлегию 01.03.2018

Maria K. Golovanivskaya

Lomonosov Moscow State University
1/13-14 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

golovanivskaya@gmail.com

ABSOLUTES IN NATIONAL VIEWS OF THE WORLD: REPRESENTATIONS OF FRENCH PEOPLE AND RUSSIANS ABOUT GOOD AND EVIL / RIGHT AND WRONG

The article is devoted to a contrastive analysis of the categories of good and evil / right and wrong in the French and Russian mentality. These notions belong to the basic worldview categories. In the formation of these concepts, mythological substrata, philosophical systems of different epochs, and religious doctrines also take part. The result of the study shows that the Russian conception of good and evil was mostly influenced by Christianity, while the French one -- by the antiquity. This determines the characteristics of all the concepts derived. The most striking differences between the French mentality and the Russian one are seen in the analysis of a concept that sounds like *good* (*dobro*) in Russian. In the French ordinary consciousness, it is quite different (as well as kindness). We associate this fact with the specific interpretation in the French culture of the concept of disinterested action. Undoubtedly, it is present in the French mind, due to Christian principles, but in everyday consciousness the ideas connected with pragmatic activity aimed at human prosperity (good) turn out to be more prominent. This is confirmed not only by the infringement of the concept of good in the French language, which is seen in compatibility, but also by special meanings, which appear in the *fortune*, *occasion*, *vérité*, accentuating the good. Epithets characterizing human behavior from the point of view of this particular moral category («good, kind») are also replaced by epithets that describe not the essence of temper but socially significant manifestations of it. We associate this difference between two cultures with the ascent of these concepts to fundamentally different origins.

Keywords: binary myth, language history, Christianity, antiquity, mentality.

References

Dal V. Tolkovyi slovar' [Dictionary]. In 4 vols. Moscow, 1955. 2720 p. (in Russ.)

Dictionnaire général de la langue française. Dir. par A. Hatzfeld, A. Darmesteter, M. A. Thomas. Paris, 1971–1978.

Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of Russian]. Moscow, Astrel', 2004, vol. 3, 830 p. (in Russ.)

Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow, 1983, 840 p. (in Russ.)

Griffith J. The Human Condition. Sidney, WTM Publishing and Communications Pty Ltd, 2011, 803 p.

Ivanov S. A. Vizantiiskoe yurodstvo [Byzantine foolishness for Christ]. Moscow, 1994, 234 p. (in Russ.)

Ivanov V. V. Bliznechnye mify [Twins in mythology]. *Mify narodov mira: Entsiklopediya* [*Myths of nations: Encyclopedia*]. Moscow, 1980, vol. 1, p. 174–176. (in Russ.)

Kuznetsov B. G. Evolyutsiya kartiny mira [Views of world evolution]. Moscow, 1961, 352 p. (in Russ.)

Novyi ob"yasnitel'nyi slovar' sinonimov [New explanatory dictionary of synonyms]. Moscow, 1995, 488 p. (in Russ.)

Shternberg L. Ya. Antichnyi kul't bliznetsov v svete etnografii [Antique cult of twins in terms of ethnography]. *Pervobytnaya religiya v svete etnografii* [*Primitive religion in terms of ethnography*]. Leningrad, 1936, 603 p. (in Russ.)

Slavyanskaya mifologiya (entsiklopedicheskii slovar') [Slavic mythology (encyclopedic dictionary)]. Moscow, 1995, 512 p. (in Russ.)

Smith G. E. The evolution of the dragon. Manchester, 1919, 234 p.

Uemov A. I. Istina i puti ee poznaniya [Truth and ways of knowing it]. Moscow, 1985, 88 p. (in Russ.)

For citation:

Golovanivskaya Maria K. Absolutes in National Views of the World: Representations of French People and Russians about Good and Evil / Right and Wrong. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 77–87. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-77-87

УДК 811.554
DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-88-101

С. Н. Курилова

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027, Россия

samonakur@mail.ru

АУГМЕНТАТИВНОСТЬ КАК АФФИКСАЛЬНО МАРКИРОВАННАЯ КАТЕГОРИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ЮКАГИРСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ТУНДРОВЫХ ЮКАГИРОВ)

Аугментативность (увеличительность) как один из компонентов категории количества передает субъектно-оценочное значение большого размера или усиления признака. Основным способом выражения категории аугментативности в юкагирском языке является увеличительный аффикс *-тэгэ* и его вариант *-ткэ*. Данный аффикс реализует увеличительное значение с лексическими единицами таких знаменательных и служебных частей речи юкагирского языка, как имя существительное, глагол, местоимение, модальная частица и междометно-модальное слово. Проведена классификация аугментативов по значению и по частеречному происхождению основы. Специфика показателя *-тэгэ* ~ *-ткэ* заключается в регламентации их употребления в зависимости от конечного звука корня или основы.

Ключевые слова: язык тундровых юкагиров, увеличительность, аугментатив, части речи, корень, мотивирующая основа, аффикс, вариант, разновидность, способ действия.

Юкагиры – один из древнейших автохтонных народов Восточной Сибири, некогда населявший обширные территории современной Якутии и говоривший на нескольких диалектах, из которых сейчас функционируют всего два – тундровый и лесной. Условно юкагирский язык принято относить к палеоазиатской группе языков с агглютинативным морфологическим строем с преобладанием суффиксальности. Исследования последних десятилетий выводят диалекты тундровых и лесных юкагиров на уровень самостоятельных, но родственных языков, поскольку они существенно различаются на лексическом и морфологическом уровнях. Сегодня эти языки имеют статус исчезающих, поэтому любые исследования, предпринятые в их отношении, актуальны и крайне важны. На тундровом юкагирском языке говорят около 30 человек, а на лесном – меньше пяти. В настоящей статье мы хотели бы рассмотреть одну из категорий юкагирского языка – аугментативность (увеличительность) как выражение большеразмерности и интенсивности признака или действия в аффиксальной системе частей речи языка тундровых юкагиров.

В языкознании увеличительность как особое языковое значение и явление рассматривается либо традиционно в категории субъективной оценки (см. [Шахматов, 2006. С. 61; ГРЯ, 1960. С. 23; РГ, 1980. С. 264; Crystal, 2008. P. 44] и др.), либо вне нее, так как выражает количественную оценку, а не субъективное ментальное «увеличение» [Пеньковский, 2004. С. 42]. Вопрос о грамматическом статусе увеличительных аффиксов не решен однозначно и остается открытым. Одни исследователи рассматривают увеличительные аффиксы как словообра-

Курилова С. Н. Аугментативность как аффиксально маркированная категория частей речи в юкагирском языке (на материале языка тундровых юкагиров) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 88–101.

ISSN 1818-7935
Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 3
© С. Н. Курилова, 2018

зовательные дериваты, а за словами с увеличительными аффиксами признают статус отдельных лексем (см., например, [Аксаков, 1860. С. 59; Шахматов, 2006. С. 61; Фортунатов, 1956. С. 155]), другие – как формообразовательные, и, соответственно, аугментативные образования считают формами слова (см. [Буслаев, 1881. С. 143; Виноградов, 1975. С. 112; Павский, 1850. С. 147, 179] и др.), третьи – как промежуточное явление между словами с особыми лексическими значениями и грамматическими формами слова (см. [Виноградов, 1972; Сорокин, 1961. С. 24] и др.). Синонимичный термин «аугментатив» получил распространение в российской лингвистике от английского слова *augmentative*, восходящего к латинскому *augment*, *augmentum* ‘увеличение’. Образование аугментативов происходит в основном суффиксально. Они, как правило, сочетают размерное и оценочное значения – размер, количество, увеличение, усиление. При этом увеличительные аффиксы вносят дополнительные оценочные значения грубости, пренебрежения, интенсивности, степени (см. [Ломоносов, 1788. С. 103; Востоков, 1931. С. 15; Аванесов, Сидоров, 1945. С. 110; Проблемы функциональной грамматики…, 2013. С. 124] и др.).

С позиции функциональной грамматики категория аугментативности рассматривается как элемент микрополя интенсивности признака или интенсивности действия, включающегося в макрополе количественности [Маслов, 1978. С. 18–21]. Интенсивность в классическом понимании трактуется как семантическая категория, объединяющая «все различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы и т. п.» [Балли, 1961. С. 202]. В категорию интенсивности входят языковые средства, которые в зависимости от расположения в одной из зон – «меньше нормы» (субординарная позиция), «норма» (ординарная), «больше нормы» (суперординарная) – могут быть низкоинтенсивными и высокоинтенсивными [Туранский, 1990. С. 31; Маслов, 2004. С. 321; Федосеев, 2006. С. 4]. Если зону «меньше нормы» представляют языковые единицы со значением ослабленной интенсивности (диминутивы), то зону «больше нормы» – слова со значением повышенной интенсивности (аугментативы). Объектом нашего анализа выступают словообразовательные средства, представляющие зону «больше нормы». В центре внимания находятся слова и формы слов с аугментативным значением и один из интенсивных способов глагольного действия – аугментативный. Под способом действия мы понимаем семантические группировки акциональных глаголов, выделяемые на основании общности типа протекания действия [Бондарко, 1967. С. 12; Маслов, 1984. С. 10–14].

В языке тундровых юкагиров исследователи выделяют две семантически противопоставленные друг другу деривационные морфемы, передающие субъектно-оценочное значение: с одной стороны, большого размера или усиленного признака *-тэгэ* и, с другой – малого размера или ослабленного признака *-диэ* [Иохельсон, 1934. С. 164; Крейнович, 1958. С. 25; 1982. С. 36–40; 138, Maslova, 2003. P. 48–49; Курилов, 2006. С. 70–71]. В данной статье охарактеризованы аугментативные формы слов в языке тундровых юкагиров, которые образуются посредством увеличительного аффикса *-тэгэ*, формирующего категорию аугментативности у различных частей речи.

Юкагироведы отмечают наличие у увеличительного аффикса *-тэгэ* варианта *-ткэ* [Крейнович, 1968. С. 439; 1982. С. 36; Maslova, 2003. P. 48; Курилов, 2006. С. 70–71]. Кроме того, увеличительный аффикс *-тэгэ* и его вариант *-ткэ* могут иметь звуковые разновидности, одинаковые по значению и занимаемой позиции в слове, но различающиеся по качеству фонем. Это виды *-ттэгэ* и *-ттэги* с геминизированным согласным, виды с измененным конечным гласным *-т*(*т*)*эги*(*и*) и *-тки* или усеченным *-т*(*т*)*эг*. С точки зрения Г. Н. Курилова, геминизация согласного *т* может быть связана с экспрессивной стороной увеличительного аффикса (*илэ-**ттэгэ*** ‘оленище, олень очень крупного размера’) [Курилов, 2006. С. 70]. Следует отметить, что гемината *т* также встречается в междометиях (*кэгэ**тт**эгэгээй* ‘ну и молодец, ну и безобразник’, *о**тт**атай* ‘фу’, *э**тт**уо* ‘ой, ну и ну’) и в морфемном образовании *-ттэрэй* для передачи однократно-мгновенного действия у глаголов юкагирского языка (*көчи-**тт**эрэй*= ‘выдернуть резким движением’, ср. *көчи-дьи*= ‘дергаться’).

В результате анализа имен существительных с увеличительным аффиксом установлено, что довольно сложно регламентировать употребление одного из вариантов *-тэгэ* и *-ткэ*. При первом, обзорном взгляде, бросается в глаза следующая не совсем четкая закономерность. Независимо от звукового состава основы в целом, качества начального звука, наличия иного

аффикса в основе, большая часть имен существительных, заканчивающихся на краткие и долгие гласные (*нада* ‘волк’, *ланҕаа* ‘лохмач’, *аawии* ‘одеяло большого размера’, *йэрэгуу* ‘равнина’, *көдэ* ‘человек’), дифтонги (*пэлдудиэ* ‘старик’) и согласные (*лачил* ‘огонь’, *хайль* ‘камень’, *чамарукун* ‘нечто большое’, *сохуор* ‘слепой’), оформляются вариантом *-тэгэ*. Вариант *-ткэ* встречается с основами имен существительных, заканчивающимися только на краткие гласные (*хawарха* ‘яма’, *йаҥдэ* ‘гусь’). Если относительно имен существительных, оканчивающихся на согласный звук и употребляющихся с аффиксом *-ткэ*, понятно, то с именами существительными, оканчивающимися на гласные звуки, ситуация сложнее. Некоторым исследователям представляется, что употребление одного из вариантов обусловлено последним звуком мотивирующей основы: более короткая морфема (*-ткэ*) сочетается с основами на гласный *э*, а более длинная (*-тэгэ*) – с другими вокалическими и со всеми консонантными основами [Николаева, Хелимский, 1996. С. 158].

Интересное объяснение представлено Е. А. Крейновичем, разграничивающим в юкагирском языке два класса имен существительных, которые мы дополним по результатам наших наблюдений. Первый класс включает все имена существительные, основа которых оканчивается на:

- согласные *л*, *ль*, *н*, *р* [Крейнович, 1982. С. 36], а также, по нашим наблюдениям, *к*, *ҥ*, *п*;
- краткие гласные *э*, *и*, *а* (под ударением) [Крейнович, 1982. С. 40], а также, по нашим наблюдениям, долгие *ии*, *уу*, *аа*, дифтонги *иэ*, *уо*.

К именам существительным первого класса, оканчивающимся на перечисленные выше звуки, присоединяется аффикс *-тэгэ*. В некоторых случаях конечный согласный *л* может опускаться, но к основе все равно примыкает *-тэгэ*, как если бы *л* сохранился:

(1) *саал* ‘дерево’ > *саа-**тэгэ*** ‘большое дерево’. Например:
*Чама **саа-тэгэ** алун мэ саҕанаа-й.*
большой дерево-AUG внизу AFF сесть-INTR:3SG
‘Под большим деревом сел=он’ [Курилов, 2013. С. 61].

Второй класс представлен именами существительными, оканчивающимися на гласный *а* и его исторически позднюю форму *э*. По мнению Е. А. Крейновича, в древнем юкагирском языке второй класс некогда включал основы с исходом на *а*, который позднее развился в *э* и *о*, что и «нарушило четкость этой системы, и теперь это явление приходится восстанавливать по сохранившимся в языке следам» [Крейнович, 1982. С. 38]. Так, сопоставляя юкагирские основы и морфемы с уральскими, он обосновывает примыкание *-ткэ* к слову *чоҕойэ* ‘нож’ тем, что исторически исходной формой этого слова было *чоҕойа*, и это относится ко всем словам на *-йэ* [Там же]. То же самое касается слов на *-дэ*, *-дьэ*, *-лэ*, *-мэ* и *-чэ*: *йаҥда* > *йаҥдэ* ‘гусь’ > *йаҥдэ-**ткэ*** ‘большой гусь’, *хаалидьа* > *хаалидьэ* ‘волк’ > *хаалидьэ-**ткэ*** ‘волчище’, *ньанма* > *ньанмэ* ‘тальник’ > *ньанмэ-**ткэ*** ‘большой тальник’, *wаawача* > *wаawачэ* ‘русский’ > *wаawачэ-**ткэ*** ‘большой русский’ и др.

Е. А. Крейнович рассматривает также слова с основой на *-пэ*, восходящий, по его мнению, к корню *по=* в слове *пойуонь=* ‘быть многочисленным’, который первоначально имел форму *па=* > *пайуонь=* [Там же. С. 39]. Это во многом объясняет, почему слова на *-пэ* присоединяют вариант *-ткэ* (*угурчэ* ‘обувь; сапог’ > *угурчэ-пэ* ‘сапоги’ > *угурчэ-пэ-**ткэ*** ‘сапожищи’ (обувь-PL-AUG) [Курилов, 2001. С. 194]). Однако если показатель множественного числа имеет усеченную форму, то следует примыкание *-тэгэ*: *муоха* ‘чир’ > *муоха-пэ* ‘чиры’ > *муоха-п-**тэгэ*** ‘большие чиры’ (чир-PL-AUG) [Курилов, 2013. С. 44], *көнпэ* ‘люди’ > *көнпэ-пул* собир. ‘люди’ > *көнпэ-п-**тэгэ*** ‘взрослые люди’ (люди-PL-AUG) [Курилов, 2001. С. 162]. Конечный *-пэ* у таких имен существительных, как *пайпэ* ‘женщина’ и *кэйпэ* ‘мужчина’, также утратил значение множественного числа *-па* > *-пэ*: *пайпа* > *пайпэ* ‘женщина’ > *пайпэ-**ткэ*** ‘бабище’ [Курилов, 2005. С. 284], *кэйпа* > *кэйпэ* ‘мужчина’ > *кэйпэ-**ткэ*** ‘мужичище’ [Крейнович, 1982. С. 39]. К этому утверждению добавим другой пример, когда вариант сменяется при появлении показателя множественного числа:

(2) *хундиэ* ‘ездовой олень’ > *хундиэ-**тэгэ*** ‘ездовой олень-самец старше шести лет’ > *хундиэ-пэ-**ткэ*** ‘ездовые олени-самцы старше шести лет’ (ездовой.олень-PL-AUG) [Курилов, 2005. С. 456].

Учитывая факт исторического чередования звуков, к исходной мотивирующей форме также нужно обращаться и в случаях с заимствованиями. Так, например, русизм *кухльаанкэ* восходит к колымскому диалектному слову *куклянка ~ кухлянка* ‘верхняя одежда из оленьих шкур с капюшоном без распаха’ [Аникин, 2000. С. 315; Зотов, 2010. С. 238, 242]. В языке-источнике основа оканчивается на *а*, следовательно, аугментативная форма образуется с вариантом *-ткэ*: *кухльаанкэ-**ткэ*** ‘огромная кухлянка’ [Курилов, 2001. С. 391].

Почему в исключительных случаях аффикс *-тэгэ* присоединяется к именам существительным на ударенный *а* или, по нашим наблюдениям, на долгий *аа*, объяснения пока нет. Например, существительное *чуохиндьаа* ‘черный жук’ зафиксировано с двумя вариантами увеличительного аффикса – *чуохиндьаа-**тэгэ*** и *чуохиндьаайэ-**ткэ*** ‘большой черный жук’ [Там же. С. 412, 572]. Во втором варианте аугментатива на *-ткэ* наблюдается расширение слоговой структуры, однако, по нашему мнению, количество слогов в слове не регламентирует употребление того или иного варианта увеличительного аффикса (см. [Курилов, 2006. С. 70]). Сравните:

- двухсложное слово: *нимэ* ‘дом’ > *нимэ-**ттэгэ*** ‘большой дом’ [Курилов, 2005. С. 134], *инмэ* ‘росомаха’ > *инмэ-**ткэ*** ‘большая росомаха’ [Там же. С. 242];
- трехсложное слово: *лаҕабуо*р ‘коряга’ > *лаҕабуор-**тэгэ*** ‘большая коряга’ [Там же. С. 280], *хаалидьэ* ‘волк’ > *хаалидьэ-**ткэ*** ‘волчище’ [Курилов, 2001. С. 578];
- четырехсложное слово: *паҕадьиидиэчии* ‘звезда’ > *паҕадьиидиэчии-**тэгэ*** ‘большая звезда’ [Там же. С. 538], *нонҕалаwйэ* ‘курительная трубка’ > *нонҕалаwйэ-**ткэ*** ‘большая курительная трубка’ [Там же. С. 289].

Однако, по мнению Е. А. Крейновича, именно конечный гласный основы определяет выбор варианта увеличительного аффикса. В подтверждение исследователь приводит формы слов с притяжательным показателем *-ги*: *лаамэ* ‘собака’ > *лаамэ-**ткэ*** ‘большая собака’ > *лаамэ-ги-**тэгэ*** ‘его большая собака’ [Крейнович, 1982. С. 40]. Показатель притяжательности *-ги* обычно следует сразу за основой имени существительного (*йаwул* ‘след’ > *йаwул-ги* ‘его / ее след’ [Курилов, 2006. С. 75]). Но в аугментативах показатель *-ги* свободно меняет свою позицию, например:

(3) *чуул* ‘мясо’ > *талаw чуул-ги* ‘мясо дикого оленя’ > *талаw чуул-ги-**тэгэ*** ‘огромная туша дикого оленя’ (дикий.олень мясо-RP-AUG) [Курилов, 2005. С. 304];

(4) *аҥа* ‘рот’ > *аҥа-**ттэгэ*** ‘большой рот’ > *аҥа-**ттэгэ**-ги* ‘его большой рот’ > *тадаа аҥа-**ттэгэ**-ги льиэ-льэл-у-л* ‘там у него был большой рот, оказывается’ (там рот-AUG-RP быть-INFR-0-OF:3) [Там же. С. 406];

(5) *алба* ‘низ’ > *алба-**ткэ*** ‘большая нижняя часть’ > *алба-**ткэ**-ги* ‘его нижняя часть’ > *унумэчуо алба-**ткэ**-ги* ‘большая нижняя часть серьги’ (серьга низ-AUG-RP) [Maslova, 2003. P. 49].

Характеризуя особенности образования качественных глаголов в юкагирском языке, Е. А. Крейнович рассматривает увеличительный аффикс как средство передачи превосходной или чрезмерной степени сравнения [Крейнович, 1982. С. 105].

Рассмотрим более подробно суффикс, репрезентирующий и формирующий категорию аугментативности различных частей речи в языке тундровых юкагиров.

Имена существительные

Увеличительный аффикс *-тэгэ* и его вариант *-ткэ* обозначают, что предмет имеет большой размер, больше нормы. Речь идет об аугментативности с указанием на размер сравнительно больших объектов, например:

(6) *аҥа* ‘рот’ > *аҥа-**ттэгэ*** ‘большой рот’ [Курилов, 2005. С. 406];

(7) *хайль* ‘камень’ > *хайль-**тэгэ*** ‘большой камень’ [Курилов, 2001. С. 378];

(8) *илийэ* ‘ветер’ > *илийэ-**ткэ*** ‘сильный ветер; пурга’ [Курилов, 2013. С. 49].

Показатель *-тэгэ* также встречается в номинациях с указанием на возраст, например:

(9) *уо* ‘ребенок’ > *уо-**тэгэ*** ‘старший ребенок’ [Курилов, 2001. С. 588];

(10) *лайбуо* ‘младший из детей’ > *лайбуо-**тэгэ*** ‘самый младший из детей’ [Курилов, 2001. С. 415];

(11) *хундиэ* ‘ездовой олень’ > *хундиэ-**тэгэ*** ‘ездовой олень-самец старше шести лет’ [Курилов, 2005. С. 346].

Размерное значение увеличительного аффикса может быть осложнено положительным или отрицательным оценочным значением, например:

(12) *апаналаа* ‘старуха’ > *апаналаа-**тэгэ*** ‘почтенная старуха’ [Курилов, 2001. С. 606];

(13) *чайлэ* ‘день’ > *чайлэ-**ткэ*** ‘великий день’ [Там же. С. 519];

(14) *кукул* ‘черт’ > *куку-**ттэгэ*** ‘препротивный черт’ [Там же. С. 603].

В некоторых словах, например *ньамиидьиткэ* ‘лебедь’ и *хайчиэтэгэ* ‘медведь’, увеличительный аффикс утратил свое словообразовательное значение в процессе лексикализации и стал частью основы слова.

В результате семантико-морфологического освоения иноязычные лексемы в юкагирском языке могут принимать увеличительный аффикс, как и исконные номинации, например:

(15) рус. *больница* > юк. *больница-**ткэ*** ‘большая больница’ [Там же. С. 569];

(16) рус. диал. *увал* [1] [Аникин, 2003. С. 629–630] > юк. *ибал-**тэгэ*** ‘большая едома’ [2] [Курилов, 2005. С. 232];

(17) як. *ураса* [3] [Пекарский, 1959. С. 3062] > юк. *урасаа-**тэгэ*** ‘большая ураса’ [Крейнович, 1982. С. 39].

Увеличительный аффикс может присоединяться к именам нарицательным, характеризуя значимые или отличительные признаки объекта.

(18) *Татуор* ‘Татор’ (мужское имя) > *Татуор-**тэгэ*** ‘Великий / Большой Татор’ [Курилов, 2007б. С. 121];

(19) *йоҕул* ‘нос’ > *Йоҥ-**тэгэ*** ‘Большой нос (название местности)’ [Курилов, 2005. С. 418];

(20) *ланҕаа* ‘лохмач’ > *Ланҕаа-**тэгэ*** ‘Лохмач (кличка собаки)’ [Курилов, 2001. С. 198];

(21) *сохуор* ‘слепой’ > *Сохуор-**тэгэ*** ‘Одноглазый (кличка старого оленя)’ [Там же. С. 443].

Встречаются примеры, в которых аугментативность выражается дважды. Во-первых, имя, содержащее увеличительный аффикс, сочетается с прилагательным *чама* ‘большой’ и производными от него словами, указывающими на необычайно большой размер или яркий отличительный признак предмета. Такие примеры содержат субъективно-экспрессивную оценку величины или отличительного признака предмета:

(22) *аал* ‘плот’ > *чама аал-**тэгэ*** ‘большущий плот’ (большой плот-AUG) [Курилов, 2001. С. 601];

(23) *хайль* ‘камень’ > *чамуо-дьэ хайль-**тэгэ*** – ‘большущий камень’ (быть.большим-PART камень-AUG) [Курилов, 2005. С. 240];

(24) *чама* ‘большой’ > *чамарукун* ‘нечто большое’ > *чама-рукун-**тэгэ*** ‘нечто огромное’ (большой-вещь-AUG) [Курилов, 2001. С. 467];

(25) *чумур* ‘холм’ > *чумур-ги-**тэгэ** чамуо-**тэги*** ‘большой его холм – большущий’ (холм-RP-AUG быть.большим-AUG:3SG) [Там же. С. 565].

Во-вторых, двойная аугментативность возможна и в пределах одного слова, когда увеличительный аффикс дублируется, например: *лэрпу-**ткэ-ткэ*** ‘большая собака с густой лохматой шерстью’ [Там же. С. 222]. Каждый аффикс имеет отношение к определенному признаку

[1] Увал – вытянувшаяся в длину возвышенность с пологими склонами.
[2] Едома – плосковерхий холм или невысокая гряда с мелким лесом на равнинах тундр.
[3] Ураса – в прошлом легкий тип жилища у якутов, конусообразный шалаш из жердей, обтянутый берестой.

предмета, степень проявления которого сопровождается субъективными эмоционально-оценочными смысловыми оттенками. Мотивирующую основу слова составляет качественный глагол *лэрпунэ*= ‘быть лохматым’, это указывает на то, что речь идет об объекте, имеющем густую длинную шерсть.

Возможно также сочетание увеличительного -*тэг*(э) и уменьшительного -(*д*)*иэ* аффиксов, используемое как средство усиления (экспрессивности), где увеличительный аффикс призван усилить семантику уменьшительного:

(26) *лаwйэ* ‘вода; водное пространство’ > *лаwйэм-диэ* ‘озеро небольшого размера, озерцо’ > *лаwйэм-диэ-**тэгэ*** ‘малюсенькое озерцо’ (озеро-DIM-AUG) [Курилов, 2001. С. 188, 380];

(27) *лаамэ* ‘собака’ > *лаамэ-ги* ‘его собака’ > *лаамэ-ги-**тэг**-иэ* ‘его крошечная собачка’ (собака-RP-AUG-DIM) [Там же. С. 583];

(28) *моҥо* ‘шапка’ > *моҥо-ги* ‘его шапка’ > *моҥо-ги-**тэг**-иэ* ‘его малюсенькая шапка’ (шапка-RP-AUG-DIM) [Курилов, 2005. С. 410];

(29) *уо* ‘ребенок’ > уо-ги ‘ее ребенок’ > *уо-ги-**тэг**-иэ* ‘ее крошечный ребенок’ (ребенок-RP-AUG-DIM) [Курилов, 2001. С. 324].

Имена существительные с увеличительным аффиксом изменяются по тем же падежам, что и остальные имена существительные в юкагирском языке.

(30) *Ньоронпуриэ-пэ – потинэ-й пуойэ-пэ – **йэрэгуу-тэгэ-лэ** ньамучэрэй-сэ-ҥаа!*
морошка-PL быть.полным-PART щека-PL равнина-AUG-ACC покраснеть-CAUS-TR:3PL
‘Ягоды морошки – полные щеки – **большую равнину** красной делают’ [Курилов, 2007а. С. 3];

(31) *Пудэ-т, йөкэ-т ичуойуол-дэ – ньааwэ-й **wадун-нимэ-ттэгэ-ҕанэ**.*
улица-ABL далеко-ABL быть.просматриваемым-SS:IPFV быть.белым-PART юкагирский-дом-AUG-ACC
‘Когда с улицы, издалека смотришь, (видно) белую **большую юкагирскую ярангу**’ [Struchkova, 2016. P. 14]

(32) *Маарха-н чама **ибал-тэгэ-ҕа** тинэ саа-пэ-ги мэ йуо-нун-у-й.*
один-AT большой увал-AUG-LOC раньше могила-PL-RP AFF увидеть-HAB-0-TR:1PL
‘На одном высоченном **увале** раньше их могильные лабазы были видны’ [Курилов, 2005. С. 413];

(33) *Мит йаwл чама **мугил-тэгэ-ҕан** ат уу-й.*
наш тропа большой длинная.сопка-AUG-PROL SBJV идти-INTR:3SG
‘Наша тропа **через большую длинную сопку** бы прошла’ [Курилов, 2013. С. 75];

(34) *Пурэнбан-дьэ **хаwарха-ткэ-ҕат** кэриэ-р, мэт угурчэ пунь-и-ҥ.*
быть.высоким-PART ящик-AUG-ABL упасть-SS мой нога убить-0-TR:1SG
‘С высокого **большого ящика** упав, свою ногу повредил=я’ [Курилов, 2001. С. 549].

Глаголы

В юкагирском языке разновидность увеличительного аффикса -*тэги* и его вариант -*тки* участвуют в образовании квантитативных способов глагольного действия, а именно аугментативного способа действия (далее АСД). Усиленная степень интенсивности выражается в глагольных основах с -*тэги* ~ -*тки*, обозначающих степень проявления признака или действия как превышение нормы. При этом мотивирующая основа может перемещаться от зоны «меньше нормы» (ослабленная степень интенсивности) к зоне «больше нормы» (усиленная степень интенсивности) в зависимости от употребляемого уменьшительного (-*чии*) или увеличительного (-*тэги* ~ -*тки*) аффикса.

(35) *понхочэнь*= ‘быть пухлым’ > *понхочэн-чии*= ‘быть слегка пухлым’ (быть.пухлым-DIM) [Курилов, 2001. С. 382], *понхочэн-**тэги***= ‘быть очень пухлым’ (быть.пухлым-AUG) [Курилов, 2001. С. 459];

(36) *ньааwэ*= ‘быть белым’ > *ньааwаа-чии*= ‘быть беловатым’ (быть.белым-DIM) [Курилов, 1991. С. 20; 2001. С. 301], *ньааwэ-**тки***= ‘быть очень белым’ (быть.белым-AUG) [Курилов, 2001. С. 116, 302, 605].

В зависимости от частеречного статуса основы аугментатива глаголы АСД в юкагирском языке можно разделить на следующие группы:

а) интенсивно-нормативные: признак, обозначаемый глагольной основой, образованной от имени существительного при помощи аффикса обладания, проявляется в усиленной степени, например: *йоӈул-ньэ-тки*= (нос-COM-AUG) ‘иметь огромный нос’ [Курилов, 2001. С. 122], *лаамэ-нь-тэги*= (собака-COM-AUG) ‘иметь огромную собаку’ [Курилов, 2005. С. 246], *энмур-ньэ-тки*= (рог-COM-AUG) ‘иметь огромные рога’ [Курилов, 2001. С. 600];

б) интенсивно-качественные: признак или качество предмета, обозначаемые основой, проявляются в высокой степени, например: *wэйлуол*= ‘быть широким’ > *wэйлуо-**тэги***= ‘быть очень широким’ (быть.широким-AUG) [Курилов, 2001. С. 75], *сурэньэ*= ‘быть упитанным’ > *сурэньэ-**тки***= ‘быть очень упитанным’ (быть.упитанным-AUG) [Курилов, 2005. С. 266];

в) интенсивно-усилительный: действие или состояние предмета, обозначаемые основой, имеют усиленную степень интенсивности, например: *ньамучэрэй*= ‘покраснеть’ > *ньамучэрэй-**тэги***= ‘сильно покраснеть’ (покраснеть-AUG) [Курилов, 2001. С. 307].

АСД в языке тундровых юкагиров выражается главным образом непереходными глаголами, которые могут быть представлены:

- качественной основой в чистом виде (*оӈу* = ‘быть мокрым’ > *оӈ-**тэги*** = быть слишком мокрым (быть.мокрым-AUG) [Там же. С. 344]) или оформленной различными показателями, например, обладания (*лаамэ* ‘собака’ > *лаамэ-нь* = ‘иметь собаку’ > *лаамэ-нь-**тэги*** = ‘иметь огромную собаку’ (собака-COM-AUG) [Курилов, 2001. С. 184; Курилов, 2005. С. 246]), статичного образа действия (*чама* ‘большой’ > *чам-уол* = ‘быть большим’ > *чам-уо-**тэги*** = ‘быть очень большим’ (большой-STAT-AUG) [Курилов, 2007а. С. 12]), продолжающегося вида действия (*читнэ*= ‘быть длинным’ > *читниэ-ну*= ‘продолжать быть длинным’ > *читниэ-ну-**тки***= ‘продолжать быть очень длинным’ (быть.длинным-PROG-AUG) [Курилов, 2001. С. 553]);
- процессивной основой в чистом виде (*аӈальwэ*= ‘смеяться’ > *аӈальwэ-**тки***= ‘громко смеяться’ (смеяться-AUG) [Курилов, 2001. С. 23]) или оканчивающейся на различные показатели, например, начинательного вида действия *-аа* (*йоӈочи*= ‘сердиться’ > *йоӈоч-аа*= ‘начать сердиться’ > *йоӈоч-аа-**тэги***= ‘начать сильно сердиться’ (сердиться-INCH-AUG) [Там же. С. 125]), завершенного вида действия (*көтинэ*= ‘быть толстым’ > *көтигэ-й*= ‘потолстеть’ > *көтигэ-й-**тэги***= ‘сильно растолстеть’ (быть.толстым-PERF-AUG) [Там же. С. 163]).

Несколько отличаются правила употребления того или иного варианта увеличительного аффикса от тех, что были приведены выше для имен существительных. Анализ аугментативных глаголов показал, что если основа оканчивается на гласный э, то употребляется вариант *-тки* независимо от того, конечный это звук аффиксов обладания *-ньэ*, статичного образа действия *-нэ* или собственно основы, например:

(37) *тороньэ*= ‘быть темным / черным’ > *тороньэ-**тки***= ‘быть очень темным / черным’ > *хаӈимэбуриэ мэ тороньэ-**тки*** ‘толокнянка очень черная’ (толокнянка AFF быть.черным-AUG:3SG) [Там же. С. 498];

(38) *потинэ*= ‘быть полным / наполненным’ > *потинэ-**тки***= ‘быть очень полным / наполненным’ > *оӈойги мэ потинэ-**тки**-й* ‘его сума была забита’ (сума-RP AFF быть.полным-AUG-INTR:3SG) [Там же. С. 385];

(39) *аӈальwэ*= ‘смеяться’ > *аӈальwэ-**тки***= ‘чрезмерно смеяться’ > *тудэл мэр аӈальwэ-**тки**-й* ‘она громко смеется’ (он AFF смеяться-AUG-INTR:3SG) [Там же. С. 23].

Во всех остальных случаях основу оформляет увеличительный аффикс *-тэги*, например:

(40) *курульуол*= ‘быть видимым; виднеться’ > *курульуо-**тэги***= ‘быть хорошо видимым’ > *талаw мэ курульуо-**тэги**-й* ‘дикий олень хорошо виден’ (дикий.олень AFF быть.видимым-AUG-INTR:3SG) [Там же. С. 174];

(41) *чааха* ‘нечто мерзлое’ > *чааха-нь*= ‘быть мерзлым’ > *чааха-н-**тэги***= ‘быть очень мерзлым’ > *тэт угурчэ амутнэн чаахан-**тэги**-й* ‘твоя обувь очень мерзлая’ (твой обувь очень нечто.мерзлое-COM-AUG-INTR:3SG) [Там же. С. 528];

(42) *ньамучэр*= ‘стать красным’ > *ньамучэрэ-й*= ‘покраснеть’ > *ньамучэрэ-й-**тэги***= ‘сильно покраснеть’ > *хуруул мэ ньамучэр-э-й-**тэги**-й* ‘небо покраснело’ (небо AFF стать.красным-0-PERF-AUG-INTR:3SG) [Там же. С. 307].

От мотивированных глагольных основ АСД в юкагирском языке посредством словообразовательных и формообразующих аффиксов могут образовываться производные слова, например производные глаголы со значением обладания (43) и многократности (44), и деепричастные формы (45), (46).

(43) *монильэ* ‘волосы’ > *монильэ-нь*= ‘иметь волосы, быть с волосами’ > *монильэ-н-**тэги***= ‘быть очень волосатым’ > *монильэ-н-тэги-ньэ*= ‘иметь волосища, быть с волосищами’ (волосы-COM-AUG-COM) [Курилов, 2001. С. 254];

(44) *чуул* ‘мясо’ > *чуу-ньэ*= ‘иметь мясо; быть упитанным’ > *чуу-ньиэ-тки*= ‘быть очень упитанным’ > *чуу-ньиэ-**тки**-нун*= ‘бывать очень упитанным’ (мясо-COM-AUG-HAB) [Там же. С. 573];

(45) *чамуол*= ‘быть большим’ > *чамуо-**тэги***= ‘быть очень большим’ > *чамуо-**тэги**-рэҥ* ‘будучи очень большим’ (быть.большим-AUG-SS:IPFV) [Там же. С. 81];

(46) *эримэ* ‘снег’ > *эримэ-нь*= ‘иметь снег, быть заснеженным’ > *эримэ-н-**тэги***= ‘быть очень заснеженным’ > *эримэ-н-**тэги**-ньэ*= ‘иметь очень толстый слой снега, быть с толстым слоем снега’ > *эримэ-н-**тэги**-ньэ-рэҥ* ‘находясь под толстым слоем снега’ (снег-COM-AUG-COM-SS:IPFV) [Там же. С. 605].

В целом, глагольные основы АСД спрягаются по тем же правилам, что и остальные глаголы юкагирского языка:

Мэт мэ пурэнбан-тэги-йэҥ ‘Я очень высокий’
я AFF быть.высоким-AUG-INTR:1SG
Тэт мэ пурэнбан-тэги-йэк ‘Ты очень высокий’
ты AFF быть.высоким-AUG-INTR:2SG
Тудэл мэ пурэнбан тэги-й ‘Он очень высокий; она очень высокая’
он/а AFF быть.высоким-AUG-INTR:3SG
Мит мэ пурэнбан-тэги-йли ‘Мы очень высокие’
мы AFF быть.высоким-AUG-INTR:1PL
Тит мэ пурэнбан-тэги-ймут ‘Вы очень высокие’
вы AFF быть.высоким-AUG-INTR:2PL
Титтэл мэ пурэнбан-тэги-ҥи ‘Они очень высокие’
они AFF быть.высоким-AUG-INTR:3PL

Местоимения

В функционально-семантическое поле количественной аспектуальности в юкагирском языке также входят аугментативы, образованные от обобщительно-определительных, указательных и неопределенных местоимений при помощи показателя *-тэгэ* ~ *-ткэ* и его разновидностей. От обобщительно-определительных местоимений *йаwнэр* ‘все’, употребляющееся в функции подлежащего (47), и *йаwнуо* ‘все, всё’, относящееся к сфере дополнения (48), в сочетании с *-тэгэ* образуются формы *йаwнэ-ттэгии-р* ‘все без исключения; абсолютно все’ и *йаwнэ-ттэг-уо* ‘всё без остатка, всё без исключения’.

(47) *Хадьир **йаwнэ-ттэгии-р** мэр уу-чии-ҥи.*
вот все-AUG-SS AFF идти-DLMT-INTR:3PL
‘Вот все без исключения пошли дальше’ [Там же. С. 106].

(48) *Хадьир нимэ-ҕа **йаwнэ-ттэг-уо** элуойи-рэлэк, нимэ-ҥ энмун мэ саwасаа-нун-ҥа.*
вот дом-LOC все-AUGM-OBL возить-SS:PERF дом-FOC каждый AFF делить-HAB-TR:3PL
‘Вот перевезя совершенно всё (зд. добычу) домой, начинали=они делить по всем домам’ [Курилов, 2005. С. 456].

Показатель аугментативности может принимать указательные и неопределенные местоимения – *танун-тэг-**иэ*** ‘тот малюсенький’ и *нэмэ-пэ-**ткэ*** ‘что-то огромного размера’, например:

(49) Хадьир ***танун-тэг-иэ-лэк** мэр аawаа-көди-йли.*
вот тот-AUG-DIM-INS AFF лечь.спать-HCR-INTR:1PL
‘Вот тем малюсеньким (ограничившись), спать легли=мы, бедняги’ [Курилов, 2001. С. 461];

(50) *Тун-ньэ* ***нэмэ-пэ-ткэ-лэн****? Амутнэ чама куомур-пэ-к!*
это-IDR что-PL-AUG-FOC очень большой хворост-PL-FOC
‘Это что такое огромное? Очень большие хворостины!’ [Курилов, 2001. С. 542].

Модальные частицы

Увеличительный аффикс *-тэгэ* может также примыкать к модальным частицам. Производными от модальных частиц *мол*, выражающей одобрение, и *мидьэк*, выражающей опасение, являются аугментативы *моли-**тэгэ***, передающее сильное чувство радости (51), и *мидьи-**тэгэ***, передающее сильное чувство удивления со значением предположения (52).

(51) ***Моли-тэгэ***, *уо-ҥ мэ лэw-диэ-льэ-нь!*
PRTC-AUG ребенок-FOC AFF кушать-DETR-INFR-INTR:3SG
‘Как хорошо, ребенок-то поел, оказывается!’ [Курилов, 2005. С. 192]

(52) ***Мидьи-тэгэ*** *мэт-хат мэ лугэ-йэк?!*
PRTC-AUG я-ABL AFF быть.старше-INTR:2SG
‘Ведь ты как будто старше меня?!’ [Там же. С. 342].

Междометно-модальные слова

Основы, восходящие к междометно-модальным словам, оформляются вариантом увеличительного аффикса *-ткэ*. Например, от качественного глагола *амуо*= ‘быть хорошим’ образовано междометно-модальное слово *амуҕа*, передающее радость, восхищение ‘о, как хорошо’. Употребляясь с *-ткэ*, междометно-модальное слово *амуҕаткэ* реализует более сильное эмоциональное переживание.

(53) *Кэчи-м нэлэчэ-лэ*, ***аму-ҕа-ткэ***, *аму-ҕа!..*
принести-TR:3SG подарок-ACC быть.хорошим-INTJ-AUG быть.хорошим-INTJ
‘Принес=он подарки, как же здорово, как хорошо!..’ [Курилов, 2001. С. 45]

Независимо от того, на какой звук оканчивается мотивирующая или мотивированная основа с эмотивными показателями *-ҕа* и *-гэ*, все междометно-модальные слова оформляются альтернантом *-ткэ*, например:

(54) корень *йуо* ‘боль’ > *йуо-ҕа* ‘о, как больно’ (боль-INTJ) > *йуо-ҕа-**ткэ*** ‘о, как же больно’ (боль-INTJ-AUG) [Курилова, 2012. С. 135];

(55) *уттэлуу*= ‘быть утомительным’ > *уттэл-гэ* ‘о, как утомительно’ (быть.утомительным-INTJ) > *уттэл-гэ-**ткэ*** ‘о, как же утомительно’ (быть.утомительным-INTJ-AUG) [Там же. С. 148].

Заключение

Таким образом, в языке тундровых юкагиров аффиксальное оформление категорией аугментативности может реализоваться на именах существительных, глаголах, местоимениях и модальных словах. Исследователи юкагирского языка выделяют аффикс с увеличительным значением *-тэгэ* и его вариант *-ткэ*. Анализ имеющихся материалов позволяет сделать следующие выводы.

1. Увеличительный аффикс *-тэгэ* ~ *-ткэ* может иметь звуковые разновидности. Виды с геминизированным согласным *-ттэгэ* и *-ттэгии* встречаются у аугментативов, образованных от имен существительных и местоимений соответственно для передачи экспрессивного значения. Виды с чередованием конечной гласной *-тэги* ~ *-тки* и *-ттэгии* наблюдаются у аугментативов, образованных от глаголов и местоимений, что обусловлено дальнейшим примыканием к ним личных окончаний и показателей падежа. Виды с усеченным последним гласным *-тэг* и *-ттэг* выявлены у аугментативов с основой от имен существительных и местоимений под влиянием последующих словоизменительных показателей уменьшительности и падежа соответственно.

2. Увеличительный аффикс *-тэгэ* ~ *-ткэ* может примыкать как к нарицательным, так и к собственным именам, для обозначения размера, субъективной оценки и возраста объекта.

Увеличительный аффикс в аугментативах от имени существительного может вносить как положительные, так и отрицательные оценочные значения. В целях экспрессии имеет место двойная аугментативность, выраженная в дублировании увеличительного аффикса, сочетании аффиксов увеличительности и уменьшительности с целью усиления значения последнего, одновременного введения в предложение более одного члена с аугментативно-смысловой нагрузкой.

3. Разновидность увеличительного аффикса *-тэги* и его вариант *-тки* участвует в образовании глаголов аугментативного способа действия. Мотивирующую основу аугментативных глаголов составляют качественные и процессивные основы. В зависимости от частеречного статуса основы аугментативные глаголы делятся на интенсивно-нормативные (увеличенная степень проявления имплицитного признака, обозначенного мотивированной основой от имени существительного), интенсивно-качественные (увеличенная степень проявления признака или качества, обозначенного качественной основой) и интенсивно-усилительные (увеличенная степень проявления процесса или состояния, обозначенного процессивным глаголом).

4. Аугментативы могут образовываться от указательных, неопределенных и обобщительно-определительных местоимений для подчеркивания всеохватности и передачи размерного значения посредством варианта увеличительного аффикса *-ткэ* и разновидностей *-ттэгии* и *-т*(*т*)*эг*.

5. Аугментативы образуются от единиц с модальным значением и междометно-модальных слов для усиления эмоционально-оценочного значения и достижения эффективной коммуникативной цели.

6. Остается открытым вопрос о нормах, регулирующих сочетание основы и альтернантов с увеличительным значением *-тэгэ* ~ *-ткэ*, что, по всей видимости, связано с историческим изменением звуков. В целом, можно вывести следующие закономерности:

- в классе имен существительных: если основа оканчивается на согласные *к*, *л*, *ль*, *н*, *нг*, *п*, *р*, гласные *а*, *аа*, *э*, *и*, *ии*, *уу*, дифтонги *иэ*, *уо*, то присоединяется альтернант *-тэгэ*; если основа оканчивается на гласный *а* и его исторически обусловленную замену *э*, то присоединяется альтернант *-ткэ*;
- в классе глаголов: если основа оканчивается на гласный *э*, то употребляется *-тки*; если на другие звуки, то *-тэги*;
- в классах местоимений и модальных единиц: если корневая морфема оканчивается на *э* и согласные звуки, присоединяется альтернант *-тэгэ*; присоединение альтернанта *-ткэ* к основам на *а* и *э* может быть обусловлено историческим чередованием гласных звуков.

Список литературы

Аванесов Р. И., *Сидоров В. Н.* Очерки грамматики русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1945. 236 с.

Аксаков К. С. Опыт русской грамматики. М.: Тип. Л. Степановой, 1860. Ч. 1, вып. 1. 195 с.

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд. Москва; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.

Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 394 с.

Бондарко А. В. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967. 192 с.

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Тип. Т. Рис, 1881. 276 с.

Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1972. С. 77–317.

Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике // Виноградов В. В. Избр. тр. М.: Наука, 1975. 559 с.

Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб.: Тип. Глазунова, 1931. 408 с.

ГРЯ – Грамматика русского языка / Под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 720 с. Т. 1: Фонетика и морфология.

Зотов Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / Под ред. А. А. Соколянского. Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. 539 с.

Иохельсон В. И. Одульский (юкагирский) язык / Под ред. Е.А. Крейновича, под общ. ред. Я. П. Алькора // Языки и письменность народов Севера. М., Л.: ГУПИ, 1934. Ч. 3. С. 149–180.

Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 289 с.

Крейнович Е. А. Юкагирский язык // Языки народов СССР. Л.: Наука, 1968. Т. 5: Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. С. 435–451.

Крейнович Е. А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.: Наука, 1982. 304 с.

Курилов Н. Н. Чэнчэ букварь (Веселый букварь). Якутск: Розовая чайка, 1991. 44 с. (на юк. яз.)

Курилов Г. Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.

Курилов Г. Н. Фольклор юкагиров. М.: Новосибирск: Наука, 2005. 594 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 25)

Курилов Г. Н. Современный юкагирский язык: Учеб. пособие. Якутск: Офсет, 2006. 280 с.

Курилов Н. Н. Ньоронпуриэпиэ-пуойэпиэ (Морошечки): Стихи на юкагирском языке. Якутск: Дани Алмас, 2007а. 16 с.

Курилов Н. Н. Тидаанэ титэ моннунҥи (Раньше так говорили): пословицы, загадки, образные выражения, сравнения. Якутск: Дани Алмас, 2007б. 152 с.

Курилов Н. Н. Литературное чтение: Учеб. пособие на юк. яз. для 4-х кл. общеобразовательных учреждений. СПб.: Алмаз-Граф, 2013. 96 с.

Курилова С. Н. Междометия и междометные слова юкагирского языка. Новосибирск: Наука, 2012. 235 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 28)

Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб.: Имп. АН, 1788. 214 с.

Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 4–44.

Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 263 с.

Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.

Николаева И. А., *Хелимский Е. А.* Юкагирский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1996. С. 155–168.

Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение 2. Отд-ние 1. Об именах существительных. СПб.: Тип. Импер. АН, 1850. XIV. 353 с.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 3. URL: http://sakhatyla.ru/books/pekarskiy-3

Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.

Проблемы функциональной грамматики: принцип естественной классификации / Отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская; Ин-т лингвистических исследований РАН. М.: Языки славянской культуры, 2013. 512 с.

РГ – Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой, Н. Д. Арутюновой, А. В. Бондарко и др. М.: Наука, 1980. 789 с. Т. 1: Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология.

Сорокин Ю. С. Об общих закономерностях развития словарного состава литературного языка XIX в. // Вопросы языкознания. 1961. № 3. С. 22–36.

Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высш. шк., 1990. 173 с.

Федосеев А. И. Поле интенсивности русского глагола (проблема лексикографической представленности): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2006. 20 с.

Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение: Общий курс. 1901–1902 гг. // Фортунатов Ф. Ф. Избр. тр. М.: Учпедгиз, 1956. Т. 1. С. 21–197.

Шахматов А. А. Учение о частях речи. 2-е изд. М.: КомКнига, 2006. 272 с.

Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 6th ed. Oxford: Blackwell Publ., 2008. 534 p.

Maslova E. Tundra Yukaghir. München: Lincom Europa, 2003. 97 p.

Struchkova A. Various tales for the Yukaghir children. Ньиҥомиэйэ ньиэдьилпэ вадудуорпиэнь. Разные рассказы юкагирским детям / Ed. by C. Ode. Fürstenberg; Havel: Kulturstiftung Sibirien, 2016. 92 p.

Список сокращений

АСД – аугментативный способ действия, букв. – буквально, диал. – диалектный, рус. – русский язык, юк. – юкагирский язык, як. – якутский язык, 0 – связующий звук, ABL – ablative, ACC – accusative, AFF – affirmative, AT – attributive, AUG – augmentative, CAUS – causative, COM – comitative, DETR – detransitive, DIM – diminutive, DLMT – delimitative, FOC – focus, HAB – habitual, HCR – hypocoristic, IDR – identifier, INCH – inchoative, INFR – inferential, INS – instrumental, INTJ – interjection, INTR – intransitive, IPFV – imperfective, LOC – local, OBL – oblique, OF – object focus, PART – participle, PERF – perfective, PL – plural, PROG – progressive, PROL – prolative, PRTC – particle, RP – reference point, SBJV – subjunctive mood, SG – singular, SS – same subject, STAT – stative, TR – transitive, 1 – 1st person, 3 – 3rd person

Материал поступил в редколлегию 01.05.2018

Samona N. Kurilova

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS
1 Petrovskogo Str., Yakutsk, 677027, Yakutia, Russian Federation

samonakur@mail.ru

AUGMENTATIVITY AS A MARKED AFFIXAL SPEECH PARTS CATEGORY IN TUNDRA YUKAGHIR

Augmentativity as one of the components of the quantity category produces a subjective and evaluative meaning of big size or an extensively expressed feature. The main way of expressing augmentativity in Tundra Yukaghir is an augmentative affix *-tege* and its variant *-tke*. The augmentative meaning of the affix can be realized with the help of nouns, verbs, modal particles and interjective-modal words. The augmentatives are classified by their meaning and belonging of their stem to the parts of speech. The specificity of the marker *-tege* и *-tke* is in the fact of using one of them depending on a final sound of the root or stem.

Keywords: Tundra Yukaghir, augmentativity, augmentative, parts of speech, root, underlying stem, affix, variant, variety, way of action.

References

Aksakov K. S. Opyt russkoy grammatiki [Essay on Russian grammar]. Moscow, Tip. L. Stepanovoy, 1860, ch. 1, vyp. 1, 195 p. (in Russ.)

Anikin A E. Etimilogicheskiy slovar' russkikh dialektov Sibiri: zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskykh yazykov [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: borrowings from Uralic, Altaiac and Paleoasian languages]. 2nd ed. Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2000, 768 p. (in Russ.)

Avanesov R. I., Sidorov V. N. Ocherki grammatiki russkogo literaturnogo yazyka [Essays on grammar of Russian literary language]. Moscow, Uchpedgiz, 1945, 236 p. (in Russ.)

Balli Sh. Frantscuskaya stilistika [French stylistics]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1961, 394 p. (in Russ.)

Bondarko A. V. Russkiy glagol [Russian verb]. Leningrad, Prosvetshchenie, 1967, 192 p. (in Russ.)

Buslaev F. I. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of Russian language]. Moscow, Tip. T. Ris, 1881, 276 p. (in Russ.)

Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 6th ed. Oxford: Blackwell Publ., 2008, 534 p.

Fedoseev A. I. Pole intensivnosti russkogo glagola (problema leksikograficheskoy predstavlennosti) [Intensity field of the Russian verb (a problem of the lexicographic representation)]. Avtoreferat. dis. … kand. filol. nauk. 10.02.01. Russian language. Saratov, 2006, 20 p. (in Russ.)

Fortunatov F. F. Sravnitel'noe yazykovedenie: obshchiy kurs 1901–1902 gg. [Comparative linguistics: general course of 1901–1902]. Izbrannye trudy. Moscow, Uchpedgiz, 1956, vol. 1, p. 21–197. (in Russ.)

Grammatika russkogo yazyka. Red. kol. V. V. Vinogradov, E. S. Istrina, S. G. Barkhudarov. Moscow, Akademiya nauk SSSR, 1960, vol. 1, 720 p. (in Russ.)

Iohel'son V. I. Odul'skiy (yukagirskiy) yazyk [Odul (Yukaghir) language]. *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa*. Ed. by Y. P. Al'kora, E. A. Kreynovicha. Moscow, Leningrad, GUPI, 1934, ch. 3, p. 149–180. (in Russ.)

Kreynovich E. A. Issledovaniya i materialy po yukagirskomu yazyku [Studies and materials on Yukaghir]. Leningrad, Nauka, 1982, 304 p. (in Russ.)

Kreynovich E. A. Yukagirskiy yazyk [Yukaghir language]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1958, 289 p. (in Russ.)

Kreynovich E. A. Yukagirskiy yazyk [Yukaghir language]. Yazyki narodov SSSR. Leningrad, Nauka, 1968, vol. 1, p. 435–451 (in Russ.)

Kurilov G. N. Fol'klor yukagirov [Yukaghir folklore]. Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2005, vol. 25, 594 p. (in Russ., Yukagh.)

Kurilov G. N. Sovremennyy yukagirskiy yazyk [Modern Yukaghir language]. *Educational book*. Yakutsk, Ofset, 2006, 280 p. (in Russ.)

Kurilov G. N. Yukagirsko-russkiy slovar' [Yukaghir-Russian vocabulary]. Novosibirsk, Nauka, 2001, 608 p.

Kurilov N. N. Chenche bukvar' [Funny ABC]. Yakutsk, Rozovaya chayka, 1991, 44 p. (in Yukagh.)

Kurilov N. N. Literaturnoe chtenie [Reading book]. *Text edition in Yukaghir for 4th forms of high schools*. St. Petersburg, Almas-Graf, 2013, 96 p. (in Yukagh.)

Kurilov N. N. N'oronpuriepie-puoyepie [Little cloudberries]. *Poetries in Yukaghir*. Yakutsk, Dani Almas, 2007a, 16 p. (in Yukagh.)

Kurilov N. N. Tidaane tite monnungi: poslovitsy, zagadki, obraznye vyrazheniya, sravneniya [As they used to say before: proverbs, пословицы, puzzles, figurative expressions, comparisions]. Yakutsk, Dani Almas, 2007b, 152 p. (in Russ., Yukagh.)

Kurilova S. N. Mezhdometiya i mezhdometnye slova yukagirskogo yazyka. Novosibirsk, Nauka, 2012, vol. 28, 235 p. (in Russ.)

Lomonosov M. V. Rossiyskaya grammatika [Grammar of Russian language]. St. Petersburg, Imperatorskaya akademiya nauk, 1788, 214 p. (in Russ.)

Maslov Yu. S. Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie [Selected writings. Acpectology. General linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004, 840 p. (in Russ.)

Maslov Yu. S. K osnovaniyam sopostavitel'noy aspektologii [To the basics of comparative aspectology]. *Voprosy sopostavitel'noy aspektologii*. Leningrad, LSU Press, 1978, p. 4–44. (in Russ.)

Maslov Yu. S. Ocherki po aspektologii [Essays on aspectology]. Leningrad, LSU Press, 1984, 263 p. (in Russ.)

Maslova E. Tundra Yukaghir. München: Lincom Europa, 2003, 97 p.

Nikolaeva I. A., Khelimskiy E. A. Yukagirsky yazyk [Yukaghir language]. *Yazyki mira. Paleoaziatskie yazyki*. Moscow, Indrik, 1996, p. 155–168. (in Russ.)

Pavskiy G. P. Filologicheskie nabludeniya nad sostavom russkogo yazyka. Rassuzhdenie 2. Otdelenie 1. Ob imenakh sushchestvitel'nykh [Philological outlook on composition of the Russian language. Discourse 2. Part 1. The nouns]. St. Petersburg, Tip. Imper. AN, 1850, XIV, 353 p. (in Russ.)

Pekarskiy E. K. Slovar' yakutskogo yazyka [Vocabulary of Yakut language], Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1959, vol. 3. URL: http://sakhatyla.ru/books/pekarskiy-3 (in Yak., Russ.)

Pen'kovskiy A. B. Ocherki po russkoj semantike [Essays on Russian semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004, 464 p. (in Russ.)

Problemy funktsional'noy grammatiki: printsip estestvennoy klassifikatsii [Problems of the functional grammar: a principle of natural classification]. Eds. A. V. Bondarko, V. V. Kazakovskaya. Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2013, 512 p. (in Russ.)

Russkaya grammatika [Russian grammar]. Eds. N. Yu. Shvedova, N. D. Arutyunova, A. V. Bondarko et al. Moscow, Nauka, 1980, vol. 1, 789 p. (in Russ.)

Shakhmatov A. A. Uchenie o chastyakh rechi [Studies on speech parts]. 2nd ed. Moscow, KomKniga, 2006, 272 p. (in Russ.)

Sorokin Yu. S. Ob obshchikh zakonomernostyakh razvitiya slovarnogo sostava literaturnogo yazyka XIX v. [About general patterns of development of the word stock of the literary language in XIX century]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1961, no. 3, p. 22–36. (in Russ.)

Struchkova A. Various tales for the Yukaghir children. N'ingomieye n'ied'ilpe vaduduorpien'. Raznye rasskazy yukagirskim detyam. C. Ode (ed.). Fürstenberg, Havel, Kulturstiftung Sibirien, 2016, 92 p. (in Eng., Yukagh., Russ.)

Turanskiy I. I. Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v angliyskom yazyke [Semantic category of the intensity in English]. Moscow, Vyshaya shkola, 1990, 173 p. (in Russ.)

Vinogradov V. V. Issledovaniya po russkoy grammatike [Studies on Russian grammar]. Izbrannye trudy. Moscow, Nauka, 1975, 559 p. (in Russ.)

Vinogradov V. V. Russkiy yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (a grammatical study on a word)]. Moscow, Vysshaya Shkola, 1972, p. 77–317. (in Russ.)

Vostokov A. Kh. Russkaya grammatika [Russian grammar]. St. Petersburg, Tip. Glazunova, 1931, 408 p. (in Russ.)

Zotov G. V. Slovar' regional'noy leksiki Kraynego Severo-Vostoka Rossii [Dictionary of regional lexicon of Far Northeastern Russia]. Ed. by A. A. Sokolyanskiy. Magadan, SVFU, 2010, 539 p. (in Russ.)

For citation:

Kurilova Samona N. Augmentativity as a Marked Affixal Speech Parts Category in Tundra Yukaghir. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 88–101. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-88-101

УДК 811.134.1 Catalan language
DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-102-115

Т. В. Репнина

Институт лингвистических исследований РАН
Тучков переулок, 9, Санкт-Петербург, 199053, Россия

lumenna@yandex.ru

МОНОПРЕДИКАТИВНЫЕ ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В КАТАЛАНСКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С ИСПАНСКИМ И ФРАНЦУЗСКИМ)

Статья посвящена монопредикативным вопросительным условным конструкциям в каталанском языке (в сопоставлении с испанским и французским), которые не становились ранее предметом отдельного исследования. Подробно рассматриваются употребление времен и наклонений в этих конструкциях, трансформации их в бипредикативные, а также их семантика. Делаются выводы о различиях в употреблении времен, анализируются конструкции с позитивной и негативной семантикой.

Ключевые слова: условные конструкции, вопросительные конструкции, монопредикативные конструкции, синтаксис, каталанский язык, испанский язык, французский язык.

Условные и вопросительные конструкции по-прежнему привлекают внимание исследователей. Различные типы вопросов рассматриваются на материале испанского, французского и других языков (см., например: [Dąbrowska, 1973; Arcaini et al., 1979; Невзорова, 2004; Засыпкин, 2004; Гурова, 2005; Боголюбова, 2016]). Условные конструкции также изучаются на материале романских и других языков (например: [Типология условных конструкций, 1998; Цкитишвили, 1974; Рагозина, 2013; Маричева, 2017]).

Диссертация В. И. Лысенко [1996], посвященная вопросительным сложноподчиненным предложениям с придаточными условными в русском языке, ближе всего по тематике к нашей статье, поскольку в ней рассматриваются конструкции, которые являются вопросительными и условными одновременно.

Следует упомянуть работы, посвященные каталанскому языку. Так, в статье, посвященной семантико-прагматическим аспектам условных конструкций в каталанских пословицах, вопросительные условные конструкции (УК) не рассматриваются [Salvador, 1993], как и в статье, посвященной конструкциям с невыполнимым условием в средневековом каталанском [Russell-Gebbett, 1976]. В статье [Martí i Castell, 2008], посвященной УК, перечисляются вопросительные УК каталанского языка XIII–XIV вв. из текстов каталанского поэта и философа Раймунда Луллия, с указанием времен и наклонений, встречающихся в этом материале.

Классификация вопросительных условных конструкций

Анализ материала каталанского, испанского и французского языков [1] позволил выделить две основные группы вопросительных УК, которые представлены в табл. 1.

[1] В вопросительных конструкциях каталанского, испанского и французского языков есть одно отличие в пунктуации, связанное с употреблением или неупотреблением перевернутого вопросительного знака в начале прямого вопросительного предложения (не косвенного вопроса). В «Новой грамматике испанского языка» Коро-

Репнина Т. В. Монопредикативные вопросительные условные конструкции в каталанском языке (в сопоставлении с испанским и французским) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 102–115.

ISSN 1818-7935
Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 3
© Т. В. Репнина, 2018

Таблица 1

Вопросительные монопредикативные и бипредикативные условные конструкции

Тип	Подгруппа	Примеры
1 тип **Монопредикативные условные конструкции** Маркер – сочетание союзов кат. «i si», исп. «y si», фр. «et si» («а если») в препозиции	1 подгруппа Монопредикативные частновопросительные конструкции с эллипсисом главного предложения	(1 CAT) I si (ell) arriba (PRS IND) tard? А если он опоздает? (1 ES) ¿Y si (él) llega (PRS IND) tarde? (1 FR) Et s'il est (PRS IND) en retard?
	2 подгруппа Конструкции со значением просьбы, совета, предложения и др. без эллипсиса	(2 CAT) I si anéssim (IPFV CONJ) al cine? Давай(те) пойдем в кино. (2 ES) I si fuésemos (IPFV CONJ) al cine? (2 FR) Et si nous allions (IPFV IND) au cinéma?
2 тип **Бипредикативные условные конструкции**	1 подгруппа Бипредикативные частновопросительные (главное предложение имеет значение *«què passarà» – кат.* «что будет?»)	(3 CAT) Si (ell) arriba (PRS IND) tard, què passarà (FUT IND)? Если он опоздает, что будет? (3 ES) Si (él) llega (PRS IND) tarde, ¿qué pasará (FUT IND)? (3 FR) Et s'il est (PRS IND) en retard, que se passera-t-il (FUT IND)? (4 CAT) Què passarà (FUT IND), si (ell) arriba (PRS IND) tard? Что будет, если он опоздает? (4 ES) ¿Qué pasará (FUT IND) si (él) llega (PRS IND) tarde? (4 FR) Que se passera-t-il (FUT IND), s'il est (PRS IND) en retard ?
	2 подгруппа Бипредикативные общевопросительные	(5 CAT) Si (ell) arriba tard, l'esperaràs (FUT IND)? Если он опоздает, ты будешь его ждать? (5 ES) Si (él) llega tarde (PRS IND), ¿lo esperarás (FUT IND)? (5 FR) S'il est (PRS IND) en retard, tu l'attendras (FUT IND) ?
	3 подгруппа Бипредикативные частновопросительные	(6 CAT) Si (ell) arriba (PRS IND) tard, qui el substituirà (FUT IND) ? Если он опоздает, кто его заменит? (6 ES) Si (él) llega (PRS IND) tarde, ¿quién lo sustituirá (FUT IND) ? (6 FR) S'il est (PRS IND) en retard, qui le remplacera (FUT IND)?

левской Академии испанского языка указывается, что перевернутый вопросительный знак (¿) ставится в начале вопросительного предложения, и что его опущение считается ошибкой [Nueva Gramática…, 2010. P. 804]. В каталанском языке перевернутый вопросительный знак широко использовался для указания на начало прямого вопроса, особенно при отсутствии вопросительного слова, или если предложение занимает более одной печатной строки. Однако в 1993 г. Институт каталанских исследований рекомендовал более не использовать инвертированный вопросительный знак в каталанском языке [Wheeler et al., 1999. P. 620], что сближает его с другими мировыми языками, но отдаляет от испанского. Во французском языке инвертированный вопросительный знак в начале вопроса не используется.

Основным критерием классификации (по которому мы выделяем 1 и 2 типы) является моно- или бипредикативность. Монопредикативные вопросительные условные конструкции мы делим на конструкции с эллипсисом и без него. Бипредикативные конструкции делятся на три подгруппы. Конструкции из 1 подгруппы 2 типа (в отличие от 2 и 3 подгрупп 2 типа) можно трансформировать в монопредикативные без потери семантики. Конструкции 2 и 3 подгруппы 2 типа отличаются по типу вопроса (общий и частный). Общий вопрос в отличие от частного требует ответа «да», «нет», «возможно».

Условное придаточное с союзом *кат.*, *исп.*, *фр.* «si» («если») может быть как в препозиции, так и в постпозиции, однако условное придаточное с маркером *кат.* «i si», *исп.* «y si», *фр.* «et si» («а если») всегда находится в начале условной конструкции.

В. П. Засыпкин в монографии, посвященной неполным и односоставным вопросительным предложениям во французском и испанском языках, указывает на то, что французский союз «et» и испанский союз «y» играют в таких предложениях важную роль, занимают фиксированную начальную позицию и могут выполнять вводящую функцию в составе зачинных реплик-вопросов [2004. С. 75–76].

Предметом настоящего исследования являются времена и наклонения в монопредикативных вопросительных условных конструкциях в каталанском языке в сопоставлении с испанским и французским, а также возможные семантически эквивалентные трансформации и семантика этих конструкций.

Цель исследования – выявить основные грамматические и семантические характеристики этих конструкций на материале каталанского языка, сопоставить материал этого языка с материалом испанского и французского языков, сопоставить вопросительные УК с повествовательными.

В настоящем исследовании применяются следующие методы: сопоставительный, таксономический, работа с корпусом, работа с информантами, метод трансформации, а также статистический метод.

Мы подразделяем монопредикативные вопросительные условные конструкции на две подгруппы: в первую подгруппу (пример 1) входят конструкции с эллипсисом главного предложения:

(1 CAT) I si (ell) [2] arriba (PRS IND) tard? А если он опоздает? [3]

---

[2] В каталанском языке, так же как и в испанском, местоимение-подлежащее, как правило, опускается, тогда как во французском употребление местоимения-подлежащего обязательно. В примерах, полученных от информантов на каталанском и испанском языках, местоимение-подлежащее третьего лица помещается в скобках, поскольку без местоимения третьего лица в каталанском, а также в испанском, в отличие от французского, нельзя определить род.

[3] В этой статье приводятся примеры из книг каталанских авторов на каталанском языке и из опубликованных переводов этих книг на испанский и французский языки. В случаях, когда на трех языках цитируется одно и то же высказывание, примеры имеют один и тот же номер и перевод дается только один раз. Общий корпус УК из текстов каталанских авторов составил около 700 примеров на каждом из трех языков. В процессе подготовки статьи были использованы примеры на каталанском языке без перевода на испанский и французский (около 250 примеров УК), а также переводные примеры из текстов некаталанских авторов (около 2 000 примеров УК).

Основным объектом исследования являются монопредикативные вопросительные УК каталанского языка, рассматриваемые в сопоставлении с соответствующими конструкциями испанского и французского. Именно поэтому в тексте статьи приводятся примеры из книг каталанских авторов, а также их переводы на испанский и французский. Два последних языка не являются основным объектом исследования, и мы не ставим задачу изучения аутентичных испанских и французских текстов.

Использование параллельных текстов имеет то преимущество, что оно показывает, как одно и то же грамматическое значение передается в разных языках. Примеры на одном и том же лексическом материале позволяют лучше сопоставить грамматику языков.

Примеры без указания автора получены от информантов – носителей языка. Выражаю благодарность Ismael Alonso Fernández, Serat Galofré, Marta Soldevila, Abel Gallardo Soto и Jorge P. за помощь при переводе примеров на каталанский и испанский языки, а также Gaël-André Bastien за помощь в переводе примеров на французском языке. Примеры переводились информантами с русского и английского языков.

В процессе работы с информантами им задавались уточняющие вопросы. Например, о возможности употребления в том или ином предложении различных времен и наклонений. Так уточнялся временной план.

Для достоверности одни и те же примеры переводились несколькими информантами. Благодаря работе с носителями языка можно рассмотреть конструкции с одним и тем же лексическим наполнением, но с разными грамматическими значениями.

(1 ES) ¿Y si (él) llega (PRS IND) tarde?
(1 FR) Et s'il est (PRS IND) en retard?

Ко второй подгруппе относятся монопредикативные вопросительные конструкции без эллипсиса. В конструкциях этого типа главное предложение отсутствует и не подразумевается:

(2 CAT) I si anéssim (IPFV CONJ) al cine? А если бы нам пойти в кино? (Давай(те) пойдем в кино).
(2 ES) I si fuésemos (IPFV CONJ) al cine?
(2 FR) Et si nous allions (IPFV IND) au cinéma?

Как замечает А. С. Маричева, «в функции подлежащего в данных предложениях употребляются личные местоимения в форме первого лица единственного или множественного числа, второго лица единственного и множественного числа…» [2017. с. 151].

Ко второй группе относятся бипредикативные конструкции, которые мы подразделяем на три подгруппы. Конструкции из первой подгруппы могут быть образованы из предыдущего подтипа путем добавления главного предложения «què passarà» на каталанском языке, «qué pasará» на испанском языке, «que se passera-t-il» на французском («что произойдет»):

(3 CAT) Si (ell) arriba (PRS IND) tard, què passarà (FUT IND)? Если он опоздает, что произойдет?
(3 ES) Si (él) llega (PRS IND) tarde, ¿qué pasará (FUT IND)?
(3 FR) Et s'il est (PRS IND) en retard, que se passera-t-il (FUT IND)?

Возможен вариант примера 2 с препозицией главного предложения, при этом *кат.* союз «i», *исп.* «y», *фр.* «et» («a») опускаются:

(4 CAT) Què passarà (FUT IND), si (ell) arriba (PRS IND) tard? Что будет, если он опоздает?
(4 ES) ¿Qué pasará (FUT IND) si (él) llega (PRS IND) tarde?
(4 FR) Que se passera-t-il (FUT IND), s'il est (PRS IND) en retard ?

Ко второй и третьей подгруппам 2 типа мы относим бипредикативные УК, которые нельзя трансформировать в монопредикативные без потери семантики главного предложения. Такие конструкции подразделяются на общевопросительные (пример 5) и частновопросительные (примеры 6 и 7):

(5 CAT) Si (ell) arriba (PRS IND) tard, l'esperaràs (FUT IND)? Если он опоздает, ты будешь его ждать?
(5 ES) Si (él) llega tarde (PRS IND), ¿lo esperarás (FUT IND)?
(5 FR) S'il est (PRS IND) en retard, tu l'attendras (FUT IND) ?
(6 CAT) Si (ell) arriba (PRS IND) tard, qui el substituirà (FUT IND) ? Если он опоздает, кто его заменит?
(6 ES) Si (él) llega (PRS IND) tarde, ¿quién lo sustituirá (FUT IND) ?
(6 FR) S'il est (PRS IND) en retard, qui le remplacera (FUT IND)?
(7 CAT) Si la taca ve (PRS IND) de la banda de vostè, ¿què vol (PRS IND) que anem (PRS CONJ) a fer a casa del nostre propietari? (Rodoreda, p. 45). Если пятно с вашей стороны, что Вы хотите, чтобы мы сделали в доме нашего владельца?

Бипредикативные вопросительные конструкции достаточно разнообразны и требуют, на наш взгляд, отдельного рассмотрения.

В этой работе мы подробно остановимся только на конструкциях первого типа.

Употребление времен и наклонений глаголов в монопредикативных вопросительных условных конструкциях

Рассмотрим сначала употребление времен и наклонений в вопросительных условных конструкциях (ВУК) с эллипсисом главного предложения. Такие конструкции могут иметь как значение реальности, так и значение ирреальности, могут относиться к прошлому, настоящему и будущему.

Возможны ВУК с эллипсисом главного предложения, относящиеся к плану настоящего:

(8 CAT) I si estic (PRS IND) equivocat ara? А если я сейчас ошибаюсь?
(8 ES) ¿Y si estoy (PRS IND) equivocado ahora?
(8 FR) Et si je me trompe (PRS IND) maintenant?

В следующем примере употребляется презенс индикатива в двух условных придаточных:

(9 CAT)¿I si el bot es tomba (PRS IND) i caiem (PRS IND) a l'aigua? (Pla, p. 214). А если лодка затонет и мы погрузимся на дно?
(9 ES) ¿Y si el bote se vuelca (PRS IND) y caemos (PRS IND) al agua? (Pla, p. 235).
(9 FR) Et si le bateau chavire (PRS IND) et qu'on tombe (PRS IND) à l'eau ? (Pla, p. 211).

В примере 9 один из собеседников хочет пересесть в лодке поближе к другому, но ему объясняют, что в этом случае судно может затонуть, а они находятся далеко от пляжа.

Во французском языке, в отличие от каталанского и испанского, в конструкциях с двумя условными придаточными вместо повторения условного союза «si» возможно употребление союза «que» [Sandfeld, 1965. P. 338].

(10 CAT) I si et denuncio (PRS IND) <…> I si es presenta (PRS IND) una circunstancia que m'hi obliga (PRS IND)? (Pedrolo, p. 27–28). А если я разоблачу тебя? <…> А если возникнет обстоятельство, которое обяжет меня сделать это?

Примеры 9 и 10 относятся к плану будущего и имеют значение реальности. Конструкции этого типа можно трансформировать в бипредикативные ВУК путем добавления аподозиса со значением «что произойдет / что будет?».

Возможны вопросительные монопредикативные условные конструкции с имперфектом индикатива:

(11 CAT) I si m'equivocava (IPFV IND) ? (Piñol, p. 486). А если я ошибался?
(11 ES) ¿Y si me equivocaba (IPFV IND)? (Piñol, p. 360).
(11 FR) Et si je me trompais (IPFV IND) ? (Piñol, p. 369).

Пример 11 относится к плану прошлого, имеет значение реальности, которое выражено имперфектом индикатива.

Как показывают исследования, презенс и имперфект индикатива характерны и для утвердительных [Wheeler et al., 1999. P. 576–580], и для вопросительных УК. Как отмечает Л. И. Илия в «Очерках по грамматике современного французского языка», имперфект индикатива по своей широкой употребительности сходен с презенсом индикатива и, как последний, может быть принят за точку отсчета. Исследователь также отмечает, что после «si» имперфект индикатива употребляется с модальным оттенком предположения и означает прошедшее в видовом отношении несовершенное [Илия, 1970. С. 62–63].

В примере 12 в каталанском языке, подобно испанскому и французскому, плюсквамперфект индикатива после сочетания союзов *кат.* «i si», *исп.* «y si», *фр.* «et si» выражает значение реальности.

(12 CAT) I si Marcus havia alterat (PQP IND) fragments de la seva historia per tal de protegir Amgam? (Piñol, p. 484). А если Маркус изменил фрагменты своей истории, чтобы защитить Амгама?
(12 ES) ¿Y si Marcus había alterado (PQP IND) fragmentos de su historia para proteger a Amgam? (Piñol, p. 358).
(12 FR) Et si Marcus avait altéré (PQP IND) des fragments de l'histoire afin de protéger Amgam? (Piñol, p. 367).

Помимо конструкций со значением реальности встречаются также и конструкции со значением ирреальности с теми же союзами:

(13 CAT) I si en lloc d'un fill pròdig n'hagués tingut (PQP CONJ) dos? (Piñol, p. 87). А если бы вместо одного блудного сына у него их было два?
(13 ES) ¿Y si en lugar de un hijo pródigo hubiese tenido (PQP CONJ) dos? (Piñol, p. 67).
(13 FR) Et si au lieu d'un fils prodigue il en avait eu (PQP IND) deux ? (Piñol, p. 67).

В примере 13 употребление времени и наклонения глагола в каталанском языке совпадает с испанским и не совпадает с французским. В первых двух языках употребляется плюсквамперфект конъюнктива, который выражает значение ирреальности. Во французском употребляется плюсквамперфект индикатива, который в условном придаточном может выражать как

значение реальности, так и значение ирреальности. В примере 13 речь идет о притче, и значение ирреальности подтверждается контекстом.

В следующем примере на каталанском языке имперфект конъюнктива передает значение реальности, которое подтверждается контекстом (говорящий является социалистом):

(14 CAT) I si m'hagués fet (PQP CONJ) socialista per temor? (Porcel, p. 193). А что если я стал социалистом из страха?

В монопредикативных вопросительных конструкциях без эллипсиса, имеющих значение предложения, совета и др., употребление времен значительно у́же. В каталанском языке, как в испанском, употребляется имперфект конъюнктива, а во французском – имперфект индикатива (см. пример 2).

Трансформация монопредикативных вопросительных условных конструкций

Начнем рассмотрение с конструкций первой подгруппы первого типа. Вопросительные условные конструкции с эллипсисом главного предложения, начинающиеся в романских языках с союзов *кат.* «i si», *исп.* «y si», *фр.* «et si», могут быть трансформированы в бипредикативные конструкции с каталанским глаголом «passar», испанским «pasar» и французским «se passer» (все три глагола имеют значение «происходить») в главном предложении. При этом указанный глагол употребляется в различных временах и наклонениях и, в зависимости от этого, может выражать значение реальности, потенциальности [4] и ирреальности.

(15 CAT) Si ho haguessin sabut (PQP CONJ), ¿què hauria passat (PRF COND) ? (Pla, p. 495). Если бы они это знали, что произошло бы?

(15 ES) Si lo hubiesen sabido (PQP CONJ), ¿qué hubiera pasado (PQP CONJ) ? (Pla, p. 546).

(15 FR) Et s'ils avaient su (PQP IND), que se serait-il donc [5] passé (PRF COND) ? (Pla, p. 517).

В примере 15 в главном предложении в каталанском языке использован перфект кондиционала, что совпадает с французским, но отличается от испанского. В придаточном предложении в каталанском, так же как в испанском, употреблен плюсквамперфект конъюнктива, тогда как во французском – плюсквамперфект индикатива. Это высказывание имеет значение ирреальности, контрфактивности (ср. [Храковский, 1996. С. 24]) в плане прошлого.

Наиболее частотными среди рассматриваемых конструкций являются конструкции с глаголом со значением «происходить». Из общего корпуса условных конструкций, составляющего около 3 000 примеров на каталанском языке, были отобраны прототипические условные конструкции (непрототипические не рассматривались). Таким образом, нами было обработано 2 092 примера на каталанском языке, из которых 125 – бипредикативные ВУК. Как видно из табл. 2, каталанский глагол «passar» является самым употребительным глаголом в бипредикативных вопросительных условных конструкциях, в которых возможен эллипсис главного предложения. Что касается употребления времен и наклонений глагола «passar», то, как видно из табл. 3, каталанский глагол «passar» в главном предложении бипредикативных ВУК, в которых возможен эллипсис главного предложения, чаще всего употребляется в презенсе кондиционала.

В примере 16 на каталанском языке, подобно испанскому, в главном предложении используется футурум индикатива, тогда как во французском переводе – ближайшее будущее время.

(16 CAT) Què farem (FUT IND) si decideixen (PRS IND) envair-nos? (Piñol, p. 542). Что мы будем делать, если они решат завоевать нас?

(16 ES) ¿Qué haremos (FUT IPFV IND) si deciden (PRS IND) invadirnos? (Piñol, p. 400).

---

[4] Значение потенциальности, гипотетичности или суппозитив, выражается футурумом индикатива и презенсом кондиционала [Васильева, Пицкова, 1991. С. 55–57]. Л. И. Илия отмечает две корреляции форм: противопоставление презенса индикатива и имперфекта индикатива, футурума индикатива и презенса кондиционала, образующее стройную систему [Илия, 1970. С. 61].

[5] Частица «donc» («же»), употребленная во французском переводе, отсутствует в оригинале и является дополнением переводчика.

(16 FR) Qu'allons-nous faire (FUR PERIFR IND) s'ils décident (PRS IND) de nous envahir ? (Piñol, p. 410).

В дополнение к примерам из нашего корпуса мы попросили информантов перевести монопредикативные и бипредикативные УК с различными временами:

(17 CAT) I si guanyem (PRS IND) avui? А если мы выиграем сегодня?
(17 ES) ¿Y si ganamos (PRS IND) hoy?
(17 FR) Et si nous gagnons (PRS IND) aujourd'hui?

Таблица 2

Главное предложение в бипредикативных ВУК
(каталанский язык)

Содержание главного предложения, глагол в главном предложении ВУК	Количество примеров	Удельный вес, %
Бипредикативные ВУК, в которых нельзя опустить главное предложение без потери смысла	101	80,8
Passar «происходить»	12	9,6
Fer «делать»	6	4,8
Ocórrer «происходить»	2	1,6
Obtenir «получить»	2	1,6
Succeir «происходить»	1	0,8
Ser «быть»	1	0,8
Всего	125	100

Таблица 3

Времена и наклонения каталанского глагола «passar» в бипредикативных ВУК
с возможностью эллипсиса главного предложения

Время и наклонение	Количество примеров	Удельный вес, %
PRS COND	8	66,67
PRF COND	2	16,67
FUT IND	1	8,33
PRS IND	1	8,33
Всего	12	100

Пример 17 имеет значение реальности. В трех рассматриваемых языках в условном придаточном после союза «si» не употребляется будущее время, вместо него используется настоящее.

В примере 18 в главном предложении употреблен *кат.* глагол «passar», *исп.* «pasar» и *фр.* «se passer» («происходить») в будущем времени, в придаточном предложении презенс индикатива.

(18 CAT) Si guanyem (PRS IND), què passarà (FUT IND)? Если мы выиграем, что произойдет?
(18 ES) Si ganamos (PRS IND), ¿qué pasará (FUT IND)?
(18 FR) Si nous gagnons (PRS IND), que se passera-t-il (FUT IND) ?

В примере 18 на трех рассматриваемых языках можно добавить каталанский союз «i» («и») и соответствующие ему испанский и французский союзы без изменения семантики. Это объясняется близостью бипредикативных конструкций этого типа к монопредикативным, возможностью опустить главное предложение без потери смысла.

Пример 19 имеет значение потенциальности в будущем:

(19 CAT) Si guanyéssim (IPFV CONJ) avui, què passaria (PRS COND)? Если бы мы выиграли сегодня, что было бы?
(19 ES) Si ganáramos (IPFV CONJ) hoy, ¿qué pasaría (PRS COND)?
(19 FR) Si nous gagnions (IPFV IND) aujourd'hui, que se passerait-t-il (PRS COND)?

Пример 20 имеет значение ирреальности, контрфактивности в прошлом. В главном предложении используется глагол в перфекте кондиционала, в придаточном глагол употреблен переводчиком в плюсквамперфекте конъюнктива в каталанском языке. Употребление времен и наклонений в каталанском примере совпадает с испанским и отличается от французского, в котором используется плюсквамперфект индикатива.

(20 CAT) Si ahir haguéssim guanyat (PQP CONJ), què hauria passat (PRF COND)? Если бы мы вчера выиграли, что было бы?
(20 ES) Si ayer hubiéramos ganado (PQP CONJ), ¿qué habría pasado (PRF COND) ?
(20 FR) Si nous avions gagné (PQP IND) hier, que se serait-il passé (PRF COND) ?

В бипредикативных УК глагол в главном предложении употребляется в различных временах и наклонениях, выражая значения реальности, потенциальности и контрфактивности. Нами не было обнаружено ограничений на употребление времен в бипредикативных вопросительных конструкциях по сравнению с невопросительными условными конструкциями.

Монопредикативные конструкции 2 подгруппы 1 типа не могут быть трансформированы в бипредикативные, поскольку в них отсутствует и не подразумевается следствие (см. пример 2).

Семантика монопредикативных вопросительных условных конструкций

Вопросительные условные конструкции с эллипсисом главного предложения передают события, в реализации или в последствиях которых говорящий не уверен:

(21 CAT) I si (ell) de totes maneres aprova (PRS IND) l'examen? А если он все-таки сдаст экзамен?
(21 ES) ¿Y si (él) aprueba (PRS IND) el examen de todos modos?
(21 FR) Et s'il passe (PRS IND) tout de même l'examen ?

Для примеров этого типа характерно значение очень низкой вероятности. Человек, который сдает экзамен (пример 21), имеет трудности с подготовкой. Если он сдаст экзамен, это будет неожиданностью, а в момент речи это событие рассматривается как маловероятное.

Рассмотрим следующий пример в двух вариантах:

(22a CAT) I si (ell) demà arriba (PRS IND) tard? А если он завтра опоздает?
(22a ES) ¿Y si (él) mañana llega (PRS IND) tarde?
(22a FR) Et si demain il arrive (PRS IND) en retard?

(22b CAT) I si (ell) demà no arriba (PRS IND) tard? А если он завтра не опоздает?
(22b ES) ¿Y si (él) mañana no llega (PRS IND) tarde?
(22b FR) Et si demain il n'arrive (PRS IND) pas en retard ?

Пример 22a отличается от 22b отсутствием / наличием отрицания при глаголе. Так, в примере 22a речь идет о человеке, который обычно не опаздывает, а в примере 22b – о человеке, который регулярно опаздывает. В первом случае опоздание маловероятно, а во втором – очень вероятно.

В примере 23, так же как и в примерах 21 и 22, речь идет о событии, реализация которого выбивалась бы из привычного хода вещей: люди, которые регулярно покупают пирожное, купят мороженое:

(23 CAT) I si (ell) demà compra (PRS IND) gelat però no un pastís? А если завтра он купит мороженое, а не пирожное?

(23 ES) ¿Y si (él) mañana compra (PRS IND) helado pero no compra un pastel?
(23 FR) Et si demain il achète (PRS IND) une glace et pas un gâteau?

В примере 24 в фокусе оказывается труднопредсказуемое следствие события. Человек, который хочет улыбнуться, не знает, какой будет реакция другого человека.

(24 CAT) I si li somric (PRS IND) ? А если я ему улыбнусь?
(24 ES) ¿Y si le sonrío (PRS IND) ?
(24 FR) Et si je lui souris (PRS IND) ?

Вопросительные условные конструкции с эллипсисом главного предложения часто имеют семантику негативной оценки последствий рассматриваемой ситуации, как в примерах 25 и 26 на каталанском языке:

(25 CAT) Un parell de guàrdia civils fan (PRS IND) una redada i troben (PRS IND) tres si granades…
– **I si n'explota (PRS IND) una?**
– Ah, aleshores direm (FUT IND) que només n'hem trobat (PRF IND) dues...
Два охранника совершают обход и находят три гранаты
– **А если одна из них взорвется?**
– Ну тогда мы скажем, что мы нашли только две...
(Занимательные истории на каталанском языке, с. 87).

В приведенном примере высказывание с условной конструкцией произносится одним человеком, тогда как другой дает ответ, содержащий главное предложение УК с футурумом индикатива («direm» – скажем). В примере 25 типичная семантика УК искажена юмористической модальностью. Как отмечает Л. И. Боголюбова, «во многих случаях использования вопросительных предложений мы имеем дело с иронией» [2016. С. 31]. В примере 26 ирония отсутствует:

(26 CAT) I si a casa passava (IPFV IND) alguna cosa? ¿I si estaven (IPFV IND) provant de telefonar-me i no podien (IPFV IND), i començaven (IPFV IND) a imaginar-se que s'havia calat (PQP IND) foc a la casa mentre jo dormia (IPFV IND) i...? (Folch I Camarasa, p. 135). А если дома что-нибудь случилось? А если они не могут сюда дозвониться и думают, что ночью, пока я спал, вспыхнул пожар?

В примере 26 употреблены две ВУК подряд, что стилистически усиливает эмоциональную окраску высказывания. Для вопросительных монопредикативных конструкций с эллипсисом главного предложения, в отличие от повествовательных УК и от бипредикативных ВУК, характерно употребление нескольких конструкций подряд.

В трех рассматриваемых языках возможны монопредикативные условные конструкции без эллипсиса главного предложения, передающие значение просьбы, предложения, совета (примеры 2 и 27).

В каталанском языке в этом случае употребляется имперфект конъюнктива:

(27 CAT) Una mare va amb la seva filia a la consulta del metge de capçalera i li diu:
– La nena em té preocupada, doctor. Com pot veure, no para mai de somriure... El doctor examina la nena i al cap d'uns moments recomana a la mare:
– Escolti, senyora, i **si provés d'afluixar-li les cues** (IPFV CONJ)?
Мать идёт со своей дочерью на приём к семейному доктору и говорит ему:
– Девочка меня беспокоит, доктор. Как видите, она не перестает никогда улыбаться… Доктор осматривает девочку и несколько мгновений спустя советует матери:
– Послушайте, сеньора, **а если вам попробовать ослабить ей косички?**
(Занимательные истории на каталанском языке, с. 85).

Как отмечает А. С. Маричева, подобные предложения в основном «передают побуждение в мягкой, некатегоричной форме. По-видимому, этим объясняется крайне редкое употребление в их составе формул вежливости. Можно предположить, что анализируемые конструкции не нуждаются в использовании специальных средств смягчения побуждения, поскольку они сами служат для этого» [2017. С. 152].

Исследователи отмечают, что условные конструкции чаще всего бывают повествовательными, но могут быть также вопросительными, повелительными (или побудительными), оптативными, восклицательными [Ницолова, 1998. С. 133–134; Островский, 1998. С. 187]. Побудительные и вопросительные УК называют речеактными или неутверждающими условными конструкциями [Томмола, 1969. С. 344]. Как отмечает В. С. Храковский, в «речеактной УК зависимость между условием и следствием реализуется в виде связи между смыслом условия и речевым актом, соответствующим следствию» [1998. С. 99]. В этом заключается важное отличие вопросительных и побудительных УК от повествовательных.

Заключение

1. Монопредикативность характерна именно для вопросительных, а не для повествовательных условных конструкций.
2. Монопредикативные условные конструкции делятся на два типа: конструкции с эллипсисом и без него. В конструкциях с эллипсисом главного предложения подразумевается следствие. Конструкции без эллипсиса никакого следствия не подразумевают.
3. Для монопредикативных вопросительных условных конструкций характерно наличие маркера – сочетания союзов *кат.* «i si», *исп.* «y si», *фр.* «et si» в абсолютном начале.
4. Вопросительные условные конструкции с эллипсисом главного предложения могут иметь как значение реальности, так и значение ирреальности; они могут относиться к настоящему, прошлому и будущему. Эти значения выражаются временами и наклонениями глаголов, употребление которых в трех рассматриваемых языках в вопросительных условных конструкциях с эллипсисом главного предложения в основном совпадает. При этом выявлены следующие отличия. Имперфекту конъюнктива в каталанском и испанском языках, как правило, соответствует имперфект индикатива во французском языке. Плюсквамперфект конъюнктива в каталанском и испанском языках во французском противопоставлен плюсквамперфекту индикатива. Следует отметить, что это отличие характерно также для невопросительных УК.
5. В вопросительных условных конструкциях без эллипсиса в каталанском языке, так же как в испанском, употребляется имперфект конъюнктива в отличие от французского, в котором используется имперфект индикатива.
6. Монопредикативные вопросительные конструкции с эллипсисом главного предложения передают события, в реализации или в последствиях которых говорящий не уверен, а также события с очень низкой вероятностью их наступления. Такие конструкции имеют в основном негативную семантику. Монопредикативные ВУК без эллипсиса имеют значение просьбы, предложения, совета.

Полученные результаты могут быть использованы в преподавании каталанского языка и в исследованиях этого языка.

Список литературы

Боголюбова Л. И. Косвенные вопросительные высказывания во французском языке // Древняя и Новая Романия. 2016. Т. 17, № 1 (17). С. 25–34.

Васильева Н. М., *Пицкова Л. П.* Теоретическая грамматика. Ускоренный курс. М.: Высш. шк., 1991. 299 с.

Гурова Н. В. Местоименные вопросительные предложения в английском и испанском языках: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2005. 19 с.

Засыпкин В. П. Неполные и односоставные вопросительные предложения в романских языках: Диалог. Типология. Функции. Сургут: РИО СурГПИ, 2004. 138 с.

Илия Л. И. Очерки по грамматике современного французского языка. М.: Высш. шк., 1970. 176 с.

Лысенко В. И. Вопросительные сложноподчиненные предложения с придаточными условными в современном русском литературном языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 1996. 24 с.

Маричева А. С. Вопросительные предложения с *si*, выражающие предположение о целесообразности / желательности действия (на материале французского языка) // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Лингвистика. 2017. № 5. С. 150–155.

Невзорова С. В. Структурно-семантическая и сравнительно-типологическая характеристика сложносочиненного вопросительного предложения (на материале фр. и исп. яз.). Тамбов: Изд-воТГУ, 2004. 185 с.

Ницолова Р. Условные конструкции в болгарском языке // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 133–134.

Островский Б. Я. Условные конструкции в языке дари // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 183–201.

Рагозина И. Ф. Ирреально-условные предложения: смыслы и формы (на материале русского и французского языков). М.: Спутник+, 2013. 180 с.

Типология условных конструкций: Колл. моногр. / Под ред. В. С. Храковского. СПб.: Наука, 1998. 583 с.

Томмола Х. Условные конструкции в финском языке // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 325–349.

Храковский В. С. Анкета для описания условных конструкций // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 97–128.

Храковский В. С. Потенциальность / ирреальность: оппозиция и / или шкала значений в условных конструкциях // Семантика и коммуникация. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 19–27.

Цкитишвили Н. В. Условные предложения в современном испанском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1974. 28 с.

Arcaini E., *Py B.*, *Rossini Favretti R.* Analyse contrastive et apprentissage des langues : La syntaxe de l'interrogation en espagnol, français, italien et anglais. Bologna : Pàtron, 1979. 307 p.

Dąbrowska J. Structure de l'interrogation directe en français et en espagnol de nos jours. Wrocław: Zakl. nar. im. Ossolińskich, 1973. 103 p.

Martí i Castell J. Una aproximació a la llengua de Ramon Llull l'ús de les oracions condicionals amb «si» / El rei Jaume I: fets, actes i paraules / Coord. por Germà Colón i Domènech. Tomás Martínez Romero, 2008. P. 459–486.

Nueva Gramática de la Lengua Española / Real Academia Española. Espasa Libros, 2010. 993 p.

Russell-Gebbett P. L'estructura de les oracions condicionals de realització impossible en el català medieval // Actes del Tercer Col·loqui Internacional de Llengua i Literatura catalanes celebrat a Cambridge del 9 al 14 d'abril de 1973 / Coord. por Robert Brian Tate, Alan Yates. Cambridge, 1976. P. 207–218.

Salvador V. Aspectes semántico-pragmàtics de les condicionals: aplicació a un corpus de proverbis Catalans // Actes du XX Congrès International de Linguistique et Philologie Romanes: Université de Zurich (6–11 avril 1992) / Publiés per Gerold Hilty. Zurich, 1993. Vol. 1. P. 669–682.

Sandfeld Kr. Syntaxe du français contemporain. Les propositions subordonnées. Genève: Librairie Droz, 1965. 487 p.

Wheeler M. W., *Yates A.*, *Dols N.* Catalan: A Comprehensive Grammar. Routledge, London: Taylor & Francis Routledge, 1999. 809 p.

Список источников

Занимательные истории на каталанском языке. М.: Изд-во ВКН, 2016. 128 с. (на каталан. яз. с переводом)

De Pedrolo M. Trajecte final. Barcelona: edicions 62, 1979. 155 p. (на каталан. яз.)

Folch I Camarasa R. Sala de miralls. Barcelona: Planeta, 1982. 220 p. (на каталан. яз.)

Pla J. El cuaderno gris. España: Ediciones Destino, 2016. 847 p. Traducción de Dionisio Ridruejo (пер. с каталан. на исп.)

Pla J. El quadern gris. Barcelona: Edicions Destino, 2014. 763 p. (на каталан. яз.)

Pla J. Le cahier gris. France: Gallimard, 2013. 812 p. Journal traduit du catalan par Serge Mestre (пер. с каталан. на фр.)

Porcel B. Cada castell i totes les ombres. Barcelona: Edicions 62, 2009. 415 p. (на каталан. яз.)

Rodoreda M. La plaça del Diamant. Barcelona: Club Editor Jove, 2015. 267 p. (на каталан. яз.)

Sánchez Piñol A. Pandora al Congo. Barcelona: La Campana, 2005. 592 p. (на каталан. яз.)
Sánchez Piñol A. Pandora en el Congo. Madrid: Santillana Ediciones Generales, 2015. 436 p. Traducción de Xavier Theros (пер. с каталан. на исп.)
Sánchez Piñol A. Pandore au Congo. France: ACTES SUD, 2007. 447 p. Traduit du catalan par Marianne Million (пер. с каталан. на фр.)

Список условных сокращений

ВУК – вопросительные условные конструкции; УК – условные конструкции; CAT – каталанский язык; COND – кондиционал; CONJ – конъюнктив, ES – испанский язык; FR – французский язык; FUT – футурум, IND – индикатив; IPFV – имперфект; PERIFR – перифрастическое (время); PQP – плюсквамперфект; PRF – перфект; PRS – презенс.

Материал поступил в редколлегию 07.03.2018

Tatiana V. Repnina

Institute for Linguistic Studies RAS
9 Tuchkov per., Saint-Petersburg, 199053, Russian Federation

lumenna@yandex.ru

ONE-PREDICATE INTERROGATIVE CONDITIONAL CONSTRUCTIONS IN CATALAN (IN COMPARISON WITH SPANISH AND FRENCH)

The article deals with mononuclear interrogative conditional constructions in Catalan (in comparison with Spanish and French), a topic addressed for the first time in a separate study. The tense and voice uses in these constructions, their transformations into two-predicate constructions, and their meanings are examined in detail. Conclusions about the differences in tense use are made, constructions with positive and negative meanings are analyzed.

The following conclusions are made:

1. One-predicate conditional constructions are characteristic of interrogative, but not of declarative utterances.
2. One-predicate conditional constructions can be split into those that elide the main clause and those that do not. Elliptical constructions imply the meaning of consequence, while non-elliptical constructions do not.
3. One-predicate interrogative conditional constructions normally begin with a special marker, a conjunction combination – *i si* in Catalan, *y si* in Spanish, and *et si* in French.
4. Interrogative conditional constructions with main clause ellipsis can express both real and unreal condition in the present, past or future by means of tenses and moods. The use of tenses and moods in constructions with main clause ellipsis in the three targeted languages mostly coincide. The differences can be summed up as follows. In Catalan and Spanish, the imperfect of the conjunctive generally corresponds to the imperfect of the indicative in French. In Catalan and Spanish, the pluperfect of the conjunctive is opposed to the pluperfect of the indicative in French. The same difference is also true of non-interrogative conditional constructions.
5. In Catalan and Spanish, non-elliptical interrogative conditional constructions use imperfect subjunctives as opposed to French where imperfect indicatives occur instead.
6. Elliptical one-predicate interrogative conditional constructions address events whose realization or consequences are not obvious to the speaker, or low-probability events. Such constructions mostly express negative meaning. Non-elliptical one-predicate interrogative conditional constructions express request, suggestion, or advice.

Keywords: conditional constructions, interrogative constructions, one-predicate conditional constructions, syntax, Catalan, Spanish, French.

References

Arcaini E., Py B., Rossini Favretti R. Analysecontrastive et apprentissage des langues : La syntaxe de l'interrogation en espagnol, français, italien et anglais. Bologna : Pàtron, 1979. 307 p.

Bogolyubova L. I. Kosvennye voprositel'nye vyskazyvaniya vo francuzskom yazyke [Indirect interrogative utterances in French]. *Drevnyaya i Novaya Romaniya* [*Ancient and New Romania*], 2016, vol. 17, no. 1 (17), p. 25–34. (in Russ.)

Tskitishvili N. V. Uslovnye predlozheniya v sovremennom ispanskom yazyke [Conditional sentences in modern Spanish]. Cand. of Science Dissertation. Moscow, 1974, 28 p. (in Russ.)

Dąbrowska J. Structure de l'interrogation directe en français et en espagnol de nos jours. Wrocław, Zakl. nar. im. Ossolińskich, 1973, 103 p.

Gurova N. V. Mestoimennye voprositel'nye predlozheniya v anglijskom i ispanskom yazykah [Pronoun interrogatives in English and Spanish]. Cand. of Science Dissertation. Pyatigorsk, 2005, 19 p. (in Russ.)

Iliya L. I. Ocherki po grammatike sovremennogo francuzskogo yazyka [A Study of Modern French Grammar]. Moscow, Vysshaya shkola [High school], 1970, 176 p. (in Russ.)

Khrakovskiy V. S. Anketa dlya opisaniya uslovnykh konstruktsiy [A Questionnaire on Conditional Constructions]. *Tipologiya uslovnykh konstruktsiy* [*Typology of Conditional Constructions*]. Ed. by V. S. Khrakovskiy. St. Petersburg, Nauka, 1998, p. 97–128. (in Russ.)

Lysenko V. I. Voprositel'nye slozhnopodchinennye predlozheniya s pridatochnymi uslovnymi v sovremennom russkom literaturnom yazyke [Interrogative complex sentences with conditional clauses in the modern Literary Russian]. Cand. of Science Dissertation. Stavropol, 1996, 24 p. (in Russ.)

Maricheva A. S. Voprositel'nye predlozheniya s *si*, vyrazhayushchie predpolozhenie o tselesoobraznosti / zhelatel'nosti dejstviya (na materiale frantsuzskogo yazyka) [Interrogative utility/desirability si-sentences (French evidence)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [*Herald of Moscou State Regional University*], 2017, no. 5, p. 150–155. (in Russ.)

Martí i Castell J. Una aproximació a la llengua de Ramon Llull l'ús de les oracions condicionals amb «si». *El rei Jaume I: fets, actes i paraules*. Coord. por Germà Colón i Domènech. Tomás Martínez Romero, 2008, p. 459–486.

Nevzorova S. V. Strukturno-semanticheskaya i sravnitel'no-tipologicheskaya kharakteristika slozhnosochinennogo voprositel'nogo predlozheniya (na materiale fr. i isp. yaz.) [A Structurally-Semantic and Comparatively-Typological Description of the Compound Question (French and Spanish evidence)]. Tambov, TSU Publ., 2004, 185 p. (in Russ.)

Nitsolova R. Uslovnye konstruktsii v bolgarskom yazyke [Conditional constructions in Bulgarian]. *Tipologiya uslovnykh konstruktsiy* [*Typology of Conditional Constructions*]. St. Petersburg, Nauka, 1998, p. 133–134. (in Russ.)

Nueva Gramática de la Lengua Española. Real Academia Española. Espasa Libros, 2010, 993 p.

Ostrovskiy B. Ya. Uslovnye konstruktsii v yazyke dari [Conditional constructions in Dari]. *Tipologiya uslovnykh konstruktsiy* [*Typology of Conditional Constructions*]. St. Petersburg, Nauka, 1998, p. 183–201. (in Russ.)

Ragozina I. F. Irreal'no-uslovnye predlozheniya: smysly i formy (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov) [Unreal conditionals: meanings and forms]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2013, 180 p. (in Russ.)

Russell-Gebbett P. L'estructura de les oracions condicionals de realització impossible en el català medieval. *Actes del Tercer Col·loqui Internacional de Llengua i Literatura catalanes celebrat a Cambridge del 9 al 14 d'abril de 1973*. Coord. por Robert Brian Tate, Alan Yates, 1976, p. 207–218.

Salvador V. Aspectes semántico-pragmàtics de les condicionals: aplicació a un corpus de proverbis Catalans. *Actes du XX Congrès International de Linguistique et Philologie Romanes: Université de Zurich (6–11 avril 1992)*. Publiés per Gerold Hilty, 1993, vol. 1, p. 669–682.

Sandfeld Kr. Syntaxe du français contemporain. Les propositions subordonnées. Genève, Librairie Droz, 1965, 487 p.

Tipologiya uslovnykh konstruktsiy [Typology of Conditional Constructions]. Ed. by V. S. Khrakovskiy. St. Petersburg, Nauka, 1998. (in Russ.)

Tommola H. Uslovnye konstruktsii v finskom yazyke [Conditional constructions in Finnish]. *Tipologiya uslovnykh konstruktsiy* [*Typology of Conditional Constructions*]. St. Petersburg, Nauka, 1998, p. 325–349. (in Russ.)

Vasil'eva N. M., Pitskova L. P. Teoreticheskaya grammatika. Uskorennyj kurs [A Brief Course in Theoretical Grammar]. Moscow, Vysshaya shkola [High school], 1991, 299 p. (in Russ.)

Wheeler M. W., Yates A., Dols N. Catalan: A Comprehensive Grammar. Routledge, London, Taylor & Francis Routledge, 1999, 809 p.

Zasypkin V. P. Nepolnye i odnosostavnye voprositel'nye predlozheniya v romanskikh yazykakh: Dialog. Tipologiya. Funktsii [Elliptical and mononuclear interrogative sentences in Romanic languages: Dialogue. Typology. Functions]. Surgut, RIO SurGPI, 2004, 138 p. (in Russ.)

For citation:

Repnina Tatiana V. One-Predicate Interrogative Conditional Constructions in Catalan (In Comparison with Spanish and French). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 102–115. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-102-115

УДК 811.111; 811.161.1
DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-116-126

Т. В. Бобылева

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

tanvbob2018@gmail.com

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ НАЗВАНИЯ РОМАНА ДЖ. ОСТИН «SENSE AND SENSIBILITY» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Целью исследования является анализ двух русских переводов названия романа Дж. Остин «Sense and Sensibility». Рассматриваются версии И. Г. Гуровой (1988) и А. Ю. Фроловой (2013). Значения лексем *sense* и *sensibility* в английском языке (в XVIII–XIX вв. и в наше время) сопоставляются со значениями соответствующих вариантов перевода в современном русском языке. В основной части исследования осуществляется выявление наиболее актуальных значений данных русских лексем с помощью ассоциативных баз данных: Русского регионального ассоциативного словаря-тезауруса ЕВРАС (Институт языкознания РАН) и Русской региональной ассоциативной базы данных СИБАС (Институт языкознания РАН, Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный университет). Выявлен наиболее адекватный перевод названия романа на русский язык: «Разум и чувство» (автор А. Ю. Фролова). В данной статье также приведены другие (потенциально возможные) версии перевода названия на русский язык, учитывающие не только оппозицию рационального и иррационального компонентов, но также и аллитерацию, которая имеет место в ИЯ. Проведенный анализ является частью дальнейшего исследования, посвященного изучению лингвистических особенностей переводов романа «Sense and Sensibility» на русский и французский языки.

Ключевые слова: английский язык, ассоциативное поле, ассоциативный эксперимент, Джейн Остин, перевод, русский язык.

Введение

Джейн Остин является одним из самых выдающихся авторов английской и мировой литературы, и попытки перевести ее произведения для аудитории конкретной страны предпринимались неоднократно в связи со сложностью передачи неповторимого авторского стиля, различиями эпох, социально-культурных контекстов и ценностных установок.

Целью данной статьи является анализ переводов названия романа на русский язык в версиях И. Г. Гуровой [1988] и А. Ю. Фроловой [2013]. Данный анализ выполнен нами в рамках исследования, объектом которого являются переводы романа Дж. Остин «Sense and Sensibility» [Austen, 2014] на русский и французский языки, а предметом изучения – их лингвистические особенности.

Актуальность изучения новых переводов классических произведений обусловлена возрастающим интересом современных лингвистов и филологов к феномену повторного перевода [Mattos, 2015]. Начиная с 2000-х гг. данная проблематика активно исследуется рядом зарубежных исследователей – И. Гамбье [1], И. Колломба, Т. Маттосом, Э. Монти и др., а также

[1] Публикации И. Гамбье [Gambier, 2011] относятся к обеим «волнам» (1990-е и 2000/2010-е гг.) научных работ в области повторного перевода.

Бобылева Т. В. Анализ переводов названия романа Дж. Остин «Sense and Sensibility» на русский язык // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 116–126.

© Т. В. Бобылева, 2018

становится темой докладов и обсуждений на международных научных конференциях. В большинстве этих научных работ конкретизируются или корректируются теоретические положения, представленные в 1990 г. самым заметным из основателей данной проблематики А. Берманом в научной публикации «La retraduction comme espace de la traduction» [Berman, 1990]. Различные гипотезы о феномене повторного перевода часто сопровождаются практическим изучением переводов одного и того же произведения на конкретный язык. Именно актуальностью этого направления исследований обусловлен наш интерес к изучению лингвистических особенностей новых переводов романа Дж. Остин «Sense and Sensibility» на французский и русский языки.

Следует отметить, что изучение адекватности переводов названий художественных произведений является важным аспектом исследования, так как названия всегда интерпретируются и анализируются в макроконтексте, с учетом основной идеи всего произведения.

В предыдущей статье, посвященной изучению четырех переводов названий романа «Sense and Sensibility» на французский язык в версиях И. де Монтольё, Ж. Кастье, Ж. Прива и П. Губера, мы обращались к материалам ассоциативных баз данных с целью конкретизации в восприятии современной аудиторией самых актуальных значений рассматриваемых лексем [Бобылева, 2018]. Как было отмечено ранее, в современном языкознании метод ассоциативного эксперимента является одним из самых актуальных. В данной статье, посвященной изучению переводов названия романа на русский язык в версиях И. Г. Гуровой и А. Ю. Фроловой, мы будем использовать этот же метод.

Значения лексем *sense* и *sensibility* в английском языке

В предыдущей статье мы обратились к двум изданиям (1768 и 1828 гг.) Толкового словаря английского языка С. Джонсона, чтобы выявить, как понятия *sense* и *sensibility* воспринимались при жизни писательницы [Бобылева, 2018. С. 77–78]. Кратко напомним о полученных нами данных. В первую очередь лексема *sense* означает *faculty or power by which external objects are perceived* (способность к восприятию внешних объектов) и *perception by the senses*, *sensation* (восприятие через органы чувств, ощущение). Среди наиболее релевантных для нашего анализа словарных значений лексемы *sense*, принятых на рубеже XVIII–XIX вв., можно выделить: *perception by intellect* (интеллектуальное восприятие), *understanding* (понимание), *soundness of faculties* (твердость способностей), *strength of natural reason* (сила естественного разума), *reason* (разум), *opinion* (мнение), *judgment* (суждение), *consciousness* (сознание), *conviction* (убеждение), *moral perception* (нравственное восприятие). В качестве последнего значения в словарной статье фигурируют *meaning* (значение) и *import* (суть, важность). Словарными значениями лексемы *sensibility*, принятыми на рубеже XVIII–XIX вв., являются: *quickness of sensation* (быстрота ощущения), *quickness of perception* (быстрота восприятия) и *delicacy* (деликатность, чувствительность).

Мы также выявили значения лексем *sense* и *sensibility*, актуальные в наше время, с помощью современных словарей английского языка Oxford Dictionary и Cambridge Dictionary [Бобылева, 2018. С. 78–80]. Кратко напомним результаты. Первым словарным значением лексемы традиционно являются физические ощущения и восприятие окружающего мира через органы чувств. Наиболее релевантные для нашего анализа значения лексемы *sense* в словаре Cambridge Dictionary: *a general feeling or understanding* (общее чувство или понимание); *the characteristic of having good judgment*, *especially when it is based on practical ideas or understanding* (наличие здравого суждения, такого, которое основано на практичном отношении к происходящему и понимании). Значения лексемы *sense* в словаре Oxford Dictionary в целом аналогичны: *feeling that something is the case* (чувство происходящего), *sane and realistic attitude to situations and problems* (здравое и реалистичное отношение к ситуациям и проблемам), *a reasonable or comprehensible rationale* (разумное или понятное логическое обоснование). При этом в словаре Oxford Dictionary для лексемы sense допускаются также элементы [2] ин-

[2] Тем не менее во всех остальных словарных значениях лексемы *sense* подчеркивается опора на реалистичное и практичное отношение к жизни, а также здравое суждение. Кроме того, понятие *sense* весьма точно определяется самим макроконтекстом романа скорее как здравый смысл (common sense), чем интуиция.

туиции: *keen intuitive awareness of or sensitivity to the presence or importance of something* (интуитивное осознание присутствия или важности чего-л.). Последними словарными значениями являются: *one of the possible meanings of a word or phrase* (одно из возможных значений слова или фразы), по данным Cambridge Dictionary; *a way in which an expression or a situation can be interpreted* (способ интерпретации выражения или ситуации) и *a meaning* (значение), по данным Oxford Dictionary. Значения лексемы *sensibility* [3], по данным словаря Cambridge Dictionary: *understanding of or ability to decide about what is good or valuable*, *especially in connection with artistic or social activities*: *literary* / *musical* / *artistic* / *theatrical* / *aesthetic sensibility* (понимание или способность принимать решения о том, что хорошо или ценно, особенно в связи с художественными или общественными видами деятельности: литературная, музыкальная, эстетическая чувствительность); *feelings* (чувства). Значения лексемы *sensibility*, по данным словаря Oxford Dictionary: *the quality of being able to appreciate and respond to complex emotional or aesthetic influences*; *sensitivity* (способность оценить или ответить на сложные эмоциональные или эстетические воздействия; чувствительность); *a quality of delicate sensitivity that makes one liable to be offended or shocked* (качество деликатной чувствительности, которое делает кого-либо подверженным обидам или потрясениям).

Перевод лексем *sense* и *sensibility* на русский язык

Переходя к рассмотрению переводов названия романа на русский язык, отметим, что И. Г. Гурова связала понятие *чувство* с *sense*: «Чувство и чувствительность», а А. Ю. Фролова – с его контекстуальным антонимом *sensibility*: «Разум и чувство». В буквальном переводе И. Г. Гурова фактически отказывается раскрывать авторское послание, о котором говорилось выше. В оппозиции, предложенной А. Ю. Фроловой, всё понятно и логично.

Макроконтекст романа определяет понятие *sense* как *здравый смысл*, нередко также выражаемое в английском языке развернутым выражением *common sense*.

Перед нами встает задача определить, с какими понятиями в языковой картине мира современных россиян ассоциируются лексемы *чувство* и *разум*, выбранные переводчиками на русский язык для передачи *sense*. Ответ на этот вопрос может дать лишь ассоциативный эксперимент, непосредственно отражающий самые актуальные значения лексем в современном русском языке.

Но прежде всего мы обратимся к словарным значениям данных лексем.

По данным Толкового словаря Т. Ф. Ефремовой (ТСРЯ, 2000), значения лексемы *чувство* связаны со способностью к восприятию внешних впечатлений, а также с самим процессом ощущения и восприятия:

1. Способность живого существа воспринимать внешние впечатления.
2. Самый процесс ощущения, восприятия чего-л.
3)
1. Психофизическое состояние живого существа, то, что оно испытывает, ощущает.
2. Внутреннее, психическое состояние человека, то, что входит в содержание его душевной жизни.
4)
1. разг. Любовь, испытываемая кем-л. к кому-л.
2. Волнение, душевный подъем, порыв.

Это непосредственно совпадает с первым значением рационального компонента *sense* в словарях английского языка С. Джонсона, изданных в эпоху Дж. Остин, а также в современных словарях Cambridge Dictionary и Oxford Dictionary. Однако на этом сходство русской лексемы *чувство* со значениями *sense* заканчивается.

Среди других словарных значений русской лексемы *чувство* подчеркнем *внутреннее*, *психическое состояние человека*, *то*, *что входит в содержание его душевной жизни* и *волнение*, *душевный подъем*, *порыв*, близкие значениям английской лексемы *sensibility*, а не *sense*. Об этом же свидетельствует и значение *любовь*, *испытываемая кем-л. к кому-л.*

[3] Чувствительность к эстетическим и эмоциональным воздействиям, а также подверженность эмоциональным потрясениям совпадают с теми значениями *sensibility*, которые определяются макроконтекстом романа.

Переходя к конкретизации самых актуальных значений лексемы *чувство* в языковой картине мира современных россиян, обратимся к двум источникам (табл. 1): Русскому региональному ассоциативному словарю-тезаурусу ЕВРАС (составители Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева) и Русской региональной ассоциативной базе данных СИБАС (составители И. В. Шапошникова, А. А. Романенко).

Таблица 1

Реакции на стимул *чувство* по данным ассоциативных экспериментов

Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС	Русская региональная ассоциативная база данных СИБАС
любовь 112; юмора 39; вины 29; долга 23; любви 22; радость 13; сильное 12; голода 11; боль 10; гордости, достоинства 8; ответственности, страха, юмор 7; глубокое, эмоция 6; голод, меры, ощущение, радости, ритма, эмоции 5; гордость, сердце, страх, стыда, хорошее 4; долг, дома, желание, жизни, смерти, состояние, справедливости, счастья 3; feeling, веры, вина, восприятие, высокое, долго, достоинство, душа, жалости, искреннее, мести, мысли, осязание, ответственность, собственности, совести, страсть, тоски, тревоги, удовлетворения, холода, чистое 2; sense, апатия, бабочки, без чувств, благородство, блаженство, большое, взаимное, взрыв, вкус, влюбился, влюбленности, внезапное, внутри, возвышающее, восторг, временное, гнева, гордый, дежавю, доброты, доверия, дружба, жажда, жажды, жизнь, зависти, зависть, зло, злости, иллюзия, интуиция, искренние, испытывать, к другому человеку, легкость, личное, любовь. . . ненависть, мера, мило, милосердие, мука, наличие души, настоящее, недоверие, нежность, ненависть, неприятное, нерв, нервы, нечувство, нюх, обиды, одиночества, опасность, осуждение, ответное, отсутствуют, охватывает, палец, первое, переполняющее душу, понимание, предчувствие, прекрасно, прекрасного, притуплено, приятное, пылкое, пять, равновесия, разочарования, растерянности, рвение, реальность, ревность, редкость, самосохранения, свобода, седьмое, секрет, силы, система, скорби, скрыть, слезы, смелости, смерть, собственного достоинства, совесть, сознания, спокойный, стиль, странное, стремление, счастье, тревога, трепет, удовольствия, умора, успех, холод, холодность, человек, чувствительный, шестое 1. (549, 163, 5, 106)	любовь 110; юмора 35; любви 24; долга 21; вины 18; страха 10; голода; ощущение 8; достоинства; сильное; шестое; эмоции 7; эмоция 6; вина; достоинство; радости; сердце 5; меры; мести; одиночества; ответственности; счастье; юмор 4; глубокое; гордости; гордость; долг; жалости; жизнь; обиды; ответственность; прекрасное; радость; седьмое; собственности; совести; страх; счастья; хорошее 3; большое; голод; дома; душа; искренность; любить; мера; ненависть; осязание; ревности; собственного достоинства; сострадания; стиля; страсть; стыд; стыда; удовлетворение; человек; эйфория 2; благодарности; близость; боли; будет; взаимность; взрыв; виновности; внутри; воли; восторга; времени; в сердце; греха; добро; долго; дружба; жалость; забота; защищенность; злость; идеал; инстинкт; интуиция; испытание; каламбур; касание; крепкие; личное; любовь, радость; любовь, страсть; накипело; наслаждение; настоящее; насыщенности; нежное; нежности; нежность; неудовлетворения; обманчиво; обоняние; ожог; опасности; острое; ответное; открытое; отягчает; ощущения; победа; подвох; поддержки; полное; похоти; прекрасного; приятно; просто; пять; радостное; раскаяние; река; ритма; рождается; самосохранения; сантименты; светлое; свойство человека; сердце, душа; скромности; слабости; собственность; сожаления; состояние; сохранения; страсти; страх, боль; теплое; тяжести; уверенность; умора; уныния; утихло; феромоны; холод; часто; человечность; честное; что-то; что-то важное; чувство; шесть; щемящее; эмпатии; явление 1. (500, 150, 10, 92)

Анализируя результаты из обеих баз данных, в качестве ядра ассоциативного поля лексемы *чувство* можно выделить самую частотную реакцию *любовь* (ЕВРАС – 112, или 20 %, СИБАС – 110, или 22 %). Было бы логичнее использовать лексему *чувство* для передачи

второго (иррационального) компонента в названии романа. Таким образом, использование данной лексемы переводчиком И. Г. Гуровой для передачи первого (рационального) компонента является нецелесообразным. Среди наиболее частотных реакций можно также выделить: *долга* (ЕВРАС – 23, СИБАС – 21), *достоинства* (ЕВРАС – 8, СИБАС – 7), *ответственности* (ЕВРАС – 7, СИБАС – 4). В сумме в результатах ЕВРАС эти реакции встречаются 38 раз (7 % от общего числа), в СИБАС – 32 раза (6 % от общего числа). Понятия *чувство долга*, *чувство достоинства* и *чувство ответственности* очень точно характеризуют поведение одной из главных героинь Элинор, а также передают главное воспитательное послание, заключенное в романе Дж. Остин. Но это не свидетельствует в пользу адекватности лексемы *чувство* для передачи английского оригинала *sense*. Во-первых, для передачи этих 3-х значений необходимо добавление к лексеме *чувство* еще одного слова (усложнение грамматической структуры). Во-вторых, количественный показатель этих реакций (по отдельности или в сумме) значительно меньше количественного показателя самой частотной реакции *любовь* (см. выше).

Отметим присутствие значения эмоциональной уязвимости (чувствительности, подверженности потрясениям), необходимого для передачи эмоционального разочарования как неизбежной стадии взросления в воспитательном аспекте сюжета романа. Количество этих ассоциаций составляет 82 (15 % от общего числа) по данным ЕВРАС: *вины* 29, *боль* 10, *страха* 7, *страх* 4, *стыда* 4, *вина* 2, *жалости* 2, *тоски* 2, *тревоги* 2, *апатия* 1, *гнева* 1, *зло* 1, *злости* 1, *иллюзия* 1, *ненависть* 1, *неприятное* 1, *нерв* 1, *нервы* 1, *обиды* 1, *одиночества* 1, *опасность* 1, *осуждение* 1, *разочарования* 1, *растерянности* 1, *ревность* 1, *скорби* 1, *слёзы* 1, *тревога* 1, *холодность* 1. В базе СИБАС количество подобных ассоциаций составляет 73 (что также равно 15 % от общего числа): *вины* 18, *страха* 10, *вина* 5, *одиночества* 4, *жалости* 3, *обиды* 3, *страх* 3, *ненависть* 2, *ревности* 2, *стыд* 2, *стыда* 2, *боли* 1, *виновности* 1, *греха* 1, *жалость* 1, *злость* 1, *испытание* 1, *неудовлетворения* 1, *обманчиво* 1, *опасности* 1, *отягчает* 1, *подвох* 1, *раскаяние* 1, *сожаления* 1, *страх* 1, *боль* 1, *тяжести* 1, *уныния* 1, *щемящее* 1, *эмпатии* 1. Таким образом, мы видим, что тема чувствительности и разочарования в любви, важная для сюжета и воспитательного послания романа, представлена в обеих базах данных в равной степени, что подтверждает адекватность передачи А. Ю. Фроловой иррационального компонента *sensibility* в названии романа через лексему *чувство*.

Рассматривая значения остальных реакций, связанных со стимулом *чувство*, отметим, что большинство из них связаны с эмоциональным (иррациональным) компонентом ментального восприятия мира, что свидетельствует в пользу нецелесообразности выбора лексемы *чувство* переводчиком И. Г. Гуровой для передачи в русском языке рационального компонента *sense* в названии романа. Другой переводчик романа на русский язык, А. Ю. Фролова, остановила свой выбор на лексеме *разум*. Рассмотрим значения лексемы *разум* в Толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой (2000):

1)
1. Высшая ступень познавательной деятельности человека, способность логически и творчески мыслить, обобщать результаты познания.
2. Продукт деятельности мозга, выражающийся в речи.
2)
1. Ум, интеллект (противоп.: чувство).
2. Разумность.
Устар. Смысл, идейное содержание.

В словарной статье содержится указание на непосредственное противопоставление понятия *разум* понятию *чувство*, что указывает на правильность переводческого решения А. Ю. Фроловой и адекватность ее перевода названия романа. Значения *ум*, *интеллект*, *разумность* достаточно точно отражают значения английской лексемы *sense* по словарям С. Джонсона (*understanding*; *strength of natural reason* и др.) и современным английским словарям (*good judgment*). В целом можно сказать, что в русском языке значения лексемы *разум* вполне верно передают значения английской лексемы *sense*.

Для конкретизации наиболее актуальных значений лексемы *разум* обратимся к ассоциативным базам данных ЕВРАС и СИБАС. Данная лексема присутствует в обеих базах не как

стимул (формат прямого словаря), а как реакция (формат обратного словаря). Поэтому именно в этом формате мы и рассмотрим значения данной лексемы (табл. 2).

Таблица 2

Стимулы, связанные с реакцией *разум*
по данным ассоциативных экспериментов

Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС	Русская региональная ассоциативная база данных СИБАС
ум 55; чистый 11; ограниченный 7; светлый 5; безумие, хаотичный 4; глубокий, голова, понимать, свободный, смысл, человек 3; абсолютный, богатый, больной, женский, мнение, отсталый, превосходство, развитие, самобытный 2; безответственный, беспредел, видеть, гибкий, деятельный, живое, живой, запутывать, зерно, крупный, лидер, любовь, люди, машина, национальный, непредсказуемый, нрав, общественный, общий, огромный, определенный, подумать, предвидеть, проект, простой, расчетливый, свет, свобода, свой, сердце, следовать, социальный, спокойный, творчество, терять, умный, устойчивый, холодный, хрупкий, эффективность, я 1. (163, 62)	ум 45; чистый 8; больной, светлый, человек 4; терять 3; активный, безумие, высокий, душа, интеллигент, общественный, ограниченный, практичность, самобытный, свободный, свой, слабый, умный 2; безрассудный, влияние, восстанавливать, гармоничный, глубокий, голова, голос, деловитый, демонстрировать, древний, другой, женский, изменчивый, изобретательный, мужчина, надменный, образование, общий, отец, открытый, отнять, отсталый, плохой, подлинный, политический, понимать, пьяный, речь, решительный, свет, сердце, сила, сильный, смысл, спокойный, творчество, упругий, учиться, хитрость, широкий, эгоизм 1. (135, 60)

В обеих базах данных самой частотной ассоциацией, связанной с реакцией *разум*, является *ум* (ЕВРАС – 55, или 34 %, СИБАС – 45, или 33 %). Следующий по частотности стимул *чистый* отсылает к концепции чистого разума И. Канта. Связь понятия *разум* с философскими терминами в русском языке свидетельствует о восприятии умственных способностей как основы высокоинтеллектуальной деятельности. Количество стимулов, связанных с подобными значениями лексемы *разум*, составляет 81 (50 % от общего числа) по данным ЕВРАС: *ум* 55, *чистый* 11, *светлый* 5, *глубокий* 3, *развитие* 2, *деятельный* 1, *крупный* 1, *общественный* 1, *огромный* 1, *умный* 1. По данным СИБАС количество подобных ассоциаций составляет 67 (что также равно 50 % от общего числа): *ум* 45, *чистый* 8, *светлый* 4, *высокий* 2, *интеллигент* 2, *общественный* 2, *умный* 2, *глубокий* 1, *образование* 1, *учиться* 1, *широкий* 1.

Связь со словарными значениями английской лексемы *sense* подтверждается актуальными ассоциациями, связанными с пониманием, здравым смыслом и практичностью. По данным ЕВРАС количество подобных ассоциаций составляет 67 (41 % от общего числа): *ум* 55, *понимать* 3, *смысл* 3, *мнение* 2, *подумать* 1, *предвидеть* 1, *спокойный* 1, *умный* 1. По данным СИБАС их количество составляет 49 (36 % от общего числа): *ум* 45, *понимать* 1, *сила* 1, *смысл* 1, *спокойный* 1. Эти значения достаточно близки понятиям *strength of natural reason*, *understanding* и *good judgement* (см. значения лексемы *sense* в словарях С. Джонсона, Cambridge Dictionary и Oxford Dictionary выше).

Отметим, что ассоциацию *ум* мы относим к обеим тематическим категориям (высокоинтеллектуальная деятельность и практичность), рассмотренным выше.

Анализируя полученные данные, мы приходим к выводу о том, что лексема *разум* в переводе названия А. Ю. Фроловой является более адекватным переводом английской лексемы *sense*, чем использованная И. Г. Гуровой лексема *чувство*.

Перейдем к рассмотрению передачи на русский язык английской лексемы *sensibility*.

И. Г. Гурова перевела иррациональный компонент *sensibility* буквально как *чувствительность*. Толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой непосредственно связывает лексему *чувствительность* с понятием *сентиментальность*, что вполне соответствует характеру Марианны, с образом которой традиционно ассоциируется иррациональный компонент в названии романа. Другие значения *чувствительный характер*; *чувствительная натура*;

обладающий развитыми чувствами; *способный живо чувствовать*, *воспринимать*; *впечатлительный* тоже достаточно точно характеризуют героиню и связанное с ее поведением и судьбой содержание романа.

Значения лексемы *чувствительность* в современном русском языке (ТСРЯ, 2000):

1. Отвлеч. сущ. по значению прил.: *чувствительный* (2,4).
2. Чувствительный характер, чувствительная натура.
3. Сентиментальность.

чувствительный
2)
1. Обладающий развитыми чувствами, способный живо чувствовать, воспринимать; впечатлительный.
2. Слишком отзывчивый по отношению ко всему, что касается чувств; сентиментальный, нежный.
4)
1. Заставляющий испытывать, чувствовать что-л.
2. перен. Причиняющий что-л. неприятное в сильной степени.

С целью конкретизировать наиболее актуальные значения данной лексемы в современном русском языке мы обратились к ассоциативным базам данных ЕВРАС и СИБАС. Однако данная лексема присутствует лишь в последнем из них, в формате обратного словаря (как реакция на стимул): сострадание 1 (1, 1).

Отсутствие лексемы *чувствительность* в подборках стимулов обеих баз данных, очевидно, объясняется ее невысокой частотностью. Примечательно также очень незначительное присутствие данной лексемы в качестве реакции (только 1 раз, и только в одной из двух ассоциативных баз данных – СИБАС). Столь низкая частотность представляет собой достаточно любопытный факт, которому мы не можем дать объяснения. Делать вывод о непопулярности понятия *чувствительность* в языковой картине мира современных россиян нам представляется нецелесообразным и неверным. Из единственного стимула *сострадание*, с которым связана реакция *чувствительность*, можно сделать вывод о том, что чувствительность в наше время ассоциируется скорее с понятиями сострадания и эмпатии. Другими словами, ассоциации данной лексемы с романтическим или сентиментальным восприятием мира, вероятно, неактуальны.

Мы делаем вывод, что передача иррационального компонента *sensibility* с помощью рассмотренной ранее лексемы *чувство* (как и рационального компонента *sense* с помощью *разум*) в переводе А. Ю. Фроловой является оправданной.

Заключение

Название «Разум и чувство» А. Ю. Фроловой раскрывает для современной российской аудитории необходимые нюансы значений в значительно большей степени, чем «Чувство и чувствительность» И. Г. Гуровой. При передаче рационального компонента *sense* А. Ю. Фроловой добавлены значения, связанные с образованием и высокоинтеллектуальной деятельностью, отражающие представления нашей эпохи. При передаче иррационального компонента *sensibility* выбран адекватный перевод, связанный в восприятии современных россиян со значениями романтических чувств. При переводе иррационального компонента также сохранены важные для воспитательного послания романа значения, связанные с темой эмоциональной уязвимости.

Очевидно, И. Г. Гурова перевела рациональный компонент *sense* с помощью лексемы *чувство* из желания сохранить в названии романа эффект аллитерации – повтор согласной в начале ключевых слов «Чувство и Чувствительность» (как в английском оригинале «Sense and Sensibility»). Это привело не только к искажению значений рационального и иррационального компонентов (как мы рассмотрели выше, лексемы *разум* и *чувство* являются более целесообразными средствами передачи). Произошла также и утрата антитезы – контраста понятий, важного для понимания авторского замысла. Так как лексемы *чувство* и *чувствительность* являются однокоренными словами в русском языке, у читателя при первом взгляде на название романа складывается ощущение скорее тесного родства между этими двумя понятиями, чем их противопоставления. Разумеется, в романе рациональный и иррациональ-

ный компоненты сосуществуют (находятся в тесной связи и почти в «родстве» друг с другом) в образе каждой из двух героинь (как и в личности любого другого человека). Однако именно указание на антитезу и нравственный выбор в пользу одного из двух компонентов является воспитательным посланием данного романа Дж. Остин. В названии «Разум и чувство» А. Ю. Фроловой антитеза выражена гораздо более четко и уже при первом взгляде на название произведения читатели видят постановку проблемы – вопрос об определяющем факторе в поведении человека.

Подведем итог нашего исследования переводов рационального и иррационального компонентов *sense* и *sensibility* в названии романа Дж. Остин на русский язык (табл. 3), обобщая выводы, к которым мы пришли выше.

Таблица 3

Переводы названия романа «Sense and Sensibility» на русский язык

И. Г. Гурова	А. Ю. Фролова
Перевод компонента *sense*	
Чувство Неадекватный перевод. Подмена преимущественно рационального понятия *sense* слишком иррациональным *чувство*, связанным с романтическими чувствами в восприятии современной аудиторией	*Разум* Адекватный перевод. Эквивалент значений *ум*, *здравый смысл*. Добавление коннотаций, связанных с образованием и высокоинтеллектуальной деятельностью
Перевод компонента *sensibility*	
Чувствительность Менее адекватный перевод. Буквальная передача. Слабое выражение или утрата ассоциаций с романтическими чувствами в восприятии современной аудиторией	*Чувство* Более адекватный перевод. Генерализация. Сохранение в восприятии современной российской аудиторией значений, связанных с романтическими чувствами и эмоциональной хрупкостью (через соответствующие ассоциации), что важно для сюжета взросления человеческой личности через разочарования.
Порядок слов в названии	
Порядок следования рационального и иррационального компонентов в обоих названиях сохранен	

Итак, в целом практически все нюансы смысла, предусмотренные словарными значениями рационального компонента *sense* и иррационального компонента *sensibility*, были переданы А. Ю. Фроловой на русский язык адекватно и достаточно полно. На наш взгляд, не хватает лишь указания на высокую скорость ощущения и восприятия в передаче иррационального компонента *sensibility* (см. выше значения *quickness of sensation* и *quickness of perception* в словарях английского языка эпохи Дж. Остин). Этот нюанс смысла очень важен, чтобы охарактеризовать наиболее полно характер и импульсивность одной из главных героинь Марианны, быстро (и поначалу не очень обдуманно) реагирующей на происходящие в ее жизни изменения.

Несмотря на указанные достоинства перевода названия в версии А. Ю. Фроловой, нам представляется интересным стремление И. Г. Гуровой сохранить аллитерацию в названии. Мы предполагаем, что можно подобрать такой перевод названия, в котором одновременно сочетались бы адекватная передача противопоставления между рациональным и иррацио-

нальным компонентами, а также аллитерация в начале ключевых слов. Не ставя перед собой цели найти оптимальное решение данной гипотетической задачи, мы можем предложить свои примеры ее решения, не претендуя при этом на эстетическое совершенство, научную ценность или исчерпывающую адекватность:

1) «Разум и Ранимость»;
2) «Рассудок и Ранимость»;
3) «Принципы и Порывы»;
4) «Суждение и Спонтанность».

Возможно, впоследствии будущие переводчики данного романа предпримут более удачные попытки одновременно отразить в названии контраст двух компонентов и аллитерацию.

В своих дальнейших исследованиях мы рассмотрим более подробно лексические, грамматические и синтаксические особенности содержания романа «Sense and Sensibility» в его переводах на русский и французский языки.

Список литературы

Бобылева Т. В. Анализ переводов названия романа Джейн Остин «Sense and Sensibility» на французский язык // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 1. С. 76–95.

Остин Дж. Чувство и чувствительность: Роман / Пер. с англ. И. Г. Гуровой (1988); коммент. Е. Гениевой, Н. Демуровой. М.: Издательство АСТ, 1999. 381 с. (Рандеву).

Остин Дж. Разум и чувство: Роман / Пер. с англ. А. Ю. Фроловой. М.: ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013. 445 с.

Austen J. Sense and Sensibility. Penguin Books, 2014. 381 p.

Berman A. La retraduction comme espace de la traduction // Palimpsestes. 1990. No. 4. URL: http://palimpsestes.revues.org/596 (дата обращения 20.02.2018).

Gambier Y. La retraduction, ambiguïtés et défis. Autour de la retraduction // Perspectives littéraires européennes, sous la direction d'Enrico Monti et Peter Schneyder. Paris: Orizons, 2011. P. 49–66.

Mattos T. Définir et redéfinir la retraduction: d'Antoine Berman jusqu'à présent // Atelier de traduction. Editura Universitatii din Suceava. 2015. No. 23. P. 41–51.

Словари

Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Сост. Т. Ф. Ефремова. М.: Русский язык, 2000. URL: http://www.efremova.info/

Русская региональная ассоциативная база данных СИБАС (2008–2016) / Сост. И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. URL: http://adictru.nsu.ru/

Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС (2014) / Сост. Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева. URL: http://iling-ran.ru/main/publications/evras

Cambridge Dictionary. URL: http://dictionary.cambridge.org

Johnson S. A dictionary of the English language. Abstracted from the folio ed., by the author. 1768. URL: https://books.google.ru/

Johnson S., *Walker J.*, *Jameson R. S.* A Dictionary of the English Language. London: W. Pickering, 1828. URL: https://books.google.ru/

Oxford Dictionary. URL: https://en.oxforddictionaries.com/

Материал поступил в редколлегию 05.03.2018

Tatiana V. Bobyleva

Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

tanvbob2018@gmail.com

ANALYSIS OF RUSSIAN TRANSLATIONS OF JANE AUSTEN NOVEL's TITLE «SENSE AND SENSIBILITY»

The purpose of the study is to analyze two Russian titles of J. Austen's novel *Sense and Sensibility* translated by Irina G. Gurova (1988) and Alla Yu. Frolova (2013). The meanings of the lexemes *sense* and *sensibility* in English (in the 18–19th centuries and nowadays) are compared with the meanings of their corresponding translations in the modern Russian language. The most important meanings of the Russian lexemes are identified by using associative databases: Russian regional associative dictionary-thesaurus EVRAS (Institute of Linguistics, RAS) and Russian regional associative database SIBAS (Institute of Linguistics, RAS; Institute of Philology, SB RAS; Novosibirsk State University). In the conclusion «Разум и чувство» [razum i chuvstvo] (i.e. *Reason and Feeling*) by Alla Yu. Frolova is argued to be the best relevant translation of the novel title. The author of the article also suggests her own possible Russian versions of the novel title, not only taking into account the opposition of the rational and irrational components, but also reflecting the alliteration that takes place in the English original. The analysis is a part of a larger research based on studying the full-text versions of J. Austen's novel *Sense and Sensibility* done by Russian and French translators.

Keywords: associative field, associative experiment, English, Jane Austen, Russian, Sense and Sensibility, translation

References

Austen J. Chuvstvo i chuvstvitel'nost' [Sense and Sensibility]. Roman. Transl. into Russian by Irina G. Gurova; comment. by E. Genieva and N. Demurova. Moscow, Izdatel'stvo AST, 1999, 381 p. (Randevu). (in Russ.)

Austen J. Razum i chuvstvo [Sense and Sensibility]. Roman. Transl. into Russian by Alla Yu. Frolova. Moscow, Izdatel'stvo Tsentrpoligraf, 2013, 445 p. (in Russ.)

Austen J. Sense and Sensibility. Penguin Books, 2014, 381 p.

Berman A. La retraduction comme espace de la traduction. *Palimpsestes*, 1990, no. 4. URL: http://palimpsestes.revues.org/596 (accessed: 20.02.2018).

Bobyleva T. V. Analiz perevodov nazvaniya romana Dzhejn Ostin «Sense and Sensibility» na frantsuzskij yazyk. *Vestnik NSU. Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 1, p. 76–95. (in Russ.)

Gambier Y. La retraduction, ambiguïtés et défis. Autour de la retraduction. *Perspectives littéraires européennes, sous la direction d'Enrico Monti et Peter Schneyder*. Paris, Orizons, 2011, p. 49–66.

Mattos T. Définir et redéfinir la retraduction: d'Antoine Berman jusqu'à présent. *Atelier de traduction*. Editura Universitatii din Suceava, 2015, no. 23, p. 41–51.

Dictionaries

Cambridge Dictionary. URL: http://dictionary.cambridge.org

Johnson S. A dictionary of the English language. Abstracted from the folio ed., by the author. 1768. URL: https://books.google.ru/

Johnson S., Walker J., Jameson R. S. A Dictionary of the English Language. London: W. Pickering, 1828. URL: https://books.google.ru/

Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj [Explanatory Dictionary of Word Structure in the Russian Language]. Comp. by T. F. Efremova. Moscow, Russkij yazyk, 2000. URL: http://www.efremova.info/ (in Russ.)

Oxford Dictionary. URL: https://en.oxforddictionaries.com/

Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannyh SIBAS (2008–2016) [Russian regional associative database SIBAS]. Comp. by I. V. Shaposhnikova, A. A. Romanenko. URL: http://adictru.nsu.ru/

Russkij regional'nyj assotsiativnyj slovar'-tezaurus EVRAS (2014) [Russian regional associative dictionary-thesaurus EVRAS]. Comp. G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva. URL: http://iling-ran.ru/main/publications/evras

For citation:

Bobyleva Tatiana V. Analysis of Russian Translations of Jane Austen Novel's Title «Sense and Sensibility». *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 116–126. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-116-126

УДК 81'25 + 81'23
DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-127-137

Ли Сан Юн

НИУ Высшая школа экономики
ул. Союза печатников, 16, Санкт-Петербург, 190121, Россия

sanyoun@gmail.com

РЕАЛИИ КОРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ПАК ГЁННИ «ДОЧЕРИ АПТЕКАРЯ КИМА»)

В романе известной писательницы Республики Корея Пак Гённи «Дочери аптекаря Кима» описываются трагические для Кореи события конца XIX – начала XX в., социальные устои колониального периода, религиозные воззрения корейцев, отношения в обществе и семье, положение женщины, а также особенности быта разных слоев населения (аристократов, зажиточных людей, слуг).

Цель данной статьи: с критической точки зрения рассмотреть перевод текста романа, содержащего очень много реалий – национального своеобразия корейской культуры, материальной и духовной жизни корейского общества, – которые для российских читателей являются экзотичными.

В результате сопоставления корейского и русского текстов выявлено, что перевод некоторых этнографических реалий не соответствует оригиналу. Например, неверно переведены слова и понятия, связанные с традиционным корейским жилищем и оригинальной системой отопления в нем (ондоль); народные приметы, религиозные воззрения корейцев, их отношение к духам умерших родственников, различным потусторонним силам, траурным церемониям, одежде, надеваемой во время похорон. В Корее верили и в различные предсказания. Так, считалось, что дети человека, который умер, отравившись мышьяком, не будут иметь потомков (по мужской линии). В романе это предсказание сбывается: первый сын аптекаря Кима умирает в детстве, а за ним рождаются шесть дочерей.

Кроме того, в переводе обнаружены примеры диалекта южной провинции Кёнсандо – языковых отклонений от стандартного сеульского диалекта, неправильно переданные на русский язык, а также примеры несоблюдения традиционных правил вежливости при разговоре. Эти правила вежливости закреплены в самом языке и представляют собой важную составляющую менталитета корейцев.

Вывод: в переводе романа «Дочери аптекаря Кима», высоко оцененного, тем не менее, критиками и читателями многих стран, содержатся неточности в передаче некоторых этнографических реалий и явлений, отсутствующих в русской культуре, ошибки при переводе прямой речи персонажей и кёнсанских диалектизмов. Невладение фоновой культурной информацией исходного текста не позволило переводчику избежать ошибок и неточностей при передаче социокультурного контекста романа Пак Гённи, что повлияло на его художественное содержание, хотя и в разной степени.

Ключевые слова: перевод корейской литературы, Пак Гённи, «Дочери аптекаря Кима», фоновая информация, этнографические реалии.

Роман классика корейской литературы Пак Гённи (1930–2010) «Дочери аптекаря Кима» («*Ким яккук-ый тталь-дыль*» 박경리 «김약국의 딸들» [2008]) посвящен событиям конца XIX и начала XX в., когда Корея, отказавшись от политики «закрытых дверей», приступила к налаживанию отношений с западными странами и оказалась под протекторатом Японии. На примере одной семейной истории автор показывает трагедию корейского народа, тридцать пять лет жившего под колониальным гнетом. Читатель может узнать, как в тот период

Ли Сан Юн. Реалии корейской традиционной культуры и художественный перевод (на примере романа Пак Гённи «Дочери аптекаря Кима») // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 127–137.

ISSN 1818-7935
Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 3
© Ли Сан Юн, 2018

корейское общество воспринимало новые западные веяния, каких морально-этических правил придерживались в традиционной семье, каковы религиозные воззрения корейцев и особенности быта разных слоев населения.

В тексте романа встречается много реалий, содержащих в себе фоновую культурную информацию о Корее. Вопрос о фоновых знаниях, фоновой культурной информации, ее месте в переводе, стратегии и приемах передачи рассматривался в трудах отечественных и зарубежных исследователей: Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров [1990], В. С. Виноградов [2006], В. Н. Комиссаров [1990; 1992], Ю. А. Сорокин [2003], С. Влахов и С. Флорин [1980] и др.

«Фоновая информация – это социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности» [Виноградов, 2006. С. 37]. Термин «реалии» специалисты определяют по-разному. По мнению В. С. Виноградова, реалии – это «специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, характерные предметы быта прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия и т. п.» [Там же. С. 38].

На практике перевод реалий осуществляется разными путями (в тексте или вне его с помощью сносок, ссылок, комментариев). Стратегия же, которую выбирает переводчик, решая главную задачу – обеспечить правильное понимание рецептором перевода особенностей чужой культуры, зависит от его подхода к культурно-этническому аспекту перевода.

Вопрос о различиях в культуре языка оригинала и языка перевода, волновавший переводчиков с древности, в наше время становится все актуальнее. Кроме указанных выше российских ученых, большой вклад в теорию перевода по этому вопросу внесли американские исследователи. Так, в 1960-е гг. теоретик, основатель принципа динамической эквивалентности, продемонстрированного на переводе Библии, Юджин Найда [Nida, 1964] с целью упростить читателю понимание текста священного писания использовал стратегию существенной адаптации перевода, сглаживающую культурно-этнические различия между народами.

Другой известный американец, теоретик и переводчик Лоуренс Венути [Venuti, 1995] обосновал принципы доместикации (т. е., в «старых» терминах, культурной адаптации) и форенизации (иностранизации), по которым стратегию Ю. Найды следует отнести к принципу доместикации. При переводе в этом случае опускаются реалии чужого народа, которые требовали бы дополнительного объяснения, а сложные для понимания читателя слова и явления заменяются сходными словами-аналогами и явлениями культуры языка перевода. Доместикации противостоит форенизация, предполагающая сохранение в тексте культурных особенностей – реалий чужой страны – путем дополнительных комментариев, поясняющих непереводимые слова и явления.

Кроме того, существует и англо-американская теория культурооориентированного перевода, взявшая на вооружение девиз «переводить культуры». «Эта теория, пренебрегая изучением способов достижения адекватности в ходе процесса перевода, необоснованно преувеличивает роль переводчика художественной литературы, выдвигая его в качестве активной фигуры в пространстве межкультурной коммуникации и наделяя его статусом “тоже писателя”, призванного повлиять на cultural power relationships» [Фефелов, 2014. С. 90].

Нельзя не согласиться с позицией А. Ф. Фефелова относительно роли переводчика. Бесспорно, роль его в процессе межкультурной коммуникации является ключевой, но от того, владеет ли он, кроме необходимых знаний и умений, фоновой культурной информацией, зависит результат перевода. В книге Сергея Влахова и Сидера Флорина «Непереводимое в переводе» указывается, что без фоновых знаний «информация переводчика <…> окажется неполной, неясной, иногда искаженной или даже вымышленной под влиянием неверно <…> воспринятых деталей подлинника» [1980. С. 330]. Кроме того, авторы подкрепляют свою позицию цитатой из работы видного французского лингвиста Жоржа Мунена «Теоретические проблемы перевода»: «…чтобы переводить с иностранного языка, нужны две предпосылки, из которых каждая необходима, а одной недостаточно: выучить этот иностранный язык и изучить (систематически) этнографию коллектива, пользующегося этим языком. Не может быть полноценного перевода, если не удовлетворены оба условия» (цит. по: [Влахов, Флорин, 1980. С. 329]).

Чтобы сохранить в максимально возможной степени этнокультурное содержание оригинала, передать точный смысл этнографических явлений, отсутствующих в русской культуре, переводчику романа Пак Гённи пришлось столкнуться с большими трудностями, которые не всегда были успешно преодолены им. Сложность должны были вызвать не только поиск необходимых лексических соответствий в русском языке, но и диалект провинции Кёнсандо, на котором говорят персонажи романа [1].

В этом произведении, например, часто встречаются этнографические реалии – слова, обозначающие понятия быта, материальной и духовной культуры, религии, искусства, фольклора. В книге описаны история жизни семьи главного героя – аптекаря Кима – и различные ситуации, часто происходившие в его *родовом* доме, поэтому для того, чтобы читатель мог познакомиться с традиционной этнографической культурой, важно было обратить внимание на особенности быта корейцев, живущих в традиционном доме, который имеет в корейском языке специфическое название: *ханок*.

Традиционный корейский дом, как правило, был одноэтажным, каркасно-столбового типа, устанавливался на высоте около полуметра от земли; строение разделялось на два флигеля – мужской (внешний) и женский (внутренние покои, кухня и двор). В мужском флигеле *саранпан* (사랑방) обычно проживал глава семьи. На этой половине дома принимали гостей, и ее называли гостевой или гостиной, это была главная часть жилища, поэтому эквивалент «боковая комната» никак не может соответствовать статусу главы семьи. Следовательно, не «боковая комната» [Пак Гённи, 2011. С. 17] [2], а именно «гостиная» будет адекватным соответствием слову *саранпан.*

Важной частью корейского дома является его конструктивная особенность, обозначаемая словом *мару* (마루), которое в Большом корейско-русском словаре [БКРС, 1976. С. 418] переводится как *деревянный пол*. Ею не следует пренебрегать, потому что и в наши дни многие корейцы, несмотря на то что живут в многоэтажных домах, спят на полу, готовят еду и принимают пищу за низкими столиками, сидя на полу. Другими словами, его функции в современной корейской культуре шире, чем в современной русской. Однако слово *мару* является скорее экзотизмом и имеет более широкое значение, чем отмечено в словаре. Так, например, крытую террасу (т. е. имеющую общую с домом крышу) с деревянным полом перед входом в жилые комнаты, куда поднимаются по каменным ступеням и снимают обувь на верхней, также называют *мару*. Кроме того, в домах зажиточных людей, как правило, имелось довольно широкое пространство, называемое *тэчхон мару* (대청 마루, поморфемный перевод – большой пол), с деревянным полом между комнатами главного флигеля, где в теплое время года принимали гостей и проводили семейные церемонии.

События романа происходят в провинции Южная Кёнсандо, где летом очень жарко. Поэтому дома строились там с таким расчетом, чтобы ветер свободно гулял по всей постройке. Перевод *тэчхон мару* как «бамбуковая терраса» (с. 14, 38), обнаруживаемый в романе, нельзя назвать адекватным соответствием. Известный этнограф Р. Ш. Джарылгасинова [1979] называет эту часть дома «открытой верандой». Часто *тэчхон мару* переводят как «крытая терраса».

Говоря о культурной реалии *мару*, нельзя не упомянуть о так называемом теплом поле, специальной системе отопления *ондоль*, которая присуща только корейскому жилищу. Корейские исследователи полагают, что у *ондоля* есть связь с *каном* (обогреваемая лежанка), который появился в железном веке в государстве Когурё (37 г. до н. э. – 668 г.) и эволюционировал в *ондоль* в середине правления Корё (подробнее об этом см.: [Артемьева, 2008. С. 39, 44]).

Помещения обогреваются в этом случае снизу горячим воздухом, проходящим под полом по трубам-дымоходам, идущим от топки, которая устанавливается на кухне во внутреннем дворе (подробнее об этом см.: [Джарылгасинова, 1979. С. 220]). Помещение, расположенное ближе всех других комнат к топке, называется *арэтпан* (아랫방, поморфемный перевод –

[1] Отличительной чертой кёнсанского диалекта является тон, который резко выделяет его из ряда других диалектов. Кроме того, в нем используются особая лексика и некоторые окончания, придающие речи определенный колорит.

[2] Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

нижняя комната), и это не подвал и не его аналог, как переведено на русский язык (с. 38), поскольку подвала как такового просто не может быть в корейском доме.

Прежде чем перейти к другой этнографической реалии – похоронам, описанным в романе, следует уделить внимание ранним религиозным представлениям корейцев. «Наряду с почитанием неба, – указывает этнограф-востоковед, – корейцы одухотворяли видимую природу, населяя ее бесчисленными духами… По религиозным понятиям корейцев, они находятся в каждом доме, в каждой вещи… Духи делились на добрых и злых. Счастье и благополучие всякого человека зависело от его умения снискать себе расположение добрых духов» [Ионова, 2011. С. 57]. Души же умерших родственников «образовывали как бы невидимую часть рода и семьи» [Там же. С. 230]. При этом «они требовали большого внимания и заботы, так как им приписывалась способность мстить и вредить. Отсюда… и постоянный страх, чтобы кто-нибудь не обидел покойников, не потревожил их сон» [Там же]. По мнению Ю. В. Ионовой, в Корее «самыми опасными духами считались *токкэби* – души людей, погибших внезапной или насильственной смертью, и нечистые духи *сагэм*, пользующиеся малейшим случаем, чтобы досаждать и беспокоить людей. Шаманы вели с ними постоянную борьбу при помощи своих заклинаний» [Там же. С. 57–58].

Сказанное о духах и душах имеет прямое отношение к содержанию романа и его переводу. Главный герой, аптекарь Ким, которого в детстве звали Сонсу, в младенчестве остался без родителей. Его мать Сукчон выдали замуж в семью Кимов, разлучив с женихом Оком, поскольку по гадальным книгам совместная жизнь влюбленной пары определилась как несчастливая. Ок, не выдержав разлуки, однажды подошел к дому, чтобы последний раз увидеть возлюбленную. К несчастью, домой вернулся муж, погнался за соперником и убил его. Ни в чем не повинная Сукчон отравилась мышьяком, не выдержав издевательств мужа, который после убийства скрылся из городка. Родовой дом со временем разрушился, и к этим развалинам часто приходит Сонсу, несмотря на запрет и страшные истории о призраках его матери и бывшего жениха, якобы живущих в пустом доме. Об этом написано в главе, названной «*Токкэби чип*» «도깨비 집» и переведенной как «Проклятый дом», так как слово *токкэби* имеет значения «демон, дьявол, черт» [БКРС, 1979. С. 311].

Однако, на наш взгляд, *токкэби* не имеет столь ярко выраженной европейской демонической коннотации. Как правило, в представлениях современных корейцев это сверхъестественное существо с одним рогом, которое отличается плохой памятью, любит поиграть с людьми, особенно помериться силой в *сирым* (вид национальной борьбы. – *Л. С. Ю.*). Корейский «дух» *токкэби* на рисунках обычно изображается в мужском обличье; он носит традиционную одежду *ханбок*, т. е. шляпу из тонких пластинок бамбука, и ходит с деревянной дубинкой, с помощью которой творит чудеса для добрых людей, дает им деньги в долг. Тем не менее *токкэби* иногда занимается и зловредными делами, поэтому люди его боятся, стараются изгнать нечистого из своего жилища (он предпочитает селиться на заднем дворе дома, где находится нужник), а в день зимнего солнцестояния варят кашу из красной фасоли, зная, что *токкэби* боится цвета крови. Им также пугают детей, поскольку духи (как злые, так и добрые) всегда вызывают страх. В сказках для детей встречаются истории о проделках *токкэби*, и поэтому в детских книгах это существо часто изображается шаловливым ребенком [3].

---

[3] Например, вот какую историю о *токкэби* рассказывает писательница Пак Вансо (1931–2011) в автобиографическом романе «Забытый вкус кислички» (*Кы мантх-он сина-нын нуга да мог-осс-ыль-кка*. 박완서 «그 많던 싱아는 누가 다 먹었을까»). Слово *токкэби* в этом произведении переведено как «чертенок»:

> В нашем селении ходили истории, связанные с нужниками, в основном все о чертях, но не страшных, а немного бестолковых и веселых. Рассказывали, что один чертенок, лишенный обоняния, всю ночь напролет лепит хлебцы из какашек. Принимая золу за обсыпку из фасоли или сои, он обваливает в ней красиво вылепленные хлебцы, но ему жалко их есть, поэтому на зуб не пробует. Лишь на рассвете, закончив дело, чертенок откусывает первый кусочек и выплевывает; его тошнит, он в бешенстве разбрасывает все хлебцы, возвращая им прежний вид, и уходит. Если тихонько открыть дверь, когда чертенок поглощен своим делом, то он смутится – ведь его застали врасплох – и со словами «Отведай-ка мой хлебец» выберет самый большой и протянет «гостю». А если не съесть, то может рассердиться, и тогда несдобровать тебе.

Несмотря на то что *токкэби* причисляется иногда к самым опасным духам, переводчице Д. Капарушкиной не следовало бы, в силу сказанного выше, переводить название главы «*Токкэби чип*» «도깨비 집» как «Проклятый дом», поскольку о проклятии здесь речь не идет. Адекватным соответствием в этнокультурном плане представляется другое название главы – «Дом с призраками».

Из этой главы читатель также узнает о древнем поверье, связанном со злыми духами *квисин*. Умерший человек может стать злым духом и навлечь беду на своих родственников при несоблюдении ими правил церемонии похорон и поминок. Кроме того, *квисин* становятся духи молодых девушек и мужчин, не вступивших в брак, потому что «похороны их совершались без особых обрядов, тело хоронилось без гроба, завернутое в циновку, траура по ним не носили [Ионова, 2011. С. 51].

В романе неизлечимо больная Ёнсун, двоюродная сестра Сонсу, признается ему перед своей свадьбой:

– 시집 안 가고 죽으믄 처니구신이 돼서 집안을 망친단다 (박경리, 2008. С. 38)
(*Сичжип ан га-го чугым-ын чхони-гусин-и твэ-со чип-ан-ыль манчхин-дан-да*).
– Говорят, если умрешь незамужней, после смерти станешь духом старой девы и будешь приносить несчастье всем родным (с. 28).

И тридцатипятилетнему слуге Чи Соквону часто приходится выслушивать от знакомых: «Вот помрешь холостым, станешь злым духом!» (с. 19).

В Корее, кроме духов, верили в различные предсказания. Так, считалось, что дети того, кто умер, отравившись мышьяком, не будут иметь потомков (по мужской линии). В романе это предсказание сбывается: первенец, сын аптекаря Кима, умирает в детстве, а за ним рождаются шесть дочерей.

Особое отношение было у корейцев к шаманам, они верили в их сверхъестественную сущность. И в наши дни «шаманы продолжают считаться нечистыми, а общение с ними в быту – опасным» [Ионова, 2011. С. 165]. Поэтому понятно, почему Пак Гённи вкладывает в уста одной из героинь такие слова: «…говорят, что ребенок шаманки может принести много горя…» (с. 48). В романе принятый в семью аптекаря Кима младенец – сын умершей при родах шаманки – через двадцать лет влюбляется в одну из его дочерей, и эта связь приводит к трагедии.

Следует отметить, что в наши дни и религиозные воззрения корейцев, сложившиеся в глубокой древности, и различные народные верования сосуществуют с другими религиями. В современной Южной Корее по-прежнему соблюдают законы, связанные с погребальными обрядами и поминками, с почтением относятся к духам усопших, два раза в год в определенные дни (по лунному календарю) совершают *чеса* – жертвоприношение духам предков, которые известный кореевед С. О. Курбанов называет «церемониями кормления духов предков» [2007. С. 28–44].

В романе «Дочери аптекаря Кима» упоминаются похороны, ритуал которых всегда был строго регламентирован. Однако в переводе мы обнаружили неточности в описании траурной процессии. По русским традициям, гроб с телом покойного обычно выносится на плечах мужчинами, однако в Корее, как указывает Ю. В. Ионова, тело «…помещали в паланкин – громадные носилки, со всех сторон затянутые разрисованным балдахином» [2011. С. 227].

Переводчик не учел эту этнографическую деталь, зафиксированную в корейском языке. Выражение *санё-рыль меда* (상여를 메다) означает нести именно носилки с гробом, а не сам гроб. Паланкин несли специальные носильщики. В переводе же эта особенность не указывается, и у читателей создается неправильное впечатление о том, как корейцы провожают человека в последний путь:

흰 꽃상여는 황톳길 장대고개를 넘어간다 (박경리, 2008. С. 61)
(*Хин ккот-санъё-нын хван-тхот-киль чантэ-гогэ-рыль ном-о-ган-да*).
Переводчик: Белый гроб, украшенный цветами, медленно плыл по скользкой глиняной (! – *Л. С. Ю.*) дороге (с. 44).

…Такие истории взрослые обычно рассказывали для того, чтобы предупредить: перед дверью в нужник обязательно следует дать знак, что ты собираешься войти [Пак Вансо, 2011. С. 27].

Адекватное соответствие выглядело бы так: *Белый паланкин с гробом движется по глинистой дороге перевала Чандэ*.

Упоминание перевала в романе тоже не случайно. В начале повествования, описывая окрестности городка Тоннён, где разворачиваются события, автор указывает, что его кладбище находится за перевалом Чандэ. По традиции, умерших было принято хоронить на скате холма или горы. «Лучшим считался холм, с которого была видна самая высокая вершина в данной местности…» [Ионова, 2011. С. 226].

Во время погребального обряда ближайшие родственники надевали специальные траурные одежды белого цвета и головные уборы из конопляного холста – *тугон*, который, как подсказывает востоковед, является траурным колпаком [Там же. С. 43], а не траурной шляпой, как переведено на русский язык.

Кроме переводов этнографических реалий, которые не всегда можно назвать адекватными соответствиями, в тексте встречаются ошибки в передаче некоторых диалектных слов – языковых особенностей, характерных для южной провинции Кёнсандо, – и в переводе выражений, используемых в качестве приветствия.

Рассмотрим фразу, которую вместо привычных «здравствуйте» или «до свидания» корейцы часто произносят при встрече, прощании или в знак благодарности за полученную услугу: «*суго ха-се-йо*» (수고 하세요, поморфемный перевод – усилия (работу) делаете), в прошедшем времени – «*суго ха-сёсс-о-йо*» (수고하셨어요, поморфемный перевод – усилия (работу) сделали). В зависимости от социокультурной ситуации и от возраста говорящего перевод этого общекорейского выражения может быть разным, поскольку он должен передать особенности конкретного коммуникативного акта и иерархию коммуникантов: «Работайте усердно!», «Славно потрудились!»; «Бог в помощь!», «Спасибо. До свидания», «Спасибо за работу!», «Спасибо. Извините за беспокойство»; «Досталось же вам!», «Тяжело вам пришлось (так усердно работали)». Однако на диалекте этой провинции вместо *суго ха-сёсс-о-йо* говорят *йок-по-се-йо* (욕보세요) или в прошедшем времени – *йок-по-сёсс-ой-о* (욕보셨어요), т. е. это различие между общекорейским и диалектом провинции Кёнсандо является лексическим.

Так, один из персонажей романа приходит к аптекарю Киму и говорит его жене:

제수씨, 이번에 욕보셨지요? (박경리, 2008. С. 174)
(*Чесу-сси*, *ибон-е йок-по-сёт-ччи-йо*?)
Переводчик: Опять вас опозорили? (с. 113)

Глагол *йокпода* (욕보다) переводится как 1) переносить тяжелые испытания; терпеть лишения и 2) быть наказанным; быть отруганным; быть опозоренным [БКРС, 1976]. В данном случае переводчик применил второй вариант перевода, не учтя, однако, что диалектизм может создать сложную социокультурную ситуативную трансформацию. Неправильный перевод привел к ситуации, потребовавшей искажения и следующих за ним предложений. Кроме того, здесь опущено слово *чесусси* (제수씨), тоже несущее существенную культурную нагрузку; в Корее это обращение к жене хорошо знакомого человека. С учетом сказанного адекватное, на наш взгляд, соответствие могло иметь такие варианты: *Здравствуйте*, *хозяйка. Тяжело вам*, *должно быть*, *пришлось в этот раз*; *Здравствуйте*, *хозяйка. Настрадались же вы в этот раз.*

Кроме этого специфического слова в качестве приветствия корейцы используют и другие выражения. Например:

–형님, 저녁 잡샀습네까? (박경리, 2008. С. 63)
(*Хён-ним*, *чонёк чап-сасс-ым-не-кка*?)
– Вы поужинали? (с. 44)

Это приветствие считается вежливым, оно является характерным знаком внимания к человеку, ведь если он сыт, значит, будет здоров. Такая традиция связана с тем, что простой народ многие столетия жил неблагополучно, и бывали тяжелые времена, когда людям приходилось голодать, поэтому вопрос о хлебе насущном был настолько важным для каждого корейца, что закрепился в языке в виде приветствия. Однако на русский язык такой вопрос-приветствие лучше все-таки переводить привычными «Добрый вечер!» или «Здравствуйте!»,

показывая, что он функционирует в культуре уже как приветствие, а не как желание узнать, сыт ли человек.

Следует заметить, что правила вежливости, регулирующие отношения между членами общества, подчинены строгой иерархии и воспитываются у корейцев с детства. Старших (даже если собеседник старше всего на один год) следует почитать и обращаться к ним на «Вы». И жена к своему мужу прилюдно обращается на «Вы», как и к другим мужчинам, старшим по возрасту. В последнее время в Южной Корее на отношения между супругами повлияли феминистические идеи, но, тем не менее, обращение жены к мужу, как правило, остается традиционным, и во многом зависит от статуса главы семьи и его возраста.

Рассмотрим в этой связи перевод некоторых диалогов персонажей романа, в которых эти правила вежливости не учтены либо по незнанию, либо по другим причинам. Возьмем в качестве примера диалог между Сон, старшей невесткой в семье, и ее золовкой, младшей сестрой мужа Сон. В оригинале даже по слову *хённим* (형님, старший брат, старшая сестра), в котором присутствует суффикс вежливости *-ним*, ясно, что золовка обращается к жене старшего брата уважительно.

– 형님, 이자 두 다리 쭉 뻣겠소. 연순이만 출가시키믄. (박경리, 2008. С. 32)
(*Хён-ним, ичжа ду дари ччук ппот-кес-со. Ёнсун-и-ман чхуль-га-си-кхи-мын…*)
– Наконец-то пришел конец **твоим** беспокойствам! Вот выйдет Ёнсун замуж… (с. 24)

Наш вариант:

– *Сестра, теперь Вы и отдохнуть сможете. Вот только Ёнсун бы замуж выдать…*

Второй диалог происходит между молодыми дочерями аптекаря Кима, и это значит, что в оригинале соблюдаются предписанные традиционной культурой правила вежливости, т. е. младшая сестра обращается к старшей с почтением (*онни* 언니, сестра), несмотря на небольшую разницу в возрасте:

– 언니 왔어요? (*Онни васс-о-йо*?)
– 그래 왔다. 니가 안 오니 내 발로 걸어왔제 (박경리, 2008. С. 83)
(*Кырэ ват-та. Ни-га ан о-ни нэ бал-ло гор-о-ват-чче*)

Переводчик сильно русифицирует эту ситуацию, полностью устраняя дистанцию между старшей и младшей сестрами, еще более подчеркивая фамильярность частицей *что ль*:

Ёнбин: Ёнсук, **ты что ль**?
Ёнсук: Ну, я, а что? Вы не приходите, так я сама пришла (с. 57)

Наш вариант показывает, что фамильярность в языке (и в общении) может позволить себе только старшая:

Ёнбин: Сестра, рада, что Вы пришли!

Ёнсук: Да, вот и пришла! Ты не приходишь, так я сама и притопала.

(*нэ бал-ло гор-о-ват-чче*내 발로 걸어왔제 дословно переводится как «своими ногами и пришла»).

Выражение «*Онни васс-о-йо?*» «언니 왔어요?» (поморфемный перевод – «Сестра пришли?») звучит, конечно, для русского уха странно, однако именно так корейцы обычно приветствуют гостя. Иногда при встрече с человеком, который вернулся из поездки, «задают» другой вопрос: «Когда Вы приехали?» («*Ончже васс-о-йо*?» «언제 왔어요?»). Приветствием считается и другое выражение, формально тоже являющееся вопросом: «Куда Вы идете?» («*Оды-е га-се-йо*?» 어디에 가세요? Поморфемный перевод – «Куда идете?»). На самом деле, спрашивающего не интересует дата приезда человека или куда он направляется: у этих «вопросов» сменилась первоначальная коммуникативная функция, и в корейском обществе такие выражения принято считать приветствием.

Обращает на себя внимание в социокультурном аспекте и разговор между Понхи, женой аптекаря Кима, и слугой Чи Соквоном. В оригинале женщина, несмотря на то что ее положение считается в корейской культурной иерархии высоким, обращается к слуге на «Вы», и к его фамилии прибавляет вежливое слово *собан* (서방 – обращение к старшему мужчине, не имеющему статуса, или к младшему женатому мужчине):

– 아아, 아니 그러믄 지 서방 아이란 말이요? (박경리, 2008. С. 66)
(*Аа*, *ани кы-ро-мын Чи собан аи-ран мар-и-йо?*)

К сожалению, в переводе эта существенная особенность отношений между персонажами не отмечена.

– К-как это? Значит, это **твой** ребёнок? (с. 46)

Кроме того, во времена, описанные Пак Гённи, отношения между людьми разных сословий также имели особенности. Аристократ (*янбан*), даже небогатый, на ступенях социальной лестницы всегда находился выше торговца, пусть даже очень богатого. Поэтому разговор между аптекарем Кимом, который является *янбан*, и торговцем Чон Кукчу не должен переводиться как разговор двух приятелей, обращающихся друг к другу на «ты», и это значит, что в нем не должно быть простонародных выражений.

그런 농을 그만두시고 내 청이나 들어주소.
(*Кы-рон нон-ыль кыман-ду-си-го нэ чхон-ина дыр-о-чжу-со*).
무슨 청이요? (박경리, 2008. С. 139) (*Му-сын чхон-и-йо?*)
Переводчик:
Аптекарь: Ладно, хватит языком молоть. Лучше выслушай мое предложение.
Чон Кукчу: Что за предложение? (с. 92).

Несмотря на то что в оригинале в конце предложения стоит глагол с окончанием *-со* (소), показывающим непринужденность повелительной формы глагола, тем не менее так фамильярно, как переведено на русский язык, т. е. с использованием просторечия, аристократ к гостю обращаться не может. Тем более что в оригинале в первом глаголе *кыман-ду-си-го* 그만두시고 (перестать, прекращать) присутствует суффикс вежливости *-си* (시), лингвистически запрещающий такой стиль общения.

Адекватное соответствие нам представляется таким:

Аптекарь: Давайте оставим эти шутки. Лучше выслушайте мое предложение.

Чон Кукчу: О каком предложении вы говорите?

В корейском обществе с присущим ему культом старшего таких отношений придерживались столетиями, и потому эти строгие лингвостилистические правила существуют до сих пор.

Таким образом, проведенный анализ передачи фоновой информации через корейские реалии в романе «Дочери аптекаря Кима» подтвердил вывод теоретиков перевода о необходимости знаний переводчиком фоновой культурной информации исходного текста. Обнаруженные же ошибки и неточности в переводе отдельных этнографических реалий показывают, что переводчику их недостает. Плохо понятые им факты материальной культуры (особенности строения дома, теплый пол, подвал, терраса) не дали возможности читателю правильно представить быт традиционного корейского жилища – важной составляющей этнографической реалии Кореи. Однако для текста романа и его художественного содержания роль ошибок и неточностей в передаче этих сугубо бытовых реалий оказалась не столь существенной. Этого нельзя сказать, однако, о роли ошибки в переводе диалектизмов, т. е. в показе лексического различия между общекорейским языковым стандартом и диалектом провинции Кёнсандо («быть опозоренным» и «терпеть лишения»), незнание которого привело к неоправданной социокультурной ситуативной трансформации фрагмента, оказавшегося русифицированным. Кроме того, художественное содержание романа пострадало от незнания переводчиком фактов нематериальной культуры, связанных с обычаями, элементами культа и общественными отношениями корейцев. Эти факты, будучи непонятыми переводчиком, не позволили ему передать тонкости взаимоотношений между персонажами романа (родственниками, мужчинами и женщинами, представителями разных сословий), живущих по традиционным конфуцианским правилам. Культурная адаптация не дала возможность сделать акцент на важных представлениях, связанных с религиозными воззрениями корейцев (вера в предписание судьбы, отношение к духам, потусторонним силам, похоронам). Всё указанное выше привело к неправильному восприятию читателем некоторых культурных особенностей Кореи, описанных в романе классика корейской литературы Пак Гённи.

Оправданием такой недооценки важности этнокультурной информации в художественном переводе текста, принадлежащего восточной культуре, может служить отсутствие опыта у переводчика: это его первый перевод художественного текста.

Список литературы

Артемьева Н. Г. Происхождение и эволюция традиционной системы отопления (кан и ондоль) народов Дальнего Востока // Ойкумена. Владивосток: Дальнаука, 2008. Вып. 1. С. 38–45.

БКРС – Большой корейско-русский словарь: В 2 т. / Под ред. Л. Б. Никольского. М., 1976.

Верещагин Е. М., *Костомаров В. Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд. М., 1990.

Виноградов В. С. Перевод. Общие и лексические вопросы. М., 2006. 236 с.

Влахов С., *Флорин С. Непереводимое в переводе. М.*, *1980. 278 с.*

Джарылгасинова Р. Ш. Корейское жилище // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии: Колл. монография. М.: Наука, ГРВЛ, 1979. С. 216–227.

Ионова Ю. В. Этнография Кореи (Избранные статьи). М.: Изд-во «Первое марта», 2011. Т. 9. 424 с. (Серия «Российское корееведение в прошлом и настоящем»)

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

Комиссаров В. Н. «Естественность» художественного перевода // Литература и перевод: проблемы теории. М., 1992.

Курбанов С. О. Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности» в корейской трактовке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 289 с.

Пак Вансо. Забытый вкус кислички / Пер. с кор. Ли Сан Юн, Хам Ёнчжуна. М.: Изд-во «Время», 2011. 317 с.

Пак Гённи. Дочери аптекаря Кима / Пер. с кор. Д. Капарушкиной. М.: Изд-во «Эра», 2011. 240 с.

Сорокин Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. 158 с.

Фефелов А. Ф. Взаимосвязи перевода и культуры в трактовке С. Басснетт // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 12, вып. 1. С. 90–97.

Nida E. Toward a science of translating. Leiden, 1964. 331 p.

Venuti L. The translator's Invisibility. London, New York: Routledge, 1995. 365 p.

박경리. 김약국의 딸들. 서울: 나남창작선. 2008. (*Пак Гённи*. Дочери аптекаря Кима. Сеул: Изд-во «Нанам», 2008).

Материал поступил в редколлегию 05.07.2018

Li San Yun

National Research University – Higher School of Economics
16 Soyuz Pechatnikov Str., St. Petersburg, 190121, Russian Federation

sanyoun@gmail.com

THE REALITIES OF KOREAN CULTURE AND THE LITERARY TRANSLATION (USING PARK KYONGNI'S NOVEL «DAUGHTERS OF PHARMACIST KIM» AS AN EXAMPLE)

Famous South Korean writer Park Kyongni's novel «Daughters of Pharmacist Kim» covers the period from the end of the 19th century to the beginning of the 20th century which was tragic for Korean people and their social norms because of the Japanese occupation. It depicts particularly the religious beliefs of Korean people, the relationships in the society and the family, the role of the woman, and the daily life of people of different social groups (aristocrats, the wealthy, servants).

The objective of this article is to critically analyze the translation of the novel that touches upon many phenomena exotic for most Russian readers, such as the national identity of Korean culture or the material and spiritual life of Korean society.

The comparison of the Korean and the Russian texts shows that the translation of some ethnographic realia does not quite match the original. For example, some words related to the following phenomena are translated incorrectly: Korean traditional underfloor heating (ondol), superstitions, Koreans' religious beliefs and their perception of ancestors' spirits, supernatural forces, mourning ceremonies, and attire worn to a funeral. In addition to believing in ancestors' spirits, Koreans also believed in prophecies. For example, children of someone who died of arsenic poisoning were believed to be destined to leave no male offspring. This prophecy comes true in the novel: Pharmacist Kim's first son dies in childhood and six daughters are born afterwards. Koreans paid special attention to shamans and believed in their supernatural essence. To this day, Koreans' religious beliefs dating back to ancient times and various folk beliefs peacefully coexist with other world religions. In modern South Korea, people still observe customs and traditions related to funeral rites and wakes, they fear and revere the spirits of the dead, and perform «feeding ancestors' spirits» ceremonies twice a year on certain days chosen according to the lunar calendar.

In addition to the shortcomings of the Russian translation described above, some dialectal items of the Southern province Kyungsan-do are translated incorrectly, and so are occasionally rendered the rules of the traditional verbal etiquette. It may be considered as a gross error because the latter are anchored in the very essence of Korean language and make up an important part of Korean mentality.

Conclusion. So, this analysis of conveying background information through Korean realia in the novel «Daughters of Pharmacist Kim» confirms the theorists' conclusion that the translator must know background cultural information of the source text. Errors and flaws found in the translation of some ethnographic realia show that those errors and flaws are not likely to affect significantly the novel's content or its artistic value. At the same time, the fictional quality of the novel is affected by the lack of translator's knowledge of its dialectal peculiarities and some facts of non-material culture related to customs, elements of cult and public relations among Koreans. All of the above leads to the incorrect perception of some cultural realia of Korea described in the novel of Korean classic writer Park Kyongni.

Keywords: Korean literature, Park Kyongni, the novel «Daughters of Pharmacist Kim», background information, translation of ethnographic realia.

References

Artemieva N. G. Proishozhdenie i evolyutsiya traditsionnoj sistemy otopleniya (kan i ondol') narodov Dal'nego Vostoka [Translation: Origin and Evolution of Traditional System of Heating (caen and ondol') of the People of the Far East]. *Ojkumena*. Vladivostok, Dal'nauka, 2008, iss. 1, p. 38–45. (in Russ.)

Dzharylgasinova R. Sh. Korejskoe zhilishche [Translation: Traditional Korean Dwelling]. *Tipy traditsionnogo sel'skogo zhilishcha narodov Jugo-Vostochnoj*, *Vostochnoj i Tsentral'noj Azii*. Monograph. Moscow, Nauka, GRVL, 1979, p. 216–227. (in Russ.)

Fefelov A. F. Vzaimosvyazi perevoda i kul'tury v traktovke S. Bassnett [Translation: Interrelationship between translation and culture according to Susan Bassnett]. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2014, vol. 12, iss. 1, p. 90–97. (in Russ.)

Ionova Yu. V. Etnografiya Korei [Translation: Ethnography of Korea] (Izbrannye stat'i). Serija Rossijskoe koreevedenie v proshlom i nastoyashchem. Moscow, Pervoe marta Publ., 2011, vol. 9, 424 p. (in Russ.)

Komissarov V. N. «Estestvennost'» khudozhestvennogo perevoda [Translation: «Naturalness» of art translation]. *Literatura i perevod: problemy teorii*. Moscow, 1992. (in Russ.)

Komissarov V. N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Translation: Lexical Aspects of Translation]. Moscow, 1990, 253 p. (in Russ.)

Kurbanov S. O. Konfutsianskij klassicheskij Kanon synovnej pochtitel'nosti v korejskoj traktovke [Translation: The Confucian Classical «Canon of filial piety» in the Korean Interpretation]. St. Petersburg, SPbSU Press, 2007, 289 p. (in Russ.)

Sorokin Yu. A. Perevodovedenie: status perevodchika i psikhogermenevticheskie protsedury [Translation: Status translator and psycho-hermeneutic procedures]. Moscow, Gnozis, 2003, 158 p. (in Russ.)

Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Yazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [Translation: Language and Culture. Culture-oriented Linguistics in Teaching Russian as a Foreign Language]. 4th ed. Moscow, 1990. (in Russ.)

Vinogradov V. S. Perevod. Obshchie i leksicheskie voprosy [Translation: General and Lexical Issues]. Moscow, 2006, 236 p. (in Russ.)

Vlakhov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode [Translation: Untranslatable in Translation]. Moscow, 1980, 278 p. (in Russ.)

For citation:

Li San Yun. The Realities of Korean Culture and Literary Translation (Using Park Kyongni's Novel «Daughters of Pharmacist Kim» as an Example). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018, vol. 16, no. 3, p. 127–137. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-3-127-137

УДК 81.11

Л. Г. Панин

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирская православная духовная семинария
Военный городок, 127, Обь, Новосибирская обл., 633103, Россия

leo.panin@gmail.com

ПРАВО И ЯЗЫК

(рецензия на книгу:
Акишин М. О. Правовая культура и юридический язык России: Учебное пособие.
Новосибирск: ЧОУ ВО Центросоюза РФ «СибУПК», 2018. 180 с.)

Ясность, точность и доступность юридического языка является важной предпосылкой определенности в праве, условием стабильности и безопасности в обществе, что обусловливает внимание к этой проблеме как научного сообщества, так и общества в целом. Учебное пособие М. О. Акишина является одним из проявлений лингвистического поворота в науке XX–XXI вв., который, в частности, привел в современности к формированию новой сферы междисциплинарных исследований на стыке правоведения и филологической науки – юридической лингвистики. Эта сложная проблематика до настоящего времени разрабатывается преимущественно авторами научных исследований и составителями словарей, но она чрезвычайно востребована и в учебном процессе, в первую очередь в учебных заведениях юридического профиля. Этим и определяется актуальность рецензируемого учебного пособия.

В российской науке актуальность темы изучения юридического языка была осознана еще в XVIII в. (об этом писали В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, Е. Р. Дашкова). Первое монографическое исследование по этой теме появилось в канун русских революций. В советской теории права необходимость разработки проблем юридического языка была осознана лишь в 1960-х – 1980-х гг. (этот период хорошо освещен в пособии М. О. Акишина). В российском правоведении и филологической науке рубежа XX–XXI вв. трудами многих ученых произошло становление новой научной дисциплины – юридической лингвистики. Эти научные изыскания имеют большой прикладной эффект, о чем свидетельствует работа Отдела лингвистической экспертизы Государственной Думы РФ. О значении этой работы, в частности, свидетельствуют труды одной из его сотрудниц Л. Ф. Апт [2008].

Учебное пособие М. О. Акишина в доступной для обучающихся на юридических факультетах и вузах форме излагаются основные достижения этих научных исследований (библиографический список учебного пособия включает более 250 названий). Но автор пособия нашел собственный аспект в этих теоретико-правовых и филологических исследованиях. Он впервые в российской науке обосновал позицию, согласно которой юридический язык явля-

Панин Л. Г. Право и язык (рецензия на книгу: Акишин М. О. Правовая культура и юридический язык России: Учебное пособие. Новосибирск: ЧОУ ВО Центросоюза РФ «СибУПК», 2018. 180 с.) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 138–140.

ISSN 1818-7935
Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 3
© Л. Г. Панин, рец., 2018

ется ядром правовой культуры, поставив тем самым очень важную научную проблему. Такая постановка проблемы определила структуру учебного пособия.

В первой главе учебного пособия дана характеристика истории становления и современного состояния философии языка, лингвистического поворота в современной науке и тех функций языка, которые выделяются современными учеными. Далее, М. О. Акишин провел анализ современного международно-правового и государственно-правового регулирования права на язык личности и этнического сообщества, сфер использования официального и государственного языка. Автор обосновывает позицию, согласно которой юридический язык является ядром государственного языка. Заканчивается первая глава определением понятия «юридический язык», анализом его стиля и строения.

Во второй главе М. О. Акишин проводит анализ основных подходов к определению понятия и структуры правосознания и правовой культуры. В результате анализа трудов В. М. Боера, Н. Н. Вопленко, В. Н. Карташова, Л. А. Петручак, В. П. Сальникова и др. автор приходит к выводу о том, что разрабатываемые ими антропологический, социологический, философский, аксиологический, психологический и интегративный подходы к определению понятия «правовая культура» необходимо дополнить филологическим. В рамках последнего подхода, получившего широкое признание в философии, культурологии и языкознании, юридический язык является ядром правовой культуры.

Уровень владения юридическим языком является основой для изучения языковой личности в праве и позволяет выявить новые аспекты обыденного, профессионального и доктринального правосознания. М. О. Акишиным проведен анализ роли СМИ в правовом воспитании. Он приходит к обоснованному выводу о том, что журналист, не обладающий достаточными правовыми знаниями, может порождать дефекты в обыденном правосознании личности, социальной и национальной группы, а также в массовом правосознании. Далее, автор проводит анализ роли юридического языка в формировании профессионального правосознания юристов в учебных заведениях юридического профиля.

Юридический язык и правовая культура общества формируются исторически. В третьей главе М. О. Акишин кратко излагает результаты своих научных исследований по истории становления и развития юридического языка в России X–XX вв. [Акишин, 2016а–е], и эта часть пособия мне как историку русского языка особенно близка и поучительна. Автор приходит к выводу, что основополагающие категории права на Руси появились еще в догосударственный период. В период становления древнерусского государства IX–XII вв. формирование юридического языка стало важнейшим фактором преодоления племенных диалектов и появления единого русского языка. Крещение Руси привело к появлению церковнославянского языка, ставшего, в частности, языком церковного права, а также к усвоению русским юридическим языком целого ряда понятий византийского права. Юридический язык развивался и совершенствовался в периоды приказного языка Московской Руси, языка законодательства и коллежского делопроизводства Российской империи, советского законодательства и делопроизводства. На всем протяжении истории России юридический язык оставался несущей конструкцией духовной культуры России. Такое понимание соотношения юридического (делового) языка Древней и Московской Руси и церковнославянского, вне всякого сомнения, заинтересует славистов.

В четвертой главе учебного пособия на основе трудов Л. Ф. Апт, Н. А. Власенко, М. Л. Давыдовой, Т. В. Кашаниной, А. С. Пиголкина, В. В. Трофимова и др. рассматривается проблема влияния правовой культуры на правотворческую деятельность в России и особенности языка закона. Дается понятие правотворческой деятельности, характеризуются ее принципы. Проводится анализ соотношения обыденного, профессионального и научного правосознания в правотворческом процессе. Дается общая характеристика законодательной техники, проводится системный анализ требований, предъявляемых к языку и стилю закона.

В пятой главе рассматривается роль юридического языка в сфере осуществления правосудия. В ней анализируются требования к устной речи адвоката, прокурора и судьи в судебном процессе. На основе трудов Т. В. Губаевой дается характеристика требований к составлению судебных актов. Явным недостатком этой главы является недостаточное использование труда А. С. Александрова по судебной лингвистике [2003].

Шестая глава посвящена раскрытию понятия толкования права. На основе исследований русских юристов середины XIX – начала XXI в. проводится анализ причин необходимости толкования права, дается понятие толкования права, рассматриваются виды и способы толкования права. Проводится анализ требований к интерпретационным актам как результатам официального толкования права.

Учебное пособие содержит обширный методический раздел, включающий темы и вопросы к семинарским занятиям; 47 тестовых заданий; глоссарий основных понятий, использованных в учебном пособии. Судя по тексту методического раздела, содержащего темы, вопросы и задания к семинарским занятиям, М. О. Акишин с обучающимися на его спецкурсе проводит анализ юридических дефиниций, содержащихся в нормативно-правовых актах Новосибирской области. На необходимость такой работы в субъектах федерации прямо указывают сотрудники Отдела лингвистической экспертизы Государственной Думы РФ.

Упущением рецензируемой работы является отсутствие интереса к тому опыту, который накоплен сибирскими лингвистами. В свое время формирование юридической лингвистики начиналось в Алтайском университете проф. В. А. Пищальниковой и проф. Н. Д. Голевым, который и сейчас продолжает научную и педагогическую деятельность в этом направлении в Кемеровском университете и является, я полагаю, самым авторитетным в Сибири специалистом. Надеюсь, что во втором издании пособия автор учтет это замечание, а в том, что данное пособие окажется востребованным и в будущем, у меня сомнений нет.

Все сказанное позволяет заключить, что учебное пособие М. О. Акишина обладает большой актуальностью, автору удалось сформулировать понятие юридического языка и его места в структуре правовой культуры России, охарактеризовать основные сферы использования юридического языка. Работа особо примечательна использованием междисциплинарных методов исследования, уникальным сочетанием методологий, используемых в филологических, исторических и юридических науках, написана она хорошим языком. Пособие будет интересно широкой читательской аудитории – правоведам, историкам, лингвистам.

Список литературы

Акишин М. О. Становление юридического языка в Древней Руси IX–XII вв. // Genesis: исторические исследования. 2016а. № 1. С. 203–236.

Акишин М. О. Языковая ситуация и право Древней Руси периода феодальной раздробленности и иноземного ига // Genesis: исторические исследования. 2016б. № 2. С. 9–21.

Акишин М. О. Юридический язык Русского государства конца XV – XVII века // Genesis: исторические исследования. 2016в. № 3 С. 168–187.

Акишин М. О. Государственные преобразования и юридический язык Российской империи XVIII века // Genesis: исторические исследования. 2016г. № 4 С. 51–72.

Акишин М. О. Государственный и юридический языки Российской империи XIX века // Genesis: исторические исследования. 2016д. № 5. С. 56–73.

Акишин М. О. Юридический язык Советской власти // Genesis: исторические исследования. 2016е. № 6. С. 221–242.

Александров А. С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003. 420 с.

Апт Л. Ф. Дефиниции и право: монография. М.: Изд. центр «Академия», 2008. 144 с.

Материал поступил в редколлегию 10.05.2018

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бобылева Татьяна Валерьевна – аспирант кафедры романо-германской филологии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, Новосибирск

Боднарук Елена Владимировна – заведующая кафедрой немецкой и французской филологии, доктор филологических наук, доцент Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, Архангельск

Голованивская Мария Константиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва

Гриф Михаил Геннадьевич – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры автоматизированных систем управления Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск

Королькова Ольга Олеговна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики Института естественных и социально-экономических наук Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск

Курилова Самона Николаевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск

Лаврентьев Алексей Михайлович – доктор Высшей нормальной школы Лиона, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института истории представлений и идей нового времени (IHRIM) Национального центра научных исследований Франции (CNRS), Лион

Ли Сан Юн – кандидат филологических наук, доцент департамента востоковедения и африканистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург

Мануева Юлия Сергеевна – аспирант кафедры автоматизированных систем управления Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск

Панин Леонид Григорьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры источниковедения литературы и древних языков Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, профессор Новосибирской православной духовной семинарии, Новосибирск

Репнина Татьяна Владимировна – аспирант Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

Соловьев Федор Николаевич – младший научный сотрудник Института физико-технической информатики, Протвино

Суворова (Ананьева) Маргарита Игоревна – младший научный сотрудник Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН, Москва

Тимофеева Мария Кирилловна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института математики им. С. Л. Соболева СО РАН, заведующая кафедрой фундаментальной и прикладной лингвистики Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, Новосибирск

Фокина Алина Игоревна – студентка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва

Цыбенова Чечек Сергеевна – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ

Чеповский Андрей Михайлович – доктор технических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва

Яковлев Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и прикладной лингвистики Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, Красноярск

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 печатного листа (20 тыс. знаков, шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) до 1 авторского листа (40 тыс. знаков) включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = $^1/_6$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором.

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

К рукописи необходимо приложить сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора.

Обязательным требованием является наличие *резюме статьи* на русском и английском языках (по 5–7 предложений), а также авторский перевод названия статьи на английский язык, ключевые слова на двух языках, индекс УДК (Универсальной десятичной классификации).

Образец оформления статьи

УДК 81 + 811.131.1 + 811.161.1

М. А. Кузьмина

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

mash_room@mail.ru

РУССКАЯ И ИТАЛЬЯНСКАЯ АБСТРАКТНАЯ АДЪЕКТИВНАЯ МЕТАФОРИЗАЦИЯ

Статья посвящена сопоставительному семантическому анализу направлений русской и итальянской адъективной метафоризации на основе номинаций «абстрактных» признаков объектов. Выявляются наиболее регулярные направления метафорического переноса, отмечаются общие и специфические черты метафорообразования в двух языках.

Ключевые слова: адъективная метафора, метафоризатор, направление метафоризации.

Основной текст статьи
Список литературы (в алфавитном порядке без нумерации)
Список словарей
Список источников

Материал поступил в редколлегию 25.09.2016

M. A. Kuzmina

Novosibirsk State University
1 Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

mash_room@mail.ru

THE RUSSIAN AND ITALIAN ABSTRACT ADJECTIVAL METAPHORIZATION

The paper presents semantic comparison and analysis of Russian and Italian adjectival metaphorization tenors, the vehicles and metaphors both being abstract nominations. By revealing of the most regular tenors, common and specific metaphorization features are demonstrated.

Keywords: adjectival metaphor, vehicle, metaphorization tenor.

References

Подпись автора (авторов)

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора, год издания. Например: [Розен, 1969. С. 5]. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке без нумерации. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы). Библиографические источники не нумеруются!

Образцы составления библиографического описания

Авторская монография:
Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Лит. на иностр. яз., 1958. 366 с.

Коллективная монография
(все авторы должны быть упомянуты):
Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований: Моногр. М.: Наука, 1986. 298 с.

Статья в сборнике:
Черкасова Г. А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. В. Уфимцевой. М., 2003. С. 181–190.

Статья в ученых записках (ученых трудах):
Скрипка А. С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1977. Вып. 2. С. 60–77.

Статья в журнале:
Кириллов Д. А. Образ выборов в языковом сознании российской молодежи. Опыт сравнительного исследования на материале РАС и свободного ассоциативного эксперимента // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6, вып. 2. С. 17–24.

Автореферат:
Яньшин П. В. Психосемантический анализ категоризации цвета в структуре сознания субъекта: Автореф. дис. … д-ра психол. наук. М., 2001. 42 с.

Рецензия:
Панин Л. Г. [Рецензия] // Сибирский филологический журнал. 2003. № 3–4. С. 245–247. Рец. на кн.: Турбин Г. А., Шулежкова С. Г. Старославянский язык: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. 145 с.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что рисунки следует предоставлять в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr отдельными файлами. Просим Вас ***не изменять исходный электронный формат*** создаваемого Вами графического объекта.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 × 270 мм.

Все вопросы, связанные с изменением и уточнением текста в процессе редакторской правки, должны сниматься авторами в ходе переписки по электронной почте в строго опре-

деленные для этого редколлегией сроки. Нарушение сроков ведет к отказу в опубликовании статьи. *Переписка традиционной почтой не осуществляется.*

Требования к содержанию публикуемых материалов

Требования к теме исследования, заявленной в статье. Как правило, выбор аспирантом темы публикации соотносится с темой его кандидатского диссертационного исследования. Прежде чем приступить к написанию статьи, необходимо выяснить, является ли разрабатываемая аспирантом тема актуальной и новой для филологических наук. В решении этого вопроса аспиранту не следует полагаться только на мнение научного руководителя и сотрудников своего НИИ или вуза. Необходимо тщательно проверить самому, какое количество работ уже было выполнено по данной теме отечественными и зарубежными исследователями. Для уточнения ситуации с актуальностью и новизной темы нужно обратиться к авторитетным библиографическим ресурсам (rsl.ru, rnl.ru, elibrary.ru, loc.gov и т. д.) и с помощью всех ключевых слов выявить круг уже выполненных исследований. Если, например, соматическим компонентам в составе английских фразеологизмов, в том числе социолектных, уже посвящено более 150 структурно-семантических исследований, то соискателям ученых степеней стоит переключиться на другие темы.

Требования к объектной и предметной новизне исследования. Новизна лингвистического исследования может быть объектной и предметной.

Требования к описанию объекта исследования. Автор статьи в результате выполненного им исследования должен иметь наиболее полное и системное представление об изученном им объекте. Границы объекта должны быть предельно четко очерчены в статье. Например, если речь идет о языковых единицах, то должно быть указано, к какому языку или языкам какого исторического периода или периодов относятся данные единицы, каково их общее количество, из каких именно источников, письменных или устных, они были взяты и каким методом были собраны. При отсутствии у объекта точных квалификативных характеристик выводы исследования нельзя считать репрезентативными.

Требования к характеристике предмета исследования. Об объекте, даже хорошо изученном в ряде направлений, можно получить ценную новую информацию при новом подходе к его изучению. Из содержания статьи специалистам должно быть ясно, в чем именно состоит предметная новизна выполненной работы.

Требования к формулировке названий статьи. Формулировка названия статьи должна четко отражать объектные и предметные характеристики исследования. Слишком широкие формулировки, не соответствующие содержанию работы (например «Морфологические категории: коммуникативный аспект интерпретации»), вводят читателей в заблуждение.

Требования к обоснованности и достоверности научных положений и выводов, представленных в статье. Степень обоснованности и достоверности научных положений и выводов любой лингвистической работы обусловливается репрезентативностью исследовательской картотеки и применением необходимых методов исследования. В настоящее время репрезентативность большинства лингвистических исследовательских картотек должна подкрепляться компьютерными корпусными данными (коллекции ссылок на лингвистические корпусы можно посмотреть, например, на сайте http://www.uow.edu.au/~dlee/CBLLinks.htm). Перечни методов лингвистических исследований представлены в учебной и специальной литературе.

Требования к соотнесенности полученных в исследовании новых выводов с целью и задачами, заявленными в статье. Последовательно перечисленные в конце статьи выводы исследования (в порядке убывания их значимости) должны быть скоррелированы с заявленными в начале статьи целью и задачами.

Требования к точному и последовательному использованию терминов в научном тексте. Системность – отличительная черта научного знания. Субъективный эссеизм, компилятивность, слишком вольное обращение с терминами или полное игнорирование специальной терминологии свидетельствуют о непрофессионализме автора. Все необходимые для изложения термины должны быть системно сгармонизированы и употреблены автором статьи только однозначно. В статьях, посвященных металингвистическим проблемам (истории лин-

гвистической терминологии, неоднозначности толкования терминов в различных научных школах, фиксации терминов в специальных словарях и т. д.), должны быть представлены только новые для отечественных специалистов сведения. Введение оригинальной авторской терминологии должно быть объективно обосновано.

Требования к использованию цитат. Все приведенные в тексте статьи явные и скрытые цитаты должны иметь ссылки. Реферативность изложения, обилие цитат и другие признаки «вторичного текста» не позволяют рассматривать некоторые статьи как оригинальные и самостоятельные произведения научного стиля.

Требования к отражению в статье информации о личном участии автора в исследовании. Из содержания статьи должно быть понятно, в чем именно состоит личное участие автора или авторского коллектива в получении научных результатов. В теоретических исследованиях автор (или авторы) не должен «компоновать» конспекты чужих трудов в соответствии с замыслом своей работы, а должен выходить на качественно новый уровень самостоятельной рефлексии.

Требования к отражению в статье прикладного значения полученных результатов исследования. В тексте статьи должны быть указаны сферы использования результатов, полученных автором.

Соответствие текста статьи требованиям к научному стилю и оформлению. Текст статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к текстам этого жанра. Информацию о жанровой специфике научных статей можно почерпнуть из учебных пособий по научному стилю речи. Требования к оформлению статей в журнале «Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация» публикуются на соответствующих страницах в каждом номере журнала. Просим авторов обращать внимание на объем присылаемых рукописей (не менее 20 000 знаков) и недопустимость тезисного изложения материала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Доставка материалов

Представляемые в редакцию материалы можно передать лично (комната 1269, новый корпус НГУ) или переслать по электронной почте.

Адрес редакционной коллегии
серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Кафедра истории и типологии языков и культур
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 23
E-mail: lingua@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 18285 в каталоге ОАО «Роспечать»